

РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ): ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Якутск 2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

**РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ):
ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ
И СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ**

Ответственный редактор
кандидат исторических наук В.Б. Игнатьева

ЯКУТСК
2018

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
THE SIBERIAN BRANCH
INSTITUTE FOR HUMANITIES RESEARCH
AND INDIGENOUS STUDIES OF THE NORTH (IHRISN)

**REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA):
FEATURES OF TERRITORIAL
AND SOCIAL MOBILITY**

Editor-in-chief
V.B. Ignatyeva, PhD (History)

YAKUTSK
2018

УДК 316.444.(571.56)
ББК 60.54(2Рос.Яку)
Р 43

Утверждено к печати Ученым советом
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

РЕЦЕНЗЕНТЫ

доктор социологических наук Т.И. Барсукова
доктор социологических наук В.Е. Охлопков,
кандидат социологических наук Л.В. Намруева

Томаска А.Г., Федотова Н.Д., Санникова Я.М., Винокурова Д.М.
Р43 Республика Саха (Якутия): особенности территориальной и социальной мобильности. [Электронный ресурс] : Коллективная монография; отв. ред. к.и.н. В.Б. Игнатьева. – Якутск: Изд-во: Центр научно-технической информации ИГиИПМНС СО РАН, 2018. – 185 с.

URL: <http://igi.ysn.ru/files/publicasii/Tomaska.pdf>

В коллективной монографии представлены результаты комплексного анализа территориальной и социальной мобильности населения Республики Саха (Якутия). Используются эмпирические исследования 2014-2018 гг. авторского коллектива отдела истории и этносоциологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Количественными и качественными социологическими методами обследованы сельские мигранты, мигрантские сообщества, коренные народы Якутии, ведущие традиционный хозяйственный уклад жизни, члены семей, имеющих детей. Авторами предпринята попытка представить специфику мобильности общества региона, рассмотрены факторы воспроизводства социальных отношений и формирования общественных групп, индивидуальные и групповые ресурсы мобильности, наличие доступа и ограничений к каналам мобильности. Монография предназначена для широкого круга специалистов, интересующихся данной проблематикой, а также для преподавателей, аспирантов и студентов, специализирующихся в области социологии, политологии, философии и всех интересующихся проблемами социального развития и мобильности.

Табл. 35. Рис. 27. Прил. 10.

ISBN 978-5-902198-41-3
DOI 10.25693/9807.2018.27.11.001

© Томаска А.Г., Федотова Н.Д.,
Санникова Я.М., Винокурова Д.М. 2018
© ИГиИПМНС СО РАН, 2018

Recommended for publication by the Academic Council
of the Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North
Siberian Branch
Russian Academy of Sciences

Reviewers:
Barsukova T.I. Dr (Sociology)
Okhlopkov V.E. Dr (Sociology)
Namrueva L.V. PhD (Sociology)

Tomaska A.G., Fedotova N.D., Sannikova Y.M., Vinokurova D.M.
Republic of Sakha (Yakutia): features of territorial and social mobility.
Collective monograph; Editor-in-chief V.B. Ignatyeva, PhD (History). –Yakutsk:
IHRISN, SB RAS, 2018. – 185 p.

URL: <http://igi.ysn.ru/files/publicasii/Tomaska.pdf>

This collective monograph presents the results of a comprehensive analysis of territorial and social mobility of the population of the Republic of Sakha (Yakutia). Department of History and Ethnosociology Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch Russian Academy of Sciences authors here present empirical research surveyed with quantitative and qualitative sociological methods in 2014-2018 of rural migrants; migrant communities; indigenous peoples of Yakutia, leading a traditional economic way of life; and families with children, attempted to present specifics of the mobility of regional society, considered factors of social reproduction of relations and formation of social groups, individual and group mobility resources, availability of access and limitations to mobility channels. This monograph is intended for a wide range of specialists interested in this matter as well as for teachers, graduate students and students specializing in sociology, political science, philosophy and all those interested in problems of social development and mobility.

Tab. 35. Pic. 27. App. 10.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА 1. Региональные особенности современной миграции в Якутии	14
ГЛАВА 2. Факторы социальной мобильности сельских мигрантов	31
ГЛАВА 3. Пространственная мобильность коренных малочисленных народов Севера: состояние и проблемы	55
ГЛАВА 4. Мигрантские сообщества в местах прибытия: траектории коммуникации	69
ГЛАВА 5. Традиционное северное хозяйство: факторы и критерии стратегий адаптации	90
ГЛАВА 6. Детство в Республике Саха (Якутия): стартовые возможности социальной мобильности	130
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	153
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ	156
Литература	156
Источники	171
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	176
ПРИЛОЖЕНИЯ	177

ВВЕДЕНИЕ

Социальная мобильность является важным инструментом анализа динамики любого общества, изменения его социальных параметров. Свободное перемещение индивидов и социальных групп в социальном пространстве — гарантия гармоничного развития общества, в противном случае его могут ожидать социальное напряжение и конфликты во всех сферах общественной жизни. П. Сорокин, впервые изложивший целостную теоретическую концепцию социальной мобильности, определял ее как любой переход индивида или социальной группы из одной социальной позиции в другую и отмечал ее влияние на их поведение и адаптацию¹.

В Республике Саха (Якутия) процессы социальной мобильности имеют своеобразный и неоднородный характер, преимущественно ввиду значительного разрыва между селом и городом, отдаленными и центральными районами, в характере разделения промышленного и сельскохозяйственного труда, уровня и качества жизни, доступа к социальным ресурсам и т.д. Разработка крупных проектов добычи и транспортировки ресурсов, связанные с ними миграционные потоки, перераспределение сельскохозяйственных территорий и производства вносят серьезные изменения в социальную структуру, в систему жизненного уклада населения республики. С ними связаны проблемы социальной мобильности разных слоев городского и сельского населения, детерминирующие внутреннюю миграцию из села в городские поселения, внешнюю — в местах повышенного спроса на рабочую силу, трансформацию семейно-брачных отношений и социальную дифференциацию. В этой связи целью нашей коллективной работы является социологический анализ состояния территориальной и социальной мобильности населения Республики Саха (Якутия) в условиях меняющейся внешней среды.

¹ Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. Сер. «Мыслители XX века». М., 1992. С. 302-373.

Особое внимание уделено региональным особенностям социальной мобильности разных социальных групп — сельских мигрантов, мигрантских сообществ, коренных народов Якутии, ведущих традиционный образ жизни; условий стартовой мобильности городских и сельских детей, стратегий адаптации сельских мигрантов, традиционного северного хозяйства коренных народов Якутии, роли социальных сетей в коммуникации мигрантских сообществ.

При изучении сущности социальной мобильности и осмыслении взаимосвязей общества важное значение имеют структурные, стратификационные подходы, наряду с позитивизмом, опирающимся на опыт и эмпирику (М. Вебер², Т. Парсонс³, Э. Гидденс⁴) и феноменологическими идеями (Г. Зиммель⁵, Э. Гуссерль⁶, Д. Белл⁷, А. Шюц⁸).

В комплексной трактовке социальной мобильности как явления, в основе которого лежит движение как таковое в его самых различных проявлениях, «мобильные» теории и методы Дж. Урри расширяют понимание феномена мобильности как движущей силы любого процесса поступательного развития, трансформации, модернизации⁹. Согласно Дж. Урри, «Социология всегда сосредотачивалась на регулярных и непосредственных социальных взаимодействиях людей и социальных групп, составляющих структуру общества. ...Социология должна изучать как процессы, в которых сопричастие (co-presence) имеет место время от времени и обусловлено обстоятельствами, так и формы общения, когда человек не включен в постоянное каждодневное взаимодействие, но с ним ощущаешь и поддерживаешь отношения, чувство общности. Все формы общественной жизни включают непривычные сочетания близости и уда-

² Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. №5. С. 147-156.

³ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Thesis. 1993. Вып.3. С. 94-122.

⁴ Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуриации. М., 2003. 528 с.

⁵ Зиммель Г. Избранное. Т.2. Созерцание жизни. М., 1996. 607 с.

⁶ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Общее введение в чистую феноменологию. М., 2009. 489 с.

⁷ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004. 790 с.

⁸ Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М., 2003. 336 с.

⁹ Урри Дж. Мобильности. М., 2012. 576 с.

ленности, требующие изучения пересекающихся форм физической, предметной, воображаемой и виртуальной мобильности, связывающей людей потребностями, желаниями и обязательствами — все чаще независимо от расстояний»¹⁰. М. Шеллер развивает этот тезис: теоретическое осмысление мобильностей сосредоточено на материальных практиках движения, коммуникативных мобильностях, инфраструктурах и системах управления, помогающих/мешающих движению, репрезентациях, идеологиях и смыслах, придаваемых движению/покою¹¹.

В указанном контексте полезными для авторов настоящей работы стали теории комплексности, социального капитала, седентаризма, текучести и нómадизма, востребованные для раскрытия постоянно изменяющихся процессов мобильности в современное время. В теоретическом плане также использованы подходы специалистов Центра исследования модернизации и Группы исследования стратегий модернизации Китайской академии наук (рук-ль — проф. Хэ Чуаньци) и Центра социокультурных изменений Института философии РАН (рук-ль — член-корр. РАН Н.И. Лапин)¹².

Современный мейнстрим исследований разных аспектов мобильности населения России представлен в целом ряде коллективных трудов¹³, а также в работах З.Т. Голенковой, Е.Д. Игитханян, Е.М.Авраамовой, Н.Е. Тихоновой, Т.Н. Заславской¹⁴ и др.

¹⁰ Урри Дж. Мобильность и близость // Социологические исследования. 2013. №2. С. 3.

¹¹ Шеллер М. Новая парадигма мобильностей в современной социологии // Социологические исследования. 2016. №7. С. 3-11.

¹² Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010). М., 2011. 256 с.; Лапин Н.И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии. М., 2016. 360 с.; Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. М., 2016. 347 с.

¹³ Социальная структура и мобильность в российском обществе. Вологда, 2015. 172 с.; Социальное расслоение и социальная мобильность. М., 1999. 192 с.; Социальная мобильность в России: поколенческий аспект: монография. М., 2017. 384 с.; Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М., 2002. 480 с.; Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций: монография. Новосибирск, 2011. 330 с.

¹⁴ Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Средние слои современной России: опыт анализа проблемы // Социологические исследования. 1998. №7. С.44-53; Аврамова Е.М. Социальная мобильность в условиях российского кризиса // Общественные науки и современность. 1999. №3. С. 17-25; Тихонова Н.Е. Российский средний класс: особенности мировоззрения и факторы социальной мобильности // Социологические исследования. 2000. №3. С. 13-23;

В рамках общей проблематики исследования интерес представляют работы якутских ученых, посвященные изучению характера и тенденций развития структуры, социальной и территориальной мобильности населения Якутии. Это труды историков, социологов и этносоциологов — И.А. Аргунова, В.Б. Игнатъевой, С.И. Бояковой, Д.М. Винокуровой, Л.И. Винокуровой, В.В. Филипповой, И.И. Подойницыной, В.Е. Охлопкова¹⁵,

Заславская Т.Н. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М., 2002. 568 с.

¹⁵ Аргунов И.А. Социальное развитие якутского народа (историко-социологическое исследование образа жизни). Новосибирск, 1985. 316 с.; Он же. Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР (история формирования и современные проблемы). Якутск, 227 с.; Игнатъева В.Б. Национальный состав населения Якутии: этно-статистическое исследование. Якутск, 1994. 144 с.; Боякова С.И. Современные демографические процессы в арктической зоне Республики Саха (Якутия) // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX - начале XXI в. /отв. ред. В.А. Ильиных. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2009. С. 239-241. Боякова С.И. Этносоциальное развитие коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) в начале XXI в. // Научные основы устойчивого развития коренных народов Севера (мат-лы респуб. науч.-практ. конф., посвященной 75-летию со дня рождения В.А. Роббека). Новосибирск: Наука, 2013. С. 103-109. Винокурова Д.М. Миграция населения при промышленном освоении территории (причины и характер) : дисс...канд. социол. наук. МГУ, Москва, 2000. 110 с.; Винокурова Д.М. Приезжее / местное сообщество и частотность миграции: форма коммуникации (по материалам социологических исследований в Республике Саха (Якутия)) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015, №1. С. 147-153; Винокурова Д.М. Migration in the cities of Sakha Republic (Yakutia): temporal-social aspects: (based on sociological research data) // Anthropology & Archeology of Eurasia 2017, №3-4. Т. 56. Pp. 256-274. Винокурова Л.И. Образ г. Якутска: восприятие мужчинами-мигрантами из села // Культура и интеллигенция в России: инновационные практики, образы города. Юбилейные события. Историческая память горожан/ сб. статей. Омск, 2009. С. 105-107; Винокурова Л.И., Филиппова В.В. Адаптация мигрантов в постсоветской Якутии // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям: сб. статей. М., 2010. С. 305-308; Винокурова Л.И., Филиппова В.В. Социальный портрет мигрантов в постсоветской Якутии // Сб. трудов конференции «V Диковские чтения». Магадан, 2008. С. 168-170; Винокурова Л.И., Филиппова В.В. Миграционные процессы в Якутии: этносоциальные аспекты// Север Азии в этнокультурных исследованиях: сб. трудов конференции. Новосибирск, 2008. С. 205-216; Подойница И.И. Общество открытых классов: очерки о моделях социальной структуры. Новосибирск, 1999. 176 с.; Охлопков В.Е. Институциональные основы трансформации социальной структуры населения региона. М., 2004. 218 с.; Ефимова А.Б. Особенности социальной мобильности населения северных регионов в современных условиях: на материалах Республики Саха (Якутия) : автореф. дисс...канд. социол. наук. Якут. гос. университет, Улан-Удэ, 2005.

экономистов и демографов — Г.А. Железновой, Т.С. Мостаховой, С.А. Сукневой, А.В. Трубиной¹⁶ и др.

В коллективных трудах сотрудников ИПМНС СО РАН и ИГИ АН РС(Я), впоследствии ИГИиПМНС СО РАН, приведены итоги исследования динамики этносоциальных процессов в регионе на рубеже XX-XXI веков, проблемы и особенности адаптации коренных малочисленных народов Севера в рыночных условиях, в контексте которых также рассматриваются вопросы развития традиционного хозяйствования¹⁷.

Исторические и социологические аспекты традиционного хозяйственного образа жизни и проблемы адаптации коренного населения Якутии рассмотрены в работах С.И. Ковлекова, Ф.С. Донского, Л.И. Винокуровой, М.Х. Белянской, Я.М. Санниковой¹⁸. Анализ социальных индикаторов Арктики, этногра-

¹⁶ Железнова Г.А. Миграция в условиях экономических преобразований на примере Республики Саха // Социологические исследования. 1994. №7. С. 34-38; Мостахова Т.С. Миграционная составляющая демографической безопасности северного региона // Сб. мат-лов конференций ГНИИ «Нацразвитие». СПб., 2018. С. 104-109; Сукнева С.А. Основные закономерности изменения рождаемости в Республике Саха (Якутия) // Наука и образование. 2007. №3. С. 108-113; Демографические процессы в Республике Саха (Якутия): территориальный аспект. Якутск, 2017. 208 с.; Сукнева С.А., Трубина А.В. Миграционная типология Республики Саха (Якутия) // Региональная экономика: теория и практика. 2011. №15 (198). С. 21-26; Трубина А.В. Основные тенденции миграционных процессов в арктических районах Республики Саха (Якутия) // Экономика Востока России. 2014. №1. С. 29-33.

¹⁷ Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия): потенциал, тенденции, перспективы. Новосибирск, 2000. 277 с.; Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия). Новосибирск, 2012. 363 с.; Проблемы Крайнего Севера Якутии: состояние и пути решения. Якутск: Северовед, 2001. 176 с.; Современная Арктика: опыт изучения и проблемы. Якутск: изд-во СО РАН, Якут. фил., 2005. 200 с.

¹⁸ Ковлеков С.И. Сельское хозяйство Якутии (1971-1985 гг.). Якутск, 1993. 120 с.; Он же. Аграрная реформа в Республике Саха (Якутия) в 1991-1995 гг. // Суверенная Республика Саха (Якутия): проблемы коренных преобразований (1991-1996 гг.). Якутск, 1999. С.76-110; Донской Ф.С. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века. Т.1. Якутск, 2002. 338 с.; Он же. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века. Т.2. Якутск, 2004. 320 с.; Он же. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века. Т.3. Новосибирск, 2006. 427 с.; Винокурова Л.И. Аборигенные этносы РС(Я) в модернизирующемся обществе // Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия). Новосибирск, 2000. С. 163-187; Белянская М.Х. Традиция и современность. Культура выживания северных тунгусов в Северо-Восточной Азии. Историко-этнографический очерк. СПб., 2004. 122 с.; Санникова Я.М. Динамика современного развития сельского хозяйства в национальных республиках Сибири // Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития: сб. науч. статей. Улан-Удэ, 2018. С. 248-265.

фии эволюции и микроадаптации в Сибири на материалах Якутии, развития традиционных хозяйств коренных народов Якутии в условиях климатических изменений современности представлены в трудах международной группы исследователей, а также японского антрополога Х. Такакура¹⁹. Проблемам адаптации населения Республики Саха (Якутия) в условиях модернизации посвящены работы С.М. Баишевой, В.Б. Игнатъевой, Р.А. Кузьминой и др.²⁰ В сборниках научных статей сотрудников сектора этносоциологии института отражены результаты анализа разнообразных эффектов экономических, политических, социальных и этнокультурных трансформаций в Якутии²¹. Межэтнические отношения в Республике Саха и толерантность мигрантов как фактор адаптации исследованы К.Е. Щукиной²².

В настоящей монографии представлены результаты массовых социологических опросов (количественный метод) и углубленных интервью (качественный метод), проведенных в рамках

¹⁹ Arctic Social Indicators/ ASI II: Implementation — Nordic Council of Ministers, 2014. 301 p.; Global Warming and the Human-Nature Dimension in Northern Eurasia. Singapore: Springer, 2018. 224 p.; Takakura H. Arctic Pastoralist Sakha. Ethnography of Evolution and Microadaptation in Siberia. Trans Pacific Press, 2015. 254 p.

²⁰ Баишева С.М. Социальные проблемы национальной модернизации в Республике Саха (Якутия) // Этничность, религия и политика. Ялта, 2015. С. 20-23; Игнатъева В.Б. Трудовые мигранты в Якутии: интеграция versus эксклюзия? Итоги социологического исследования и ожидания принимающего общества // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. №4. С. 86-95; Она же. Индустриальная модернизация как фактор экологических, демографических и социальных рисков в Республике Саха (Якутия) // Проблемы социально-экономической и политической истории Сибири XX — начала XXI веков. Якутск, 2012. С. 67-72; Кузьмина Р.А., Горохова Т.К. Социальная адаптация населения Республики Саха (Якутия) к рыночным реформам (по материалам мониторинга) // Наука и образование. 2000. №2. С. 27-32; Кузьмина Р.А. Особенности социальной структуры саха и русских в Республике Саха (Якутия) // Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М., 2002. С. 284-299.

²¹ Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия): сб. научных статей. Вып.1. Якутск, 2015. 139 с.; Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия): сб. научных статей. Вып.2. Якутск, 2016. 120 с.; Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия): сб. научных статей. Вып.3. Якутск, 2016. 136 с.

²² Щукина К.Е. Толерантность мигрантов как фактор адаптации в Республике Саха (Якутия)// Современные наукоемкие технологии. 2013. №7. С. 167-168; Она же. Исследование социальной дистанции и межэтнической толерантности к мигрантам у представителей различных этнических групп // Вестник СВФУ им. М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2016. №3. С. 45-52.

реализации научного проекта «Этносоциальное развитие народов Республики Саха (Якутия) в условиях современного промышленного освоения и изменения социоприродной среды» (2013-2016) и текущего проекта НИР «Республика Саха (Якутия) в XXI в.: мониторинг и регулирование этносоциальных процессов в современных условиях» (2017-2020) по следующим темам:

1) «Этнические мигрантские и старожильческие сообщества: процессы инклюзии и социальные сети» (n=892), проведен в г. Мирном (n=290), г. Якутске (n=400), г. Ленске (n=202) в 2010-2012 гг.;

2) «Качество жизни детей в Республике Саха» (n=383), проведен в гг. Якутск, Мирный, Покровск (n=235); сс. Верхневилуйск и Ордет Верхневилуйского улуса, с.Магарас Горного улуса, с.Немюгю Хангаласского улуса (n=148) в 2016 г.;

3) «Социальная модернизация и стратегии адаптации сельского мигранта в городских поселениях», проведены в гг.Якутск (n=30) в 2015-2016 гг. и Мирный (n=7) в 2016 г.

4) «Эволюция традиционного хозяйства народов Севера в контексте аграрной политики государства» (n=29) в Оленекском национальном эвенкийском районе и Среднеколымском улусе в 2014-2018 гг.

В процессе подготовки рукописи монографии осуществлено обобщение результатов социологических опросов по теме:

1) «Разработка стратегии социально-экономического развития городского округа «Жатай» Республики Саха (Якутия) на период до 2030 года» (n= 365), проведен в п. Жатай в 2018 г.

2) «Анализ ситуации в области уровня и качества жизни населения, социального обслуживания, социальной защиты населения, соответствия целевых установок государственных программ РС(Я) проблемам в данных областях» (n=1670), проведен в г. Якутске и 16 районах республики, сгруппированных по пяти экономическим зонам (Восточная, Западная, Южная, Арктическая и Центральная) в 2017 г.

Эмпирическая база монографии также включает законодательные, нормативные и правовые акты федеральных и региональных органов власти и управления, органов местного самоуправления. Статистические данные извлечены с сайта и опубликованных материалов Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по РС(Я). Используются оперативные данные текущих архивов Министерства связи и информационных технологий, Министерства культуры и духов-

ного развития Республики Саха (Якутия), Министерства по развитию институтов гражданского общества, Министерства по делам молодежи и социальным коммуникациям, Министерства образования, Министерства здравоохранения, Министерства сельского хозяйства, Союза «Торгово-промышленной палаты», Государственного комитета по занятости населения Республики Саха (Якутия); Уполномоченного по правам ребенка в Республике Саха (Якутия); наследных администраций Верхневиллюйского, Горного, Хангаласского, Оленекского, Среднеколымского улусов, администраций городских муниципальных образований (Якутск, Мирный, Покровск).

В связи со спецификой тематики исследуемых проблем каждым автором используются разные подходы к зонированию территории Республики Саха (Якутия).

Книга подготовлена коллективом авторов: введение, гл. 1, 2, 3, заключение — Томаска А.Г. (ответственный исполнитель); гл. 4 — Винокуровой Д.М.; введение, гл. 5 — Санниковой Я.М.; гл. 6 — Федотовой Н.Д.

ГЛАВА 1

Региональные особенности современной миграции в Якутии

Республика Саха (Якутия) характеризуется как северный регион с интенсивным миграционным обменом. Значимость миграции определяется тем, что она как в прошлом, так и в настоящем, является инструментом формирования народонаселения и трудовых ресурсов Якутии. До начала 1990-х годов миграция играла ключевую роль в общем приросте численности населения республики.

Диспропорции на рынке труда, создавшиеся во время радикальных реформ, их последствия привели к значительной миграционной убыли. Период с 1991 г. по 2002 г. характеризуется отрицательным миграционным приростом населения (-30881 чел. в 1991 г., -7029 в 2002 г., -4649 в 2017 г.)²³. С этого времени миграционный отток постоянно превышает миграционной приток: пик убыли населения пришелся на 1994 г. (-33525 чел.). В настоящее время миграционные процессы остаются одним из главных факторов, формирующих не только численность и социально-демографические характеристики населения, но и качество развития общества.

В последние годы отмечается рост численности и удельного веса лиц старше трудоспособного возраста, снижение численности и удельного веса детей и молодежи в общем составе населения Якутии. Самые низкие показатели естественного прироста населения наблюдались в 1999 г. — 3244 чел., в 2000 г. — 3822, в 2001 г. — 3524. Относительно 1990 г. (14192 чел.) наименьший уровень естественного прироста составлял 22,9% в 1999 г.; в 2014 г. уровень прироста поднялся до 62% (8801 чел.), а к 2017 г. снизился до 43,3% (6144 чел.)²⁴.

²³ Демографический ежегодник РС(Я): стат. сборник. Якутск, 2016. С.188; Миграция населения РС(Я): стат. сборник. Т.2. Якутск, 2018. С. 6.

²⁴ Естественное движение населения РС(Я) за 2017 г. Стат. сборник №5/269. Т.2. Якутск, 2018. С. 14.

В структуре миграционных процессов доминирует внутри-российская миграция: более 97% мигрантов прибывают из регионов России. Но здесь с 2000-х годов преобладает доля внутриреспубликанской миграции, имеющая тенденцию к росту — 64,5% в 2014 г., 65,6% в 2015 г., 68,7% в 2017 г. среди всех прибывших в пределах России; соответственно, 63% — 63,8% — 66,7% среди общего массива прибывших, преимущественно из села в город. Более 98% уезжают в пределах России; при этом, внутриреспубликанская доля составляет: 52,5% в 2014 г., 56,4% в 2015 г., 60,8% в 2017 г.; соответственно, 51,9% — 55,6% — 59,8% в общем потоке отбывающих.

В последние годы наиболее активный обмен, за исключением Дальневосточного федерального округа, где основную часть составляет внутриреспубликанская миграция (64,1%), наблюдается с Сибирским федеральным округом — 13,9%, где доминирует Новосибирская область (26,5%); Центральным федеральным округом (7,2%) и Московской областью (26,4%); Дальневосточным федеральным округом без учета Республики Саха — 6,9% и Хабаровским краем (39,1%). Наиболее интенсивный миграционный обмен среди стран СНГ происходит с Украиной (32,7%) и Кыргызстаном (23,3%).

Относительно 90-х годов XX в. уровень образования мигрантов претерпел некоторые изменения. По данным Г.А. Железновой, в 1992 г. лица с общим средним образованием составляли 39% прибывающих и 43% выбывающих мигрантов²⁵. Начиная с 2005 г. их доля снижалась и составила 34,1% в 2014 г., 33% в 2015 г., 34,8% в 2017 г. Доля специалистов с высшим и средним специальным образованием среди прибывающих составляла 44% в 1986 г., 50% в 1992 г.; соответственно, среди выбывающих: 40% — 48%. В 2005-2015 гг. их доля возрастала и составила в среднем — 54,3% среди прибывших, 55,3% среди выбывших²⁶. В 2017 г. доля лиц с профессиональным образованием среди прибывших составила 54,7%, среди выбывших — 56,3%²⁷.

В соответствии с итогами выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, проведенного Территориальным орга-

²⁵ Железнова Г.А. Миграция в условиях экономических преобразований на примере Республики Саха // Социологические исследования. 1994. №7. С. 37.

²⁶ Миграция населения Республики Саха (Якутия): стат. сборник. Т.2. Якутск, 2016. С. 17.

²⁷ Там же. С.30; Миграция населения Республики Саха (Якутия): стат. сборник. Т.2. Якутск, 2018. С. 59-60.

ном ФСГС по РС(Я) в 2016 г.²⁸, в городской местности денежный доход в среднем на члена домашнего хозяйства составил 33477,0 руб. в месяц, что указывает на незначительный рост относительно 2015 г. (32269,5 руб.); в сельской местности – 23822,7 руб., что показывает снижение денежных доходов (24261,0 руб.).

На уровень доходов городских и сельских домохозяйств влияет структура занятости населения Республики Саха (Якутия). Так, среди занятых в добыче полезных ископаемых среднемесячная номинальная начисленная заработная плата составила в 2015 г. 94609,9 руб., в строительстве – 63704,9, транспорте и связи – 62226,1, финансовой деятельности – 66097,1 руб.²⁹. В то время как среди занятых в сельском и лесном хозяйстве, охоте заработная плата составила 20816,3 руб., рыболовстве и рыболовстве – 15470,4 руб. В среднем заработная плата работников организаций в сельских поселениях почти вдвое меньше относительно городских.

По данным Госкомитета по занятости населения РС(Я), основная проблема низкого уровня трудоустройства населения Якутии заключается в отсутствии вакантных рабочих мест в сельской местности на постоянной основе³⁰. Это создает проблемы занятости сельского населения, детерминирующие миграцию из села в город: с начала реформ в России численность сельских жителей в районах Якутии ежегодно сокращается, а в структуре городских жителей увеличивается доля якутского населения.

По мнению С.В. Рязанцева, экономические факторы играют решающую роль в формировании миграционных установок населения³¹. Миграционная, пространственная мобильность непосредственно зависит от уровня социально-экономического развития региона: депрессивные регионы должны с относительно большей силой «выталкивать» население по сравнению с развитыми регионами, население которых менее подвижно³².

²⁸ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в РС(Я) в 2016 г. Стат. бюлл. №140/263. Якутск, 2017. С. 22.

²⁹ Труд и занятость в Республике Саха (Якутия): стат. сборник. Якутск, 2016. С. 200.

³⁰ Уровень безработицы в Якутии, выше, чем в среднем по России. URL: <http://www.isn.ru/204575.html> (дата обращения: 29.10.2018).

³¹ Рязанцев С.В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. Ставрополь, 2001. С. 18-22.

³² Зайончковская Ж.А., Ноздрина Н.Н. Миграционный опыт населения региональных центров России (на примере 10 городов) // Проблемы прогнозирования. 2008. №4. С. 98.

В соответствии с законом «Об административно-территориальном устройстве Республики Саха (Якутия)» №77-І от 6 июля 1995 г., населенные пункты, расположенные на ее территории, подразделяются на городские и сельские, в зависимости от сферы преимущественной занятости их населения³³. Городским признается населенный пункт, большинство населения которого занято в несельскохозяйственных сферах производственной деятельности. Республика Саха состоит из 36 муниципальных образований: 34 муниципальных района и два городских округа. В 23 муниципальных районах имеются городские поселения.

Масштабы внутренней миграции в Якутии возросли с 2011 г. В связи этим здесь также следует указать на изменение порядка статистического учета долгосрочной миграции населения, куда были включены лица, зарегистрированные по месту пребывания на срок 9 месяцев и более.

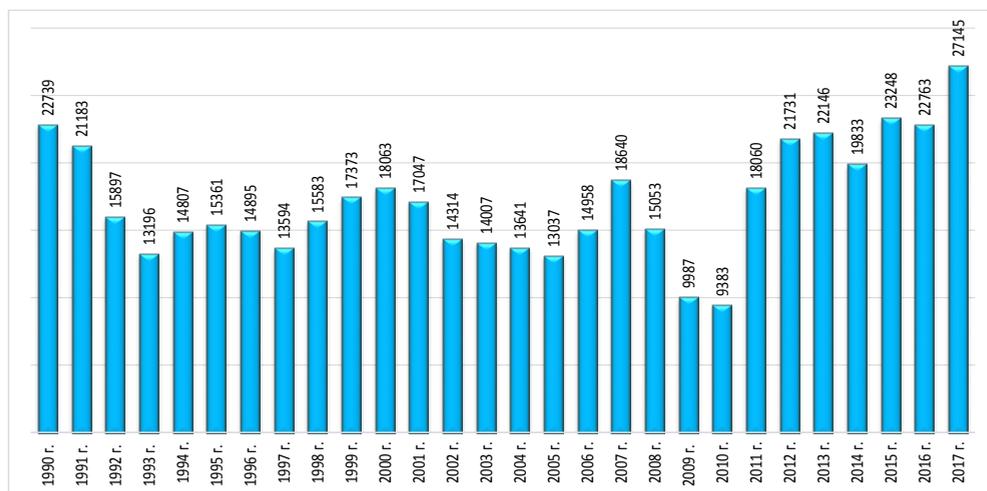

Рис. 1.1. Внутренняя миграция Республики Саха (Якутия), чел.³⁴

При изучении вопросов миграции населения из села в город Якутии условно можно выделить пять этапов, связанных с социально-экономическим состоянием республики (рис. 1.1):

³³ Закон РС(Я) «Об административно-территориальном устройстве Республики Саха (Якутия)» 3 №77-І от 06.07.1995 г. (с изм. от 07.05.2001 г.). Принят постановлением ПП ГС (Ил Тумэн) РС(Я) 3 №78-І от 06.07.1995 г./Из информационного банка «Республика Саха (Якутия)». URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW249&n=757#006498397690211966> (дата обращения: 12.10.2018).

³⁴ Общие итоги миграции населения. URL: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/statistics/population (дата обращения: 29.09.2018).

1-й этап: 1990-1992 гг. — падение сельскохозяйственного производства, высвобождение рабочей силы на селе;

2-й этап: 1995 г. — углубление экономического спада, рост безработицы на селе;

3-й этап: 2000-2006 гг. — долгосрочные последствия экономического кризиса, дефолта 1998 г.;

4-й этап: 2007-2011 гг. — разработка инвестиционной политики Республики Саха (Якутия), мегапроектов по освоению природных ресурсов;

5-й этап: 2012 г. — по настоящее время: реализация инвестиционных проектов, ипотечные программы, рост строительства жилья.

По данным ВПН-2010 численность населения Якутии составила 958,5 тыс. чел. (рис. 1.2). По сравнению с ВПН-2002, численность постоянного населения увеличилась на 9248 чел., или на 1%, в т.ч. проживающих в городских поселениях — на 4546 чел. (на 0,7%), сельской местности — на 4702 чел. (на 1,4%). Вместе с тем, общая численность населения Якутии относительно переписи 1989 г. уменьшилась на 14,1%, в т.ч. сельского населения — на 5,3% (на 18119 чел.). В указанный период миграция сельских жителей в городские поселения республики происходит преимущественно с целью перемены постоянного места жительства, т.е. имеет безвозвратный характер и является социальной миграцией.

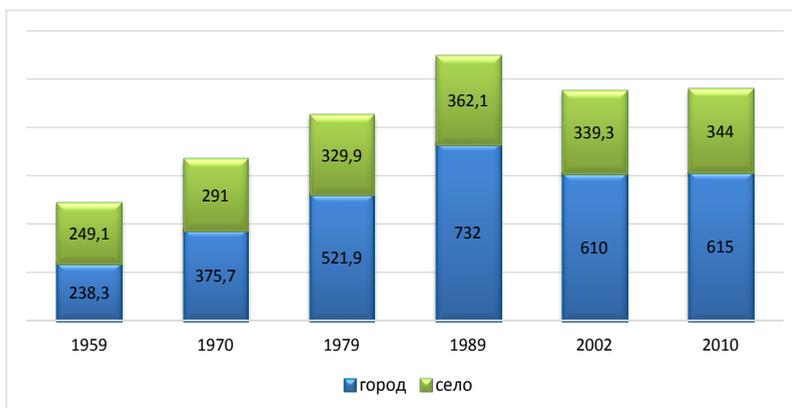

Рис. 1.2. Численность городского и сельского населения РС(Я) по данным переписей 1989, 2002, 2010 гг., тыс. чел.³⁵

³⁵ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в РС(Я) в 2016 г. Стат. бюлл. №140/263. Якутск, 2017. С. 5.

По мнению Э.С. Ли, «объем миграции на определенной территории варьируется в зависимости от степени разнообразия территорий, включенных в эту территорию. Если миграция, как мы предполагали, частично связана с рассмотрением положительных и отрицательных факторов в месте происхождения и назначения, то высокая степень разнообразия между районами должна приводить к высоким уровням миграции»³⁶.

Так, высокие показатели миграции характерны для близлежащих к г. Якутску сельских улусов, где якуты составляют подавляющее большинство их жителей, это Намский (90,6%), Чурапчинский (98%), Мегино-Кангаласский (90,3%). Основу экономики этих районов составляет сельское хозяйство: животноводство (мясомолочное скотоводство, мясное табунное коневодство), также возделываются зерновые, картофель, овощи и кормовые культуры.

Если по данным ВПН-2002 в сельской местности Республики Саха (Якутия) проживало 65,3% якутов, то по данным ВПН-2010 уже 60,4%, что непосредственно отражает результаты миграции сельского населения.

Важную роль в миграционных и урбанизационных процессах играет столица республики — г. Якутск, крупнейший по численности населения культурный, научный, образовательный центр на северо-востоке России. Доля якутов среди столичных жителей возросла с 25,1% в 1989 г. до 42,4% в 2002 г., 47,4% в 2010 г. (см. рис. 1.3, 1.4).

Рис. 1.3. Национальный состав населения г. Якутска по основным национальностям, чел.³⁷

³⁶ Lee Everett S. A Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3. №1. P. 53.

³⁷ Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 г. по РС(Я). Якутск, 2012. С. 5.

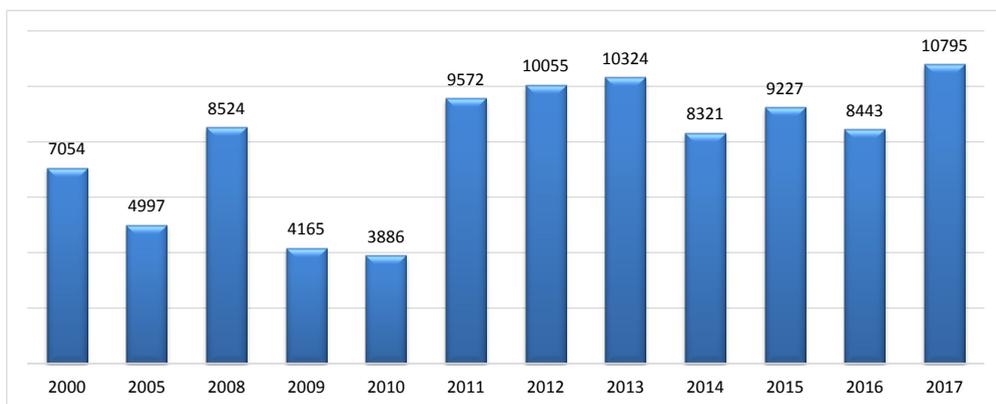

Рис. 1.4. Внутреспубликанские мигранты, прибывшие в г. Якутск, чел.³⁸

С 2010 г. по 2017 г. примерно 70623 сельских мигрантов влились в состав столичного населения. Безусловно, город Якутск предоставляет сельским мигрантам большие возможности институциональной системы для совмещения работы и учебы, широкий выбор в сфере профессиональной деятельности и обслуживания, повышения уровня и качества жизни, общения, досуга, культурной жизни. Можно полагать, что и в будущем административная столица будет играть значительную роль в процессах модернизации республики.

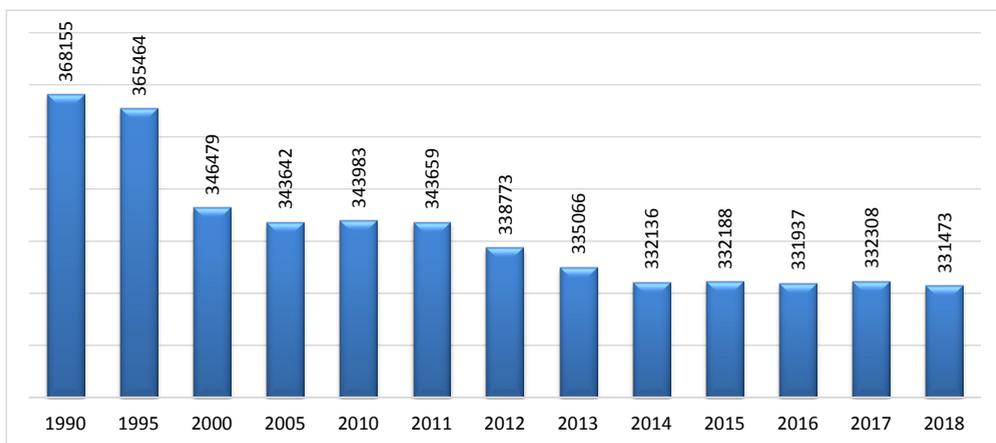

Рис. 1.5. Численность постоянного сельского населения РС(Я), чел.³⁹

³⁸ Миграция населения Республики Саха (Якутия): стат. сб. Т.2. Якутск, 2018. С. 7.

³⁹ Компоненты изменения общей численности городского и сельского населения. URL: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/statistics/population (дата обращения: 22.11.2018).

По данным статистики, по сравнению с итогами ВПН-2010, на 1 января 2018 г. сельское население Якутии сократилось на 3,6% (рис. 1.5). С 1990 г. социальная миграция сельских жителей в городские поселения республики становится массовой и является одной из форм адаптации к меняющимся условиям жизни, одновременно — важнейшим механизмом урбанизации региона. Если в 1993 г. удельный вес внутренней миграции составлял 30,5% и последовательно увеличивался, достигнув в 2007 г. максимального пика — 67,2%. В последние годы миграционное движение внутри Республики Саха характеризуется специфической волнообразной динамикой: в 2013 г. — 59,8%, 2017 г. — 63,3% (см. прил. 1).

Если рассматривать миграционный прирост сельского населения из районов Якутии в 2017 г., то миграционная убыль складывается за счёт миграции в городскую местность внутри республики — 96,9% (межрегиональная миграция в пределах России составляет 3,1%, международная миграция отсутствует). За последние пять лет миграция сельских жителей в городские поселения в пределах Якутии увеличилась на 4,9%; миграция в пределах России из сел сократилась на 4,9%. Как было отмечено выше, наиболее высокие показатели внутриреспубликанской миграции фиксируются в улусах (районах), где якуты составляют численное большинство (рис. 1.6).

Миграционная активность женщин (52,4%) превышает миграционную активность мужчин (47,6%) в целом по республике (см. прил. 2). Однако, в последнее время половая диспропорция в структуре мигрантов несколько изменилась в сторону баланса. Ранее миграционная активность женщин была выше преимущественно по сельской местности. В настоящее время наблюдается рост активности мужчин трудоспособного возраста, особенно в районах реализации инвестиционных проектов. Хотя отрицательный миграционный прирост в сельской местности отражает наиболее высокие показатели женской миграционной активности в группе населения трудоспособного и особенно старше трудоспособного возраста, в целом в динамике наблюдается снижение миграционной активности женщин.

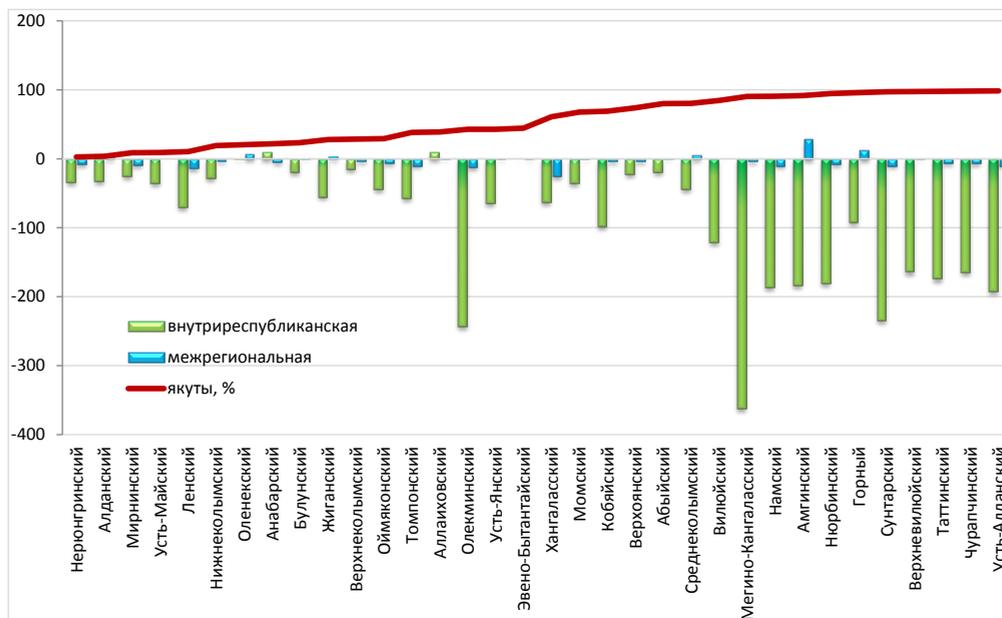

Рис. 1.6. Миграционный прирост сельского населения за счет городской местности в 2017 г., чел.⁴⁰ и численность якутов в этнической структуре населения районов РС(Я), в %⁴¹

До 2012 г. высокая миграционная активность наблюдалась в модели поведения сельских женщин во всех возрастных группах, что свидетельствовало о выборе ими миграции как стратегии адаптации к меняющимся, сложным социально-экономическим процессам в обществе. Становление сельских женщин как активных субъектов миграционных процессов показывает высокую социальную мобильность якутских женщин.

На данном этапе, ввиду снижения количества женщин-мигранток, можно сделать заключение об имеющейся «женской» проблематике в анализе внутренней миграции в Якутии (рис. 1.7). Ресурсы социальных взаимодействий, возможности и потенциал сельских мигранток, выбранные ими стратегии адаптации к новым условиям, видимо, недостаточно обеспечивают им социальную стабильность и дальнейшие перспективы в городских поселениях. Снижение численности женщин-мигранток

⁴⁰ Миграция населения Республики Саха (Якутия): стат. сб. Т.2. Якутск, 2018. С. 13-31.

⁴¹ Национальный состав населения по муниципальным районам и городским округам. URL: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/_score_2010/score_2010_default (дата обращения: 22.11.2018).

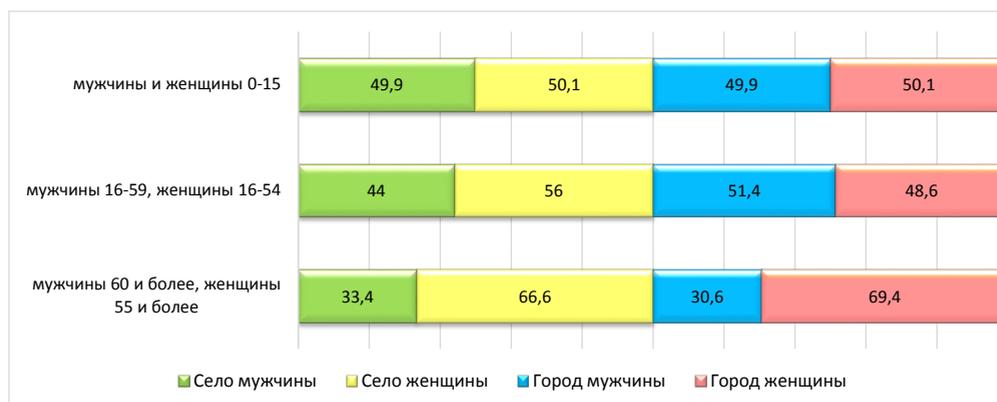

Рис. 1.7. Возрастно-половая структура мигрантов по типу местности в 2017 г., в %⁴²

предупреждает о возникновении социальных проблем в процессе их урбанизации, снижении «капитала подвижности», формировании некоторого негативного смысла внутренней миграции в современном социуме и низкой роли женского лица внутренней миграции в развитии региона. Иными словами, это проецирует «какие способы, одновременно структурированные неравенством и усиливающие его, используют в своих попытках закрепить население»⁴³ государство, государственные и частные организации.

Уровень образования сельских мигрантов разнороден (рис. 1.8). Смену места жительства предпринимают преимущественно лица со средним общим образованием. Если проследить уровень образования среди прибывших и выбывших сельских мигрантов, то отмечается высокий уровень выбывающих с высшим образованием и прибывающих в село со средним образованием. Как подмечено Дж. Урри, получившие высшее образование обычно живут дальше от места своего происхождения и имеют друзей, разбросанных на очень значительные расстояния⁴⁴. Высокий уровень выбывающих лиц с полным средним образованием и неполным высшим образованием свидетельствует, в том числе и о высоком уровне численности мигрантов, выезжающих в связи с получением профессионального образования.

⁴² Миграция населения Республики Саха (Якутия): стат. сб. Т.1. Якутск, 2018. С. 29.

⁴³ Урри Дж. Мобильности. М., 2012. С. 47.

⁴⁴ Урри Дж. Указ. соч. С. 394.

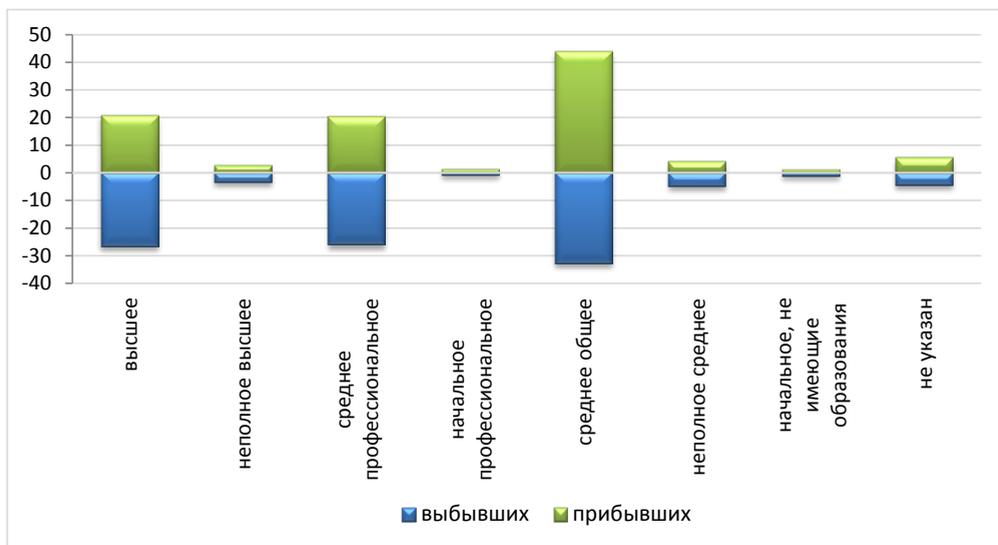

Рис. 1.8. Уровень образования сельских мигрантов в возрасте 14 лет и старше в 2017 г., в %⁴⁵

По итогам ВПН-2010, уровень занятости городских жителей экономической деятельностью значительно выше занятости сельских жителей Якутии. В целом из населения, указавшего основной источник средств к существованию, 36,7% были заняты трудовой деятельностью в сельских поселениях. В городах республики уровень занятости выше и составляет 50,8%. При этом, мужское население, как в сельской, так и в городской местности Якутии, экономически было более активно.

По данным микропереписи населения 2015 г. в сельской местности Якутии численность занятых трудовой деятельностью на 12,9% меньше, чем в городской (рис. 1.9). Живущих на пенсии, пособия (кроме пособия по безработице) и другие виды государственного обеспечения больше на 31,5%. 38,8% сельских жителей в качестве источника средств к существованию указали пенсии, пособия, другой вид государственного обеспечения. Примечательно, что при низком уровне трудовой занятости сельских жителей, доля живущих на иждивении, пользующихся помощью других лиц и алиментами ниже на 7%, чем в городских поселениях. Особенно среди лиц женского пола — на 12,5%. При этом отметим, что с 2006 г. несмотря на низкий коэффициент разводов в сельской местности, доля рождений

⁴⁵ Миграция населения Республики Саха (Якутия): стат. сб. Т.1. Якутск, 2018. С. 32.

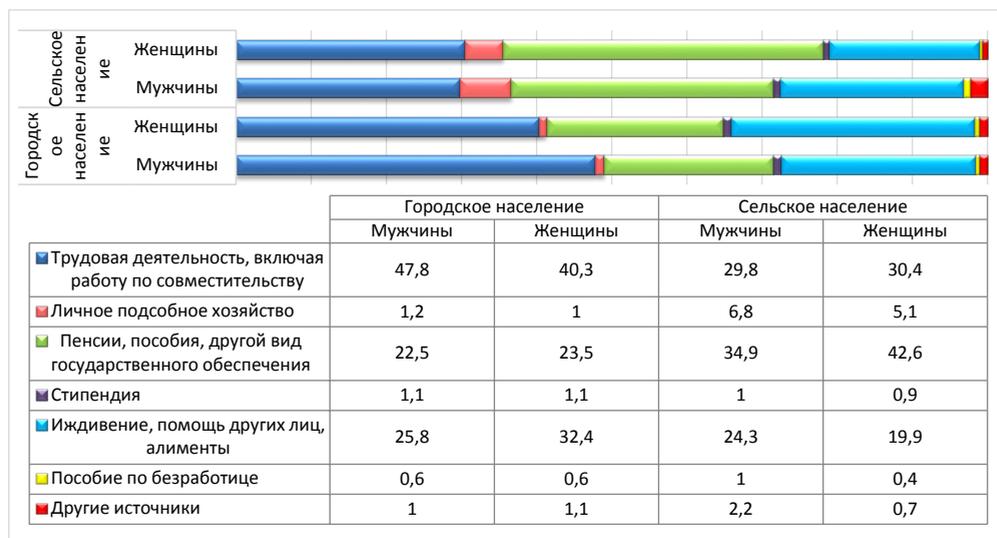

Рис. 1.9. Население Якутии по основному источнику средств к существованию, в %⁴⁶

у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке на селе (в среднем 38,8%) выше, чем в городе (33,2%). Процедуры получения исполнительного листа, судебного приказа, установления отцовства, нотариального соглашения с плательщиком, предусматривающие определенные финансовые расходы, становятся непреодолимым препятствием в получении алиментов для сельских женщин.

Как показало распределение выбывших из сельской местности Якутии мигрантов в возрасте 14 лет и старше по причинам смены места жительства, треть сельских мигрантов составляют лица, уезжающие из села для получения профессионального образования (рис. 1.10).

Отметим высокий коэффициент лиц, меняющих постоянное место жительства в связи с причинами личного или семейного характера. Вероятно, этот показатель является спецификой региональной внутренней миграции. Наиболее высокий уровень миграции характерен для женщин старше трудоспособного возраста (в группе 55-59 лет — 66,6 % в общем количестве сельских мигрантов старше трудоспособного возраста), как правило, имеющих родственные связи с городскими жителями и переезжаю-

⁴⁶ Сводные итоги социально-демографического обследования (микрореперись населения) 2015 г. по Республике Саха (Якутия): стат. бюллетень. Якутск, 2017. С. 60-65.

щих с целью помочь детям устроиться в городе на постоянное место жительства или улучшить качество жизни.

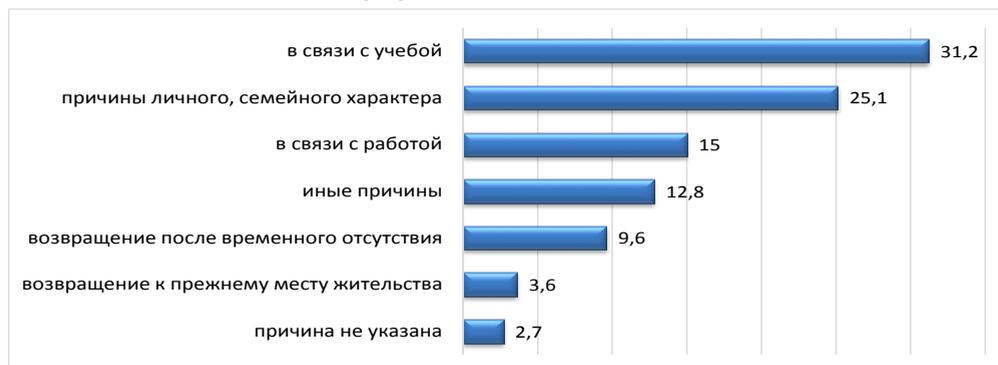

Рис. 1.10. Распределение выехавших из сельской местности мигрантов в возрасте 14 лет и старше по причинам смены места жительства в 2017 г., в %⁴⁷

В структуре мигрирующего населения удельный вес детей в возрасте 0-17 лет за 2000-2017 гг. характеризуется существенными колебаниями. Так, если в 2000 г. доля детей в миграционном обороте составляла 26,7%, то в 2009 г. их доля снизилась и составила 15,5%; в 2017 г. — 16,2% (рис. 1.11).

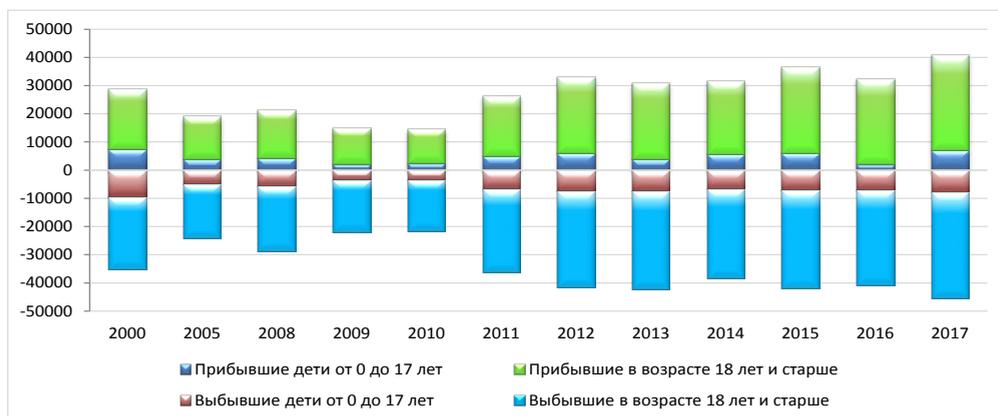

Рис. 1.11. Доля детей в структуре мигрантов по годам, чел.⁴⁸

Миграция с детьми зависит от ряда факторов, прежде всего, от места проживания мигрантов. Во внутривнутриреспубликанской

⁴⁷ Миграция населения Республики Саха (Якутия): стат. сб. Т.1. Якутск, 2018. С. 39.

⁴⁸ Миграция населения Республики Саха (Якутия): стат. сб. Т.1. Якутск, 2016. С. 19-20; Миграция населения Республики Саха (Якутия): стат. сборник. Т.1. Якутск, 2018. С. 19-22.

миграции, например, 80% респондентов с детьми, по результатам наших опросов, мигрировали из села в город. Известно, что выходцы из Центральной Азии в режиме трудовой миграции едут на заработки преимущественно без детей; жители Закавказья, Украины и регионов России предпочитают мигрировать по возможности со своей семьей.

На переселения вместе с детьми влияет уровень образования мигрантов. Чем выше уровень образования, социально-экономический потенциал, ожидания и возможности мигрантов, тем чаще они перемещаются с семьей и детьми. Среди них часто встречается практика подготовительного этапа: один из родителей мигрирует раньше семьи, ищет жилье, работу, а затем перевозит семью с детьми. Важным фактором миграции с детьми являются представления или знания о рынке труда в местах прибытия; текущая общественно-политическая и этнокультурная обстановка в конкретных регионах.

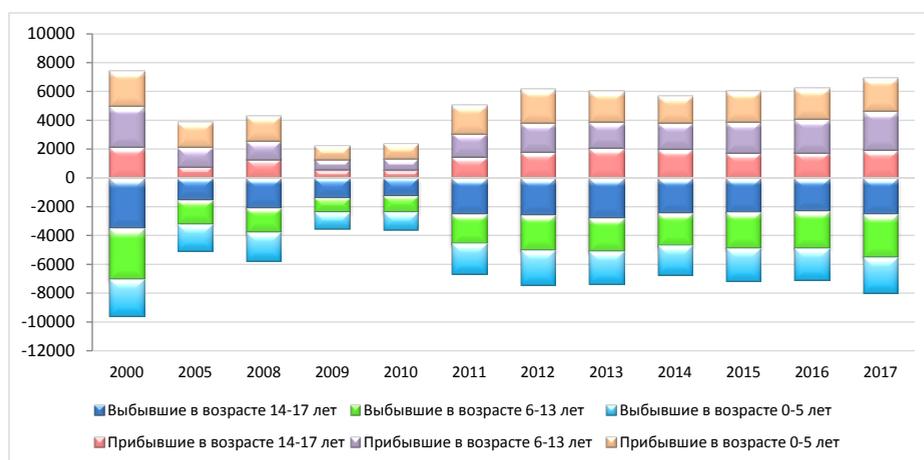

Рис. 1.12. Возрастной состав детей-мигрантов 0-17 лет, чел.⁴⁹

Если рассматривать динамику миграционного движения за последние 15 лет, то миграция детей всех возрастных категорий из года в год сокращалась. Так, если в 2000 г. более четверти от общего объема миграционных потоков составляли дети в возрасте 0-17 лет (среди прибывших — 25,9%, среди выбывших — 27,4%), то в настоящее время их доля составляет 17,5% (рис. 1.12).

При этом в возрастных группах среди прибывающих детей лидирует группа в возрасте 0-5 лет. Таким образом, родители

⁴⁹ Миграция населения Республики Саха (Якутия): стат. сб. Т.1. Якутск, 2016. С. 19-20; Миграция населения Республики Саха (Якутия): стат. сб. Т.1. Якутск, 2018. С. 19-22.

с детьми младенческого и младшего возраста мигрируют чаще и предпочитают брать их с собой. Среди выбывающих детей, удельный вес группы в возрасте 14-17 лет имеет более высокие показатели, что связывается с миграцией молодых людей с целью получения образования. Низкая доля детей-мигрантов в возрасте 6-13 лет, вероятно, связана с нежеланием родителей отрывать их от учебного процесса по месту постоянного проживания, с возрастными проблемами адаптации к другой этнокультурной среде детей указанного возраста.

Анализ миграционной ситуации в разрезе отдельных улусов (районов) Республики Саха (Якутия) в 2017 г. применительно к детскому населению в возрасте 0-17 лет показывает следующую картину. Наибольший миграционный отток детей по отношению к взрослому населению наблюдается в Среднеколымском (45,3% в общем количестве выбывших), Намском (42%) и Оленекском (34,5%) районах; наименьший отток — в Алданском (13,4%), Мегино-Кангаласском (17,5%), Верхне-Вилуйском (19,1%) районах. Среди районов, где отмечен наибольший приток детей мигрантов, выделяются Среднеколымский (37,4% в общем количестве прибывших), Намский (33,8%) и Чурапчинский (32,1%). Таким образом, наибольшей миграционной активностью характеризуются семьи с детьми из Среднеколымского и Намского районов.

В соответствии с миграцией взрослых, в общей миграционной структуре детей в возрасте 0-17 лет преобладает внутри-российская миграция: в 2017 г. почти 98,7% детей-мигрантов. И здесь преобладающее большинство приходится на долю миграции внутри Республики Саха (Якутия) — 70,8% всех детей, поменявших с родителями место жительства в пределах РФ — преимущественно из села в город.

К.Б. Бреттелл и Дж.Ф. Холлифилд построили матрицу, обобщающую вопросы исследований и методологии анализа миграционных процессов, господствующие в разных дисциплинах. Главные вопросы для американских социологов: «Почему происходит миграция и чем объясняются разные формы адаптации мигрантов. Что делает миграцию устойчивой во времени?»⁵⁰. В качестве основной гипотезы ими выдвинут тезис об успешной адаптации и интеграции, обусловленной социальным капиталом мигранта.

⁵⁰ Бреттелл К.Б. и Холлифилд Дж.Ф. Теория миграций // Методология и методы изучения миграционных процессов. М., 2007. С.33-70.

По мнению Т.Н. Юдиной, объектом социологии миграции является миграционный процесс как социальное взаимодействие населения, вовлеченного в социально-географическое перемещение, а предметом — динамика изменений объективных и субъективных аспектов социальных отношений перемещаемых лиц в рамках прежнего и нового социума. Мигранты в социологическом понимании — это социальные группы, члены которых осознают себя целостным субъектом поведения на новом месте жительства и обладают чувством групповой солидарности⁵¹.

Ф. Дювель резюмирует типологию и категории миграций на основе литературных источников и определяет индикаторы пространственной мобильности населения. Он выделяет такие переменные миграции, как цель, место, продолжительность пребывания, география, профессия, участники перемещений (акторы), их число, отношения между ними, политический характер, правовой статус мигрантов, культурная дистанция и исторический характер. При этом, пространственная мобильность людей анализируется, дифференцируется и классифицируется на основе различных подходов и, в действительности, список индикаторов можно было бы составить на основе более широких обобщений, или детализировать с выделением большего числа подгрупп⁵².

И.А. Алешковский приводит следующие индикаторы, определяющие направления и масштабы внутренних миграционных потоков: 1) показатели экономического развития; 2) показатели уровня жизни населения; 3) показатели демографического развития; 4) показатели социального развития; 5) показатели, описывающие ситуацию на региональном рынке труда; 6) показатели, описывающие ситуацию на жилищном рынке; 7) экологические и природно-климатические; 8) показатели, характеризующие федеральную и региональную государственную политику; 9) индикаторы уровня социально-политической стабильности в регионе; 10) материальные и нематериальные издержки, связанные с миграцией⁵³.

В целом по Республике Саха (Якутия) сохраняется устойчивая тенденция миграционной убыли населения. В распределе-

⁵¹ Юдина Т.Н. О социологическом анализе миграционных процессов// Социологические исследования. 2002. №10. С. 105-106.

⁵² Дювель Ф. Пространственная мобильность // Методология и методы изучения миграционных процессов. М., 2007. С. 71-72.

⁵³ Алешковский И.А. Внутренняя миграция в современной России: тенденции, детерминанты, политика. М., 2007. С. 83-84.

нии человеческих ресурсов главную роль играет неравномерное территориальное распределение производительных сил. Наибольшие миграционные перемещения характерны для шести промышленных районов и г. Якутска; наименьшие — для районов традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера. В структуре внешней миграции наблюдаются ежегодные колебания, как в сторону роста, так и в сторону спада, но неизменным остается превышение числа прибывающих над числом уезжающих мигрантов из стран СНГ, а также сокращение числа прибывающих и рост числа убывающих из стран дальнего зарубежья. Изменился уровень образования мигрантов: снизилась доля лиц с общим средним образованием и выросла доля лиц со средним и высшим профессиональным образованием, переезжающих с детьми.

Преобладает внутренняя миграция в пределах Российской Федерации: начиная с 2000-х годов в среднем прибывает 95,2% и выбывает 98,1% от общего количества мигрантов. Значительная доля миграционных потоков относится к растущей с 1993 г. внутриреспубликанской безвозвратной, социальной миграции, преимущественно якутского населения из села в город. Спецификой региональной внутренней миграции является высокий коэффициент лиц, меняющих постоянное место жительства в связи с причинами личного или семейного характера и для получения профессионального образования.

ГЛАВА 2

Факторы социальной мобильности сельских мигрантов

Как указывалось выше, социальная миграция сельских жителей в городские поселения является одной из форм адаптации людей к меняющимся условиям жизни и важнейшим механизмом урбанизации региона. В настоящей главе социальная мобильность сельских мигрантов Якутии рассматривается с помощью соответствующих индикаторов ее оценки. Как отмечает Ф.М. Бородкин, благополучие людей и его изменения являются главными предметами социального наблюдения с помощью индикаторов⁵⁴.

Основой методологии исследования стратегии адаптации сельского мигранта в городских поселениях Якутии стал метод глубинного полужформализованного интервью по блокам рассматриваемых вопросов: причины миграции, социальные связи, изменение способов коммуникации, образование, занятость, место и качество жилья, институциональные механизмы социальной модернизации, здоровье, информационные потребности и их обеспечение, организация досуга и др. Каждое интервью иллюстрирует конкретный случай социального опыта сельского мигранта, связанный с осуществлением стратегии адаптации в городских условиях.

Поиск респондентов осуществлялся по разным каналам: по месту работы, по месту жительства. Для достижения репрезентативности дополнительно проведен уличный опрос в г. Якутске, в некоторых случаях использовался метод «снежного кома».

Интервью проведены среди сельских мигрантов из разных социальных групп (работающие по найму в бюджетной и коммерческой сфере; безработные, имеющие временную или сезонную занятость); из разных регионов республики (Южная Якутия, Западная Якутия, Северная Якутия, Центральные районы, Восточная Якутия); разного финансового достатка, семейного

⁵⁴ Бородкин Ф.М. Социальные индикаторы — что это такое? // Мир России. 2004. №4. С. 69.

положения (состоящие в браке, разведенные, вдовы, никогда не состоявшие в браке), переехавшие в период реформ и по настоящее время в городское поселение с намерением перемены места постоянного жительства.

Информанты были выбраны по следующим критериям:

1. Учтены причины переезда: необходимым условием являлось твердое намерение респондента остаться в городском поселении на длительное или постоянное время, что предполагает ориентацию на адаптацию и поиск путей интеграции в городское пространство. Так, например, исключены респонденты, живущие в городских поселениях с целью получения образования в учебных заведениях, поскольку их пребывание здесь ограничено временем обучения. Также исключены лица, прибывшие с целью временной трудовой деятельности или помощи городским родственникам, например, ухаживать за ребенком дошкольного возраста или близким больным человеком.

2. Учитывался «городской стаж»: этот критерий важен для анализа роли временного фактора для формирования стратегий адаптации и городской идентичности. Так, например, интерес для исследования представлял вопрос: через какое время люди начинают разрабатывать конкретные стратегии адаптации, соотношенные с местом и условиями проживания, и когда они начинают считать себя городскими жителями.

3. Отсутствие «городского опыта»: строго отбирались лица, которые не были ранее интегрированы в городской социум. Исключались лица, родившиеся в городских поселениях и проживавшие какое-то время в городских условиях.

Всего опрошено 37 информантов: 10 — в 2013 г., 10 — в 2014 г., 10 — в 2015 г. по г. Якутск; 7 — в 1916 г. по г. Мирный, в том числе 17 мужчин и 20 женщин. Социально-демографические характеристики выборки глубинного полужформализованного интервью представлены в приложении 3.

Интервьюируемые преимущественно не ощущают «тот глубокий контраст, который существует между жизнью большого города и жизнью маленького города или деревни, отличающейся медленным, привычным и равномерным ритмом душевной и умственной жизни...»⁵⁵. Городская среда сельскими мигрантами не воспринимается как «чужая». Здесь дело не в размере города, его производственной, транспортной и социальной инфраструктуре.

⁵⁵ Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. №3-4. С. 24.

Как писал А. Шюц: «Разумеется, чужак знает, что культура этой группы имеет свою особую историю; более того, эта история ему доступна. Однако она никогда не становилась такой же неотъемлемой частью его биографии, какой была для него история его родной группы. Для каждого человека элементами образа жизни становятся только те обычаи, по которым жили его отцы и деды»⁵⁶. А для сельских мигрантов республики «элементы образа жизни» горожан очень тесно переплетены с теми «обычаями, по которым жили его отцы и деды». В частности, спецификой жителей г. Якутска является постоянная тесная социальная и родственная связь с селом. Город является для сельского мигранта «результатом непрерывного исторического развития и элементом его личной биографии; а потому этот образец как был, так и остается для его «относительно естественного мировоззрения» не подвергаемой сомнению схемой соотнесения»⁵⁷.

Все сельские мигранты имели предварительное знакомство с городом, с его социальной характеристикой. Якутск, скорее, воспринимается ими как столица родной республики, открытая для всех селян. Независимо от отдаленности сельского населенного пункта у всех имеется неоднократный опыт участия в городском пространстве, в сети городских коммуникаций: кто-то учился, лечился, проводил каникулы, приезжал отовариваться, отдыхать, гостить у родственников, приезжал на республиканские конкурсы, фестивали, школьные олимпиады и т.д.

Среди опрошенных самый маленький «городской опыт» имел мужчина, 57 лет. Он вспоминает: «Я сам до переезда был здесь только пару раз: по дороге из армии в глубокой молодости и по просьбе родителей мясо сестре привозил раз. Но города совсем не боялся. Здесь живет много наших родственников. Почти каждое лето у нас кто-нибудь из городских родственников в деревне отдыхал. Так что я ехал к своим родным — чего мне бояться».

Большинство проблемных ситуаций мигрантов связано с отсутствием релевантности привычных для жителей села культурно-поведенческих систем в новом социальном пространстве. Так, информанты обычно рассказывают о том, как чувствовали себя дискомфортно, опасаясь, что их чувства, и то, как они их выразят, не будут соответствовать нормам поведения, принятым в городе. Женщина, 48 лет: «Когда только переехала в город,

⁵⁶ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 539.

⁵⁷ Там же.

боялась всех. Я была очень бедной, несчастной в личной жизни. Ребенок в деревне остался, очень сильно скучала по ней, много плакала. Здесь боялась раскрыться кому-то. Боялась, что меня никто и за человека не посчитает. Будут коситься на мои новые одежды. Мне все казались такими нарядными, красивыми. Боялась, что меня обманут, используют, торговлей же занялась. Когда заработала на авиабилет, полетела в Китай за товаром. Держалась особняком, ни с кем не общалась, не разговаривала. Дом — работа, и все. Мама моя не одобряла мой отчаянный переезд, пугала, что в городе пропаду. Она думала, что я в поисках мужа еду. Вот я и никого не замечала, не смела глаза поднять, только пахала».

Мужчина, 30 лет: «Первое время сложно было разговаривать с моими тетками. Мне казалось, они на меня так строго, скептически, критически, даже придирчиво смотрят. Я говорю что-то не то, потому что не понимаю того, что они понимают и знают. В конце концов, я старался отмалчиваться. Жена с ними говорила — женщина женщину всегда поймет. Моей маме тетки говорят по телефону, что я такой немногословный, а моя мама удивлялась, хотя, наверно, догадывалась, в чем дело. Только сейчас, когда я лучше знаю город, я стал с ними нормально говорить. Я стал видеть ошибки и недостатки своих городских теток. Они мне стали больше понятны».

Женщина, 24 года: «Мне было так грустно, что люди совсем равнодушны друг к другу. Никто никому не нужен, ни до кого дела нет, никто никого не жалеет. Если бы не мама, которая звонила каждый день, спрашивая, как прошел мой день, мне в первое время было бы совсем печально и одиноко. Хотя я жила с двоюродными сестрами, которые раньше меня приехали (в город), я не могла делиться с ними. Стеснялась, а вдруг засмеют. Одна из них все время рассказывала о том, как она кого-то на место поставила, а я так не умею. А другая приходила с работы совсем замученная, молча, смотря телевизор, засыпала».

Мужчина, 22 года: «У меня были проблемы. Главное, я шел, никого не трогал, а они стали надо мной смеяться. Завязалась драка. Они меня чуть не убили, потом в больнице лежал. Спасибо бабушке-вахтерше, которая милицию вызвала. Иначе меня уже и не было бы. Я вот чего не понимаю — как можно из-за перебранки здоровье человеку портить. А потом мне еще в милиции советовали уехать домой на время, чтобы меня не иска-

ли, чтобы добить. В своей деревне, среди ребят, я почти самый крепкий, но никогда ни на чье здоровье не посягал».

Болезненный опыт вхождения в новое социальное пространство, страхи, неуверенность и недоверие выражаются сельскими мигрантами в виде историй о рисках города, лично пережитых или пережитых знакомыми, родственниками. Информант-мужчина 19 лет (сам не хотел рассказывать, мама заставила) поведал криминальную историю о том, как на него в дачном районе города напали четверо пассажиров, когда он работал таксистом, и как он чудом спасся⁵⁸.

Информантами неоднократно отмечаются отличия в уровне правовой культуры городских и сельских жителей. Так, женщина 31 года рассказала, как ее младший брат-студент, когда они с мужем уехали в деревню на выходные, устроил шумную «гулянку» в их квартире, а соседи вызвали милицию. Ее напугало, что брат надеется на снисходительное отношение к его молодому возрасту, как обычно принято в деревне, и не понимает последствий проблем с правопорядком, которые могут испортить его будущее. Мужчина 48 лет поделился следующей историей: «Я поехал провожать бабушку в автовокзал. А на входе меня милиция схватила. Мы даже ничего не поняли. А милиционер говорит, что я матерился. Да как я мог материться, когда шел с бабушкой и родственницей с маленькой дочкой. Еле-еле объяснились с ними, уперлись и все».

Решение о миграции по большому счету принимается сельскими жителями в тот момент, когда собрана определенная информация, учтены обстоятельства переезда, оценены риски и предприняты подготовительные меры, в той или иной степени освоены городское пространство и нормы коммуникации, и, соответственно, город перестал быть для них слишком сложным и пугающим, противоречивым и разнообразным, формируя определенное представление о предстоящей в городе жизни⁵⁹.

При принятии решения о миграции проводятся предварительные переговоры с городскими друзьями, родственниками, односельчанами, об их поддержке в период первых месяцев жизни

⁵⁸ Томаска А.Г. Внутренняя миграция Республики Саха (Якутия) и социальный портрет сельского мигранта в городских поселениях // Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия). Сб. научных статей. Вып.1. Якутск, 2015. С. 33.

⁵⁹ Томаска А.Г. Указ. соч. С. 33.

ни в городе (принять на время, помочь с арендой/покупкой жилья, трудоустройством), предполагая в дальнейшем полную самостоятельность мигранта. На вопрос о первых затруднениях в городе, как правило, информанты не упоминают проблемы с ориентацией в городской инфраструктуре, формированием определенной идентичности, поведенческими и нормативно-ролевыми отличиями, хотя такие проблемы есть, но мигранты в основном готовы к ним.

Мужчина (22 года) рассказывает о принятии решения о переезде: «Мама договорилась с дядей, что я буду жить в их доме. Работу я сам тоже не искал — приехал, а дядя уже договорился с кем-то, что я буду работать грузчиком. Так что со второго дня я уже стал работать, правда, там на работе и ночевал. У дяди почти не жил. Я, конечно, понял, что я им только обуза. Поэтому когда работа та закончилась, стал искать работу и комнату для себя. Сейчас охраняю гараж и дачу, там и живу. Уеду обратно, наверно».

Другой мужчина, 50 лет: «У меня старые родители переехали в город к сестре. Отец-ветеран получил квартиру. Когда они с мамой стали жить отдельно — я им позвонил из деревни. Они согласились принять меня у себя. Первое время совсем не мог найти работу. А я и не стал торопиться. Решил сориентироваться лучше, оглядеться, подумать. Не спеша занимался капитальным ремонтом родительской квартиры. Стал общаться с родственниками, друзьями, знакомыми. А потом увидел объявление в газете — пошел и устроился на работу».

Преобразование представлений о городской жизни в процессе адаптации и интеграции преимущественно носит позитивный, продуктивный характер: Женщина 40 лет, так интерпретирует свои наблюдения об окружающем социальном пространстве: «Хотя у нас было где жить: тетья мужа предложила пожить с дедом мужа, но с условием, чтобы мы заботились о нем, он совсем старенький был — 92 года. Мне все равно было страшно переезжать в город. Но «не так страшен черт, как его малюют». Оказалось, везде люди такие же, как мы».

Социальная микросреда — свой круг общения, обмена информацией, опытом, оценками новых норм поведения, социальных ролей, стратегий адаптации, решений проблем, в которой они позиционируют себя как личность, большей частью формируется еще на селе: они довольно тесно общаются с односельча-

нами, друзьями детства или родственниками, живущими в городе. Дж. Урри относит это к одному из 8-ми элементов сетевого капитала мобильности, которые в сочетании друг с другом и производят отчетливый стратификационный порядок, стоящий сейчас наравне с социальным классом, социальным статусом или партией — «наличие удаленных других (коллег, друзей, родственников): это дает приглашения, гостеприимство и встречи, благодаря чему места и сети поддерживаются через регулярные визиты и коммуникацию»⁶⁰.

Женщина, 38 лет: «Я после школы не смогла никуда поступить учиться. Когда сестра приехала из города к нам в поселок, мы как будто стали с ней ближе. Она стала больше меня ценить. Мы так хорошо разговаривали по душам. Когда она уехала обратно в город, я решила к ней поехать. Тем более у меня не было ни работы, ни семьи, ничего в деревне. Попросила у брата деньги на первое время в городе и приехала к сестре».

По мнению Дж. Урри, в своем выборе друзей и партнеров мы теперь не ограничены кругом тех, кого можно навестить, потому что появляются новые системы мобильности, создающие новые системы коммуникации. «Следовательно, личные встречи в будущем станут менее походить на традиционное (одностороннее) преподнесение информации и пассивное ее выслушивание, а более — на выстраивание и поддержание сетей и обмен социальными товарами. Будущие деловые встречи также могут стать более кооперативными и аффективными, включающими сетевое общение, двусторонними коммуникациями, совместными переживаниями и коллективной работой»⁶¹.

Как показывают итоги интервью, «новые системы коммуникации» формируют новый круг друзей и партнеров. Со временем отбирается и создается новое окружение в зависимости от интересов или профессиональной деятельности информантов. «Сильные связи» (близкие знакомства) не могут поддерживаться без периодического физического сопresутствия⁶².

Мужчина, 30 лет: «Меня пригласил в город друг. Мы вместе выросли. У него тут свое дело, нужны были надежные люди, которые не подведут. В первое время жил у него на квартире с его семьей. Стал нормально зарабатывать. Сейчас женюсь и переехал к жене». Женщина, 38 лет: «Здесь много наших земляков.

⁶⁰ Урри Дж. Мобильности. М., 2012. С. 362.

⁶¹ Там же. С. 314.

⁶² Там же. С. 434.

Я, конечно, не со всеми земляками встречаюсь, а с теми, кто мне ближе, интереснее. Могу с некоторыми земляками, если здесь встречусь, и не поздороваться (смеется). А с друзьями мы встречаемся на праздниках, вместе гуляем по городу в выходные, в кино ходим. Бывает, с девочками с работы, с которыми я сблизилась, встретимся, посидим у кого-нибудь или на работе».

Несмотря на изменение пространства социальной и хозяйственной жизни, самые разные жизненные стратегии, сценарии интеграции в городское пространство, адаптации к городским условиям, «сложности всегда временны». «Знакомство с городом проявляется во множестве форм рассеянного знания, его можно получить от таксистов и других прохожих, из изучения уличных карт, вывесок, дорожных знаков и т. п.»⁶³. Наиболее сложными для сельских мигрантов являются трудности с поиском работы, жилья, пропиской. Большие трудности вызывает отсутствие официально закрепленного статуса мигранта, «дающее право войти в городское общество, а затем остаться в нем и получить соответствующие права и обязанности»⁶⁴. Временная регистрация, решаемая внешними мигрантами самыми различными, в т.ч. незаконными способами, внутренними мигрантами по большому счету не рассматривается как продуктивный сценарий интеграции в городское пространство. Сельские мигранты больше заинтересованы в постоянной городской прописке и ищут легальные возможности ее оформления.

Женщина, 48 лет: «Работала на рынке продавцом. Ни жилья, ни прописки. Городским родственникам безработная обуза не нужна, самим тоже тяжело. Первое время, 3-4 месяца, жила у подруги-землячки. А потом сняла комнату. Потом одолжила деньги и купила товар для продажи, стала торговать на рынке. Так и вырастила дочку, которая осталась у мамы — из города. Здесь встретила своего мужа. Он тоже деревенский. Купили участок и построили дом — и, наконец-то, через десять лет прописались. Сдаем комнаты, муж всегда ищет возможность зарабатывать. Дочка — студентка. Чтобы ей купить квартиру отдельную — поехали на север с продуктами, товарами первой необходимости. Очень хорошо заработали. И с тех пор так и живем — продаем продукты на севере».

Женщина, 38 лет: «Всегда работала в разных магазинах продавцом, без соцпакета. Куда звали — туда и шла, лишь бы зар-

⁶³ Там же. С. 148.

⁶⁴ Там же. С. 350.

плата была — прописки городской у меня не было. Сейчас вышла замуж, беременна и прописалась у своих родственников в пригороде, хочу найти работу в бюджетной организации, чтобы декретный отпуск как-то оплатили. Готова на любую работу с любой зарплатой устроиться: полы, посуду мыть, что угодно». Мужчина, 43 года: «Устроился в оптовый магазин продавцом, там и ночевал. Накопил зарплату — купил машину и теперь таксую. Сейчас живу у любимой женщины, с которой планирую заключить брак. Не прописан в городе, но надеюсь прописаться у любимой».

Сельские мигранты меняют место жительства преимущественно в связи с поиском любой работы. Однако они, прописавшись в городе, с течением определенного времени начинают проявлять избирательность в поисках рабочего места. Так, женщина 40 лет говорит: «Как только я прописалась у родственников, я поменяла работу. Устроилась на работу с соцпакетом и перспективами. Какие перспективы? Я устроилась в муниципальную организацию в надежде получить по муниципальной программе жилье. Там имеются субсидии. То есть, какую-то часть строящегося жилья могут оплатить, и кредит с лучшими условиями могут предоставить».

Мигранты старшего возраста, имеющие относительно стабильную материальную базу на селе, еще проживая там, решают вопросы с жильем, пропиской и трудоустройством в городе, и они, как правило, более мотивированы в росте социального и профессионального статуса. Мигранты с высшим образованием, как имеющие опыт социализации в городских условиях, более избирательны к условиям работы и жизни.

Так, мужчина 54 лет рассказывает: «Мы за несколько лет до переезда шокировали всех родственников, взяв большой кредит в банке на покупку жилья в Якутске. Купили недорогую, в старом доме, но благоустроенную квартиру в центре города. Стали сдавать его в аренду, чтобы ускорить выплату кредита. А потом, когда все оплатили, переехали с детьми в город. Поэтому проблем с пропиской, поликлиникой, школой и тому подобных у нас не было. Я еще в деревне планировал бизнес в городе, связанный с нашим селом. Все получилось. Жена искала через своих университетских подруг хорошее место работы. Нашла достойное место в бюджетной сфере, где и работает по сей день».

Женщина, 38 лет: «О переезде в город и не помышляла. Хотя намучилась в деревне с работой. По моей специальности работы в родном районе нет. Но, как оказалось, в любом плохом находится и хорошее. Мы дважды пострадали от наводнения. После второго наводнения не смогли восстановить дом. Казалось, вся наша жизнь, все наши труды, усилия, старания, планы, будущее уходят с этой водой. В это время у меня муж ушел к другой женщине. А тут нам выдали жилищный сертификат. Я решила не строиться в деревне — все равно это только до следующего наводнения, которое я уже точно не выдержу. Выбрала следующим местом жительства город Якутск. Реализовав сертификат, сразу переехала с младшим сыном. Прошла парикмахерские курсы, стала работать. Сейчас жизнь налаживается».

Мужчина, 41 год: «Пока не приобрели в городе жилье, о переезде и говорить нечего было. Мы сначала купили, хотя и на окраине города, и в плохом состоянии, но свое жилье. Не хотелось пополнять ряды бесправных сельских жителей, толкающихся здесь в поисках любой работы. Хотелось иметь какие-то права, социальную защиту, которые дает нам собственное жилье и прописка в городе. Да и работодатели смотрят по-другому на человека с пропиской и жильем».

Среди социальных институтов образование играет чрезвычайно важную роль. Являясь одним из главных инструментов социальной модернизации, образование определяет характер занятости, уровень и качество жизни, а порой и социальный статус. 90% наших информантов, независимо от возраста и социального положения, при переезде в город планируют и осуществляют повышение или расширение профессионального образования как для себя, так и для членов своих семей.

Так, например, мужчина 57 лет, переехавший в город в возрасте 37 лет, два раза прошел курсы начального профессионального обучения по специальностям «слесарь-сантехник» и «газоэлектросварщик». Кроме этого, в процессе профессиональной деятельности он повышал разряд своей квалификации. Семья женщины 59 лет переехала в город с целью дать высшее образование детям, что они и осуществили. Мужчина в возрасте 49 лет поступил в высшее учебное заведение на заочную форму обучения с целью повышения образования. Кроме этого, он финансово и материально обеспечивает детей, обучающихся в учреждениях профессионального образования.

Единственный респондент (мужчина, 22 года), который не связывает свое будущее с получением профессионального образования, имеет на то веские основания — в связи с неудовлетворительным состоянием здоровья. На момент проведения интервью он, проживший в столице три года, планировал далее «закрепиться в городе». Однако впоследствии, был вынужден вернуться на родину в связи с ухудшением состояния здоровья.

Отметим, что сельские мигранты используют все формы образовательных услуг: начиная от учреждений профессионального образования вне зависимости от их организационно-правовых форм до системы дополнительного образования — курсов, предоставляемых государственной службой занятости, центрами социального обслуживания и профессиональной подготовки, школами третьего поколения и т.п.

Все информанты отличаются экономической активностью, даже не занятый пенсионер (мужчина, 57 лет) ищет работу. 50% респондентов заняты в бюджетной сфере по найму. За исключением одного, все они имеют высшее образование. Один респондент (женщина, 40 лет) со средним специальным образованием работает в учреждении здравоохранения. То есть, лица с высшим образованием являются наиболее социально защищенной частью сельских мигрантов, поскольку обладают социальным пакетом, гарантированным в бюджетной сфере труда.

40% сельских мигрантов заняты в коммерческих организациях или в неформальных сферах — это те, кто работает на условиях гражданско-правовой или устной договоренности; индивидуальные предприниматели или их наемные работники. Среди них нет ни одного человека с высшим образованием; однако, половина из них заочно обучаются в высших учебных заведениях.

С одной стороны коммерческие организации и неформальный сектор являются сферой, обеспечивающей занятость сельских мигрантов с начальной, средней профессиональной квалификацией или не имеющих профессиональной подготовки. Отметим, что низкая производительность труда, отсутствие социальных гарантий, преимущественно низкая оплата труда, по большому счету, являются факторами, негативно влияющими и усложняющими процессы социальной мобильности и формирования стратегий адаптации сельских мигрантов.

В этой связи нужно указать, что треть мигрантов в любой сфере трудоустроивалась «по знакомству»: это могут быть род-

ственные связи, личные связи — друзья, одноклассники, однокурсники. Знакомства в данном случае, по мнению информантов, играют стартовую роль, помогают в трудоустройстве, но в дальнейшей трудовой деятельности все зависит от личных и профессиональных качеств человека. Мужчины решали вопрос о трудоустройстве преимущественно после переезда в городское поселение, кроме одного мужчины 26 лет.

Имеющий среднее общее образование мигрант, 22-х лет, трудоустроивался по устной договоренности на работу грузчиком с помощью родственников: «Я не знал, как искать работу. Я бы пошел на «Биржу труда», наверное. Но мне и не пришлось узнавать — мой дядя, который живет в Якутске, позвонил своим знакомым, чтобы они взяли меня грузчиком. Я там и проработал. Было тяжело. Люди разные, условия работы тяжелые. Мне понадобилось очень много терпения и выносливости, чтобы там продержаться. Я же снимал дом, сам полностью себя обеспечивал... Сейчас болею».

70% информантов трудоустроились, подав заявление/резюме в соответствующую организацию или предложив свои услуги непосредственно на месте трудоустройства. Так, женщина (23 года) вспоминает: «Я в деревне работала учительницей. А здесь просто зашла в ресторан и спросила, не нужна ли им работница. Я просто от землячки слышала, что легче устроиться в ресторан. Взяли официанткой. Сразу согласилась — хотелось как можно быстрее и проще найти работу. Аренду (жилья) надо было платить сразу. Это меня и подстегивало». Мужчина, 50 лет: «Я пришел по объявлению в газете, а там договорился. Работаю по договору, а потом стал заключать другие договора на оказание услуг». Женщина, 31 год: «Я подала резюме на работу по специальности и меня приняли». Мужчина, 57 лет: «Как только я не устраивался на работу. Смотрел объявления в газете, по интернету, иногда через знакомых узнавал, иногда ходил на Биржу».

Три женщины 59, 46 и 40 лет, предварительно, за 1-2 года до переезда в г. Якутск, начали интересоваться, есть ли возможности найти работу по специальности, в какой другой сфере труда они могут быть заняты, кто из знакомых, родственников мог бы им помочь трудоустроиться и т.д. То есть, они загодя приступили к поискам социальных связей в городе. Женщина, 59 лет: «К моменту переезда мне было 40 лет. Конечно, я заранее стала озадачиваться этим вопросом. Муж планировал развить свое

дело в городе — готовил почву, изучал рынок, планировал. А я заранее знала, что хочу в бюджетной сфере работать и при этом не терять свой предыдущий статус, а как бы еще продвинуться вперед. Советовалась с подругами. Они мне и помогли».

Примечательно, что сельские мигранты ориентированы на поиск постоянной работы. Никто из наших информантов не указал, что был готов ограничиться временными или сезонными работами. Получив первую работу, как правило, они не ищут другого места, несмотря на какие-то неудовлетворяющие их обстоятельства, а стараются закрепиться на рабочем месте.

В целом можно заключить, что поиск работы осуществляется сельскими мигрантами различными способами. 1. Рассчитывают на помощь родственников, друзей, знакомых; 2. Непосредственно обращаются к работодателю; 3. Участвуют в конкурсах на вакантное место с помощью резюме; 4. Ищут объявления о вакансиях в периодических изданиях; 5. Обращаются в государственные Центры занятости; 6. Поиск по интернету сайтов учреждений-работодателей.

Сельские мигранты и информационные технологии. Согласно «Обзорного доклада о модернизации в мире и Китае», основные положения и инструментарий которого приняты российскими учеными в качестве методики измерения модернизации в России⁶⁵: если процесс трансформации аграрного общества в индустриальное является первой стадией модернизации, то трансформация индустриального общества в информационное, основанное на знаниях, будет ее второй стадией⁶⁶.

Использование информационных технологий среди населения влечет за собой повышение « сетевого капитала », который включает в себя всевозможные реальные и потенциальные взаимодействия с пространственно удаленными людьми, вещами, местами, информацией, а также соответствующие виды передвижения. Формируются новые стандарты социального поведения: культурных потребностей и интересов, способов и форм общения, принципов обмена и доступа информации, стратегий и моделей адаптации. Человек, эффективно использующий сотовый телефон, повышает свой сетевой капитал⁶⁷.

⁶⁵ Лапин Н.И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии. Социологические исследования. 2012. №9. С. 4-23.

⁶⁶ Хэ Чуаньци. Введение // Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010). М., 2011. С. 30.

⁶⁷ Урри Дж. Указ. соч. С. 19.

По сведениям Министерства связи и информационных технологий РС(Я), объем инвестиций в отрасль связи за последние 5 лет достиг 11,5 млрд. рублей. В 2017 г. 94 населенных пункта Якутии подключены к волоконно-оптическим линиям связи, охватившим 68,9% населения республики; в 480 населенных пунктах 99,3% населения охвачены зоной сотовой связи, в т.ч. 60,4% — 4G поколением мобильной связи, 73,5% — 3G поколением⁶⁸.

Дж. Урри относит навыки пользования информационными и мобильными технологиями, наравне с другими способами мобильности, к элементам сетевого капитала мобильности, обозначив их «двигательные способности»: т.е. способность проходить в разнообразных средах пешком какое-то расстояние, садиться в различные транспортные средства, носить свой багаж, читать информацию о расписании, находить компьютерную информацию, налаживать и переналаживать связи и встречи; умение, необходимые знания и заинтересованность в пользовании мобильным телефоном, СМС, имейлом, Интернетом, Скайпом и т.п.⁶⁹.

В указанном контексте отметим, что все информанты пользуются продукцией информационных технологий. У них наличествует сотовая связь, в той или иной степени они имеют доступ к интернету, умеют пользоваться персональным компьютером, что значительно облегчает им доступ к электронному правительству, государственным (вопрос органам власти — ответ), муниципальным (он-лайн оплата коммунальных услуг, например, ЯкутскЭнерго, GPS-навигаторы), медицинским (запись на прием, дистанционное консультирование), образовательным (доступ к образовательным ресурсам и программам) и финансовым (интернет-банкинг) услугам.

По результатам интервью, интенсивность и насыщенность ежедневного использования информационных технологий скорее зависит от «городского стажа» и уровня жизни, нежели возраста и статуса сельского мигранта. Так, группа информантов младше 40 лет преимущественно пользуется интернетом на работе или мобильным интернетом. Мужчина, 26 лет: «У нас на работе интернет с приличной скоростью. Так зачем мне еще

⁶⁸ Отчет о деятельности Министерства связи и информационных технологий РС(Я) по итогам 2017 г. URL: <http://minsvyaz.sakha.gov.ru/Otcheti-v-Pravitelystvo-RS--> (дата обращения: 29.09.2018).

⁶⁹ Урри Дж. Указ.соч. С. 363.

и дома его иметь — платить же надо будет. А потом, зачем он нам — нам и без него времени не хватает, работы, дел много». Женщина, 31 год: «Мы пока не можем позволить себе домашний компьютер. Я на работе и через сотовый пользуюсь». Мужчина, 22 года: «Я пользуюсь только мобильным интернетом. Мне не очень интересно. Больше по необходимости, когда надо одноклассников найти, например». Женщина, 23 года: «Я все время на связи через мобильный интернет. В свободное время всегда в сети брожу. Там много интересного — новости, музыка, кино, моя переписка, мое общение в социальных сетях... Я вообще не могу без сотового (телефона), интернета. Без них я как без рук, словно в изоляции».

Мигранты старше 40 лет, независимо от социального статуса, проявляют большой интерес к информационным технологиям. Например, мужчина в 56 лет учился на специальных курсах, чтобы пользоваться интернетом: «Вот вы посоветуйте, что лучше: стационарный компьютер или ноутбук купить, я точно буду брать. Мне искать работу, смотреть новости... Зря учился что ли?». Женщина, 59 лет: «Мы с мужем любители современных технологий. Заграничный паспорт обновили по интернету, например. Муж с поставщиками только по интернету общается. Конечно, все гаджеты стараемся иметь. Вот купила электронную книгу — прелесть. У меня в электронной библиотеке миллионы книг. Теперь библиотеку свою раздаю — пыли меньше».

Ресурсы массовой коммуникации являются удобным средством расширения коммуникативного поля и источником информации, благоприятным инструментом изучения общества, его развития. Они оказывают существенное влияние на формирование новых интересов, потребностей и играют определенную роль в структуре взаимоотношений принимающего общества и мигранта. Так, например, мужчина 50 лет говорит: «Я без интернета не могу даже решить, куда в кино сходить, на какой спектакль или концерт пойти. Сначала посмотрю там, а потом планирую свой отдых в выходные». Женщина, 31 год: «Если у меня возникают какие-то затруднения по жизни, не только в связи с тем, что я в городе новосел, а чисто жизненные, например, в какую стоматологию пойти или где купить какую-то вещь, я в форуме спрошу — всегда дадут полезный совет». Мужчина, 26 лет: «Я моей будущей жене «В контакте» предложил в первый раз в кино сходить».

Таким образом, доступ мигрантов к информационно-коммуникационным технологиям скорее зависит от материального достатка и характера трудовой деятельности, обеспечивающей связь с ресурсами массовой коммуникации и медиасреды. Средства массовой коммуникации, такие как система мобильной сотовой связи, компьютерные сети (интернет) и средства массовой информации (телевидение, радио, печать), безусловно, не только являются источником социальной, политической, экономической, культурной, личной информации, но и меняют картину мира сельских мигрантов.

Удовлетворение досуговых потребностей сельских мигрантов. При составлении социального портрета современного сельского мигранта, как представителя специфической социальной группы, особое значение приобретает выбор форм проведения свободного времени в структуре рекреационных ресурсов городских поселений. Рекреация в данном случае не только служит развитию личности, удовлетворению духовно-культурных, коммуникационных потребностей, но кроме этого способствует трансформации социальных стандартов в условиях модернизации социальных отношений, общественного сознания, способствуя изменению качества жизни сельских мигрантов. Поэтому важно понять механизмы формирования и развития новых социальных стандартов, ценностных установок, стратегий адаптации к городским условиям.

В городских поселениях Республики Саха (Якутия) функционируют многообразные хозяйственные субъекты. Различные структуры производства, распределения, обмена и потребления; развитая сеть сферы услуг (начиная с образовательных, медицинских, финансовых, информационных, транспортных, логистических и заканчивая развлекательными, бытовыми и др.) оказывают значительное влияние на содержание, объем и структуру свободного времени городских жителей.

Устав каждого городского поселения содержит пункт о создании условий для организации досуга и обеспечения их жителей услугами организаций культуры с учетом равных прав и свобод всех проживающих в республике народов. Города Якутии предлагают населению природные (фитолечебные, бальнеологические, гидроминеральные, бальнеогрязевые, лечебные, лесные, заповедники и др.), социокультурные и социально-бытовые (познавательные, спортивные, памятники истории и культуры,

трудо­вые, финан­со­вые, материально-технические, биосоциальные, цифровые (интернет, телевидение), сакрально-культурные, этнокультурные) рекреационные ресурсы⁷⁰.

В городских поселениях Якутии действует разветвленная сеть учреждений культуры. По данным Е.Г. Маклашовой, культурно-досуговую деятельность населения, по состоянию на 2013 г., обеспечивали 536 клубных учреждений, из которых 15,5% осуществляли деятельность в границах городских населенных пунктов (в городах республиканского подчинения — 27 ед., улусного (районного) подчинения — 12 ед.; в поселках городского типа — 44 ед.). В культурно-досуговых учреждениях городских поселений Якутии работают 1166 штатных сотрудников, в т.ч. в возрасте до 30 лет — 225 сотрудников (19,3%), старше 55 лет — 239 (20,5%). Основной фонд культурно-досуговых учреждений городов включает 78 зданий, из которых в аварийном состоянии 2 ед. (2,6%), требуют капитального ремонта 16 ед. (20,5%)⁷¹.

Музейную сеть Министерства культуры и духовного развития РС(Я) образуют 85 учреждений: 8 государственных музеев с 12 филиалами, 50 муниципальных музеев с 13 филиалами, в том числе два музея-заповедника и четыре музейных комплекса; 18 ведомственных музеев, два музея на общественных началах, 314 школьных музеев⁷². Кроме этого, в городских поселениях имеется 105 общедоступных муниципальных библиотек из 485 в целом по республике. Ведут культурно-просветительскую работу 11 творческих союзов республики.

В Якутии действует разветвленная сеть театрально-зрелищных учреждений, в т.ч. 11 театров, четыре концертные организации и Государственный цирк. По данным Н.Д. Федотовой, фиксируется ежегодный рост количества спектаклей и концертов, в частности, в период с 2008 г. по 2010 г. их положительная динамика отмечена у 85,7% театрально-зрелищных учреждений: наибольшая — у Мирнинского театра (82,6%), минимальная — у Государственного театра эстрады (0,5%). Также увеличивается

⁷⁰ Томаска А.Г. Удовлетворение досуговых потребностей сельских мигрантов Якутии в городских поселениях // Общество: социология, педагогика, психология. 2016. №6. С. 22.

⁷¹ Научный отчет НИР «Комплексный анализ деятельности учреждений культуры Республики Саха (Якутия)». Якутск, 2015. С. 15.

⁷² Игнатьева В.Б. Оценка эффективности деятельности музеев в сфере предоставления услуг населению Якутии // Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия). Сб. науч. статей. Вып. 3. Якутск, 2016. С. 78.

и количество премьер в ТЗУ: в 2009 г. — на 18,2%, в 2010 г. — на 36,5%. По количеству постановок в 2010 г. лидирует Государственный театр эстрады (622), на последнем месте — Театр Олонхо⁷³.

По сведениям Ассоциации гостеприимства Якутии, по состоянию на 16 апреля 2018 г., в столице республики г. Якутске функционируют 299 предприятий общественного питания — рестораны, кафе и бары, кофейни, бистро, столовые, буфеты и иные объекты общепита. По данным Министерства спорта РС(Я), среди населения от 3 до 79 лет (2017 г. — 323341 чел.) треть — 35,8% систематически занимаются физической культурой и спортом⁷⁴. Во всех муниципальных районах республики имеются спортивные сооружения (стадионы с трибунами и/или плоскостные спортивные сооружения, спортивные залы, плавательные бассейны, лыжные базы).

Согласно данным интервью с сельскими мигрантами, виды рекреационной деятельности чрезвычайно диверсифицированы, что связано с ее многообразием, сложностью и комплексностью. У разных групп мигрантов под воздействием территориальных и социально-экономических условий жизни складывается собственный, определенный уровнем их социального статуса и культурных потребностей, комплекс досуговой деятельности. При этом, в городских условиях формируются новые формы досуга, которые имеют также гендерную обусловленность. Так, женщины в свободное преимущественно предпочитают общаться с друзьями в кафе и ресторанах, посещать театры и музеи; мужчины проводят время в спортивных залах или занимаются другой трудовой деятельностью, например, работу с деревом или строительные работы некоторые мужчины считают активной формой досуга.

Многие виды рекреационной деятельности все больше комбинируются и преобразовываются в пространственных и временных границах отдыха сельского мигранта. Для них характерно изменение ритмичности и характера досуговой активности. Особенно это связано с отдыхом на природе и временем

⁷³ Федотова Н.Д. Оценка творческой деятельности театрально-зрелищных учреждений: основные параметры // Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия). Сб. науч. статей. Вып.3. Якутск, 2016. С. 56.

⁷⁴ Сведения о физической культуре и спорте Республики Саха (Якутия) за 2017 г. URL: <http://minsport.sakha.gov.ru/cvedenija-o-fizicheskoj-kulture-i-sporte> (дата обращения: 29.9.2018).

года: охотой, рыболовством, сбором ягод, грибов и др. Если в сельской местности работу на свежем воздухе, например, расчистку снега, мигрант воспринимал как трудовую деятельность, то в городе это скорее воспринимается как вид отдыха.

Мужчина (50 лет, среднее профессиональное образование, разведен, 3 детей, из центрального района Якутии, индивидуальный предприниматель, живет в городе семь лет) рассказывает: «Устал, хандра, тут болит, там болит. Поехал на дачу. С утра во дворе повозился, дрова сложил, снег расчистил — красота, отдых и о болячках забыл».

На рекреационную активность также влияет стаж городской жизни сельских мигрантов. Чем больше стаж, тем реже выезды в отпуск на родину или на природу. Так, женщина-информант (40 лет, среднее профессиональное образование, разведена, вдова, 3 детей, из восточной Якутии, работает по найму в бюджетной сфере, живет в городе 15 лет), рассказывает: «Первые годы только в деревню чуть ли не каждую неделю, две выезжали на отдых. А теперь очень редко, раз в год на пару дней ягод набрать и все. И денег жалко, и времени как будто нет. Сейчас какой отдых? В ресторан схожу с детьми или подругами, к родственникам в гости, 2-3 раза в год на концерт или спектакль, по магазинам погуляю. Может, раз в год, если кто позовет или попросит, в музей схожу. Вот и весь отдых. А в отпуск обязательно стараюсь или в деревню съездить, или на юг, на море, за границу — ну выезд то у меня на работе раз в два года».

Как установила Д.М. Винокурова, среди мигрантов имеется тенденция утраты связей с родственниками (с местами исхода) после смены постоянного места жительства более 20 лет назад⁷⁵.

Итоги анализа интервью с сельскими мигрантами показывают, что понятие «свободное время» сильно отличается в зависимости от стажа проживания в городе, вида деятельности, семейного и материального положения информантов. Первые годы миграции могут характеризоваться депривациями, связанными с лишениями в сфере досуга в связи с недостатком свободного времени, социальных связей и финансовых средств. Мужчина, 22 года, среднее общее образование, никогда не состоял в браке, детей нет, из Южной Якутии, сезонная работа и случайные заработки, 3 года живет в Якутске, признается, что с момента

⁷⁵ Винокурова Д.М. Территориальная мобильность жителей Республики Саха (Якутия): семейные связи и миграционные намерения // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. №1. С. 85.

переезда в город не отдыхал никогда, мечтает вернуться на родину и отдохнуть.

Замужняя женщина, 48 лет, среднее общее образование, 1 ребенок, из Западной Якутии, работает в неформальном секторе, стаж проживания в городском поселении 15 лет, вспоминает: «Первые годы были такими тяжелыми. До дома далеко — захочешь, да не поедешь к родным. В редкие выходные только отсыпалась. Какое общение, какой отдых? Это все было для меня недоступно. Работа и спать. Очень уставала, денег не было, да и не доверяла никому. Казалось, кругом все довольные, а мне надо пахать, зарабатывать. Когда сняла свое отдельное жилье, чуть расслабилась. А до этого несколько лет жила в жестком ритме, как выдержала — не знаю».

Необходимо отметить, что некоторые сельские мигранты, особенно женщины, ищут опору в сакрально-культурных местах г. Якутска. Так, они встречаются и устанавливают социальные связи, например, в Доме Арчы — Центре духовной культуры, «Айыы дьиэтэ» — Доме якутских божеств и обрядов. Женщина, 48 лет, высшее профессиональное образование, замужем, 2 детей, из Центральной Якутии, работает в сфере услуг, живет в городе 18 лет, рассказывает, что никакие формы досуга для нее с мужем так не важны, как посещение «Айыы дьиэтэ». Она отмечает, что любое свободное время они с мужем проводят там; участвуют в ритуальных служениях и обрядах, слушают/читают лекции, делятся собственным жизненным опытом, опытом адаптации к городу.

Самыми распространенными формами удовлетворения досуговых потребностей сельских мигрантов являются телевидение и интернет, посещение театрально-зрелищных мероприятий. В зависимости от уровня доходов, качества жизни, городского «стажа» расширяются формы досугового потребления. Если в первые годы миграции предпочтительными формами досуга были поездки на родину и выезды на природу, то с течением времени в их повседневности появляются такие, ранее нечасто используемые виды досуга, как туризм, спорт, санаторное и курортное лечение.

Четко дифференцировать характер и формы удовлетворения досуговых потребностей сельских мигрантов невозможно. Это связано с тем, что в настоящее время взаимопроникновение различных видов рекреационной деятельности является велением времени. Ориентируясь, по тем или иным причинам, на ка-

кой-то один вид досуга, информанты хотели бы максимально наполнить свое свободное время всеми доступными им другими ее видами.

Интеграция детей сельских мигрантов. 83,8% опрошенных сельских мигрантов состоят/состояли в официальном/неофициальном браке, а 67,6% —прибыли в городские поселения с детьми. Распределение выбывших в возрасте 14 лет и старше по причине смены места жительства показывает, что треть сельских мигрантов составляют лица, выбывающие с целью получения профессионального образования (рис. 2.1).

Рис. 2.1. Распределение выбывших из сельской местности Якутии в возрасте 14 лет и старше по причинам смены места жительства, в %⁷⁶

Высокий коэффициент лиц, меняющих постоянное место жительства в связи с причинами личного или семейного характера, как правило, связан с браком (развод или поиск партнера) или с детьми. В интервью родители-мигранты часто ссылаются на желание дать своим детям лучшее образование, повысить уровень их жизни, либо улучшить их здоровье.

Например, женщина-мать (42 года, замужем, образование высшее, переезд из Центральной Якутии, индивидуальный предприниматель в сфере услуг) отмечает готовность к любым трудностям в связи с необходимостью получить высококвали-

⁷⁶ Миграция населения Республики Саха (Якутия): стат. сб. Т.1. Якутск, 2016. С.6; Миграция населения Республики Саха (Якутия): стат. сб. Т.1. Якутск, 2018. С.39.

фицированную медицинскую помощь для своего сына. Семья переехала в город 12 лет назад в связи с проблемами здоровья ребенка. Имея высшее образование, она не стала искать работу по специальности, а искала работу со свободным графиком. Не имея собственного жилья в городе и средств на аренду жилья, снимали комнату в общежитии барачного типа на окраине г. Якутска, в то время как на селе они жили в добротном 2-х-этажном деревянном доме. Сейчас она ни о чем не жалеет. Хотя в течение этих 12 лет семья не развалилась только благодаря ее огромным усилиям: спасала мужа от нервного стресса (начал выпивать); в условиях адаптации к городу ребенок не получал достаточно внимания от родителей; очень сложно решался жилищный вопрос (при строительстве дома случился пожар), то есть были веские причины для развода. Но информант считает, что, несмотря на сложности городской жизни, она добилась своей цели, сумев обеспечить больному ребенку необходимую медицинскую помощь и соответствующий уход⁷⁷.

Следует подчеркнуть, что сельские мигранты не имеют никаких трудностей в получении медицинских услуг для детей. Имея медицинскую страховку, они обслуживаются в любой городской поликлинике или больнице по месту проживания, даже не имея прописки. Есть проблемы с устройством детей младшего возраста в дошкольные учреждения (ясли, сад). Но, по признанию информантов, этот вопрос решается разными способами. Так, они могут оставить детей в сельских детских садах под присмотром своих родителей или близких родственников. По новому месту проживания, хоть и с задержкой в год или два, они могут рассчитывать на место в детском саду. Очень редко устраивают детей в дошкольные учреждения города на платной основе. При этом, в процессе адаптации детей в детских садах не было никаких проблем, кроме затруднений с русским языком. Языковые проблемы детей решаются с разной длительностью, хотя они быстро осваивают второй (русский) язык. Следует отметить, что удивление информантов вызвал сам вопрос, касающийся адаптации или интеграции маленьких детей в детском саду. По их мнению, в таком нежном возрасте этих проблем нет вообще.

⁷⁷ Томаска А.Г. Мигранты Республики Саха (Якутия): вопросы интеграции детей сельских мигрантов // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2017. №1. С. 62.

Сельские мигранты, независимо от наличия в городе какой-либо базы для жизнеустройства, принимают решение о переезде в связи со стремлением дать детям качественное образование. Хорошая городская школа для них представляется гарантией лучшего будущего для ребенка. Они проявляют большое упорство в поисках лучшего образовательного учреждения в городе, где решающими показателями для них являются репутация школы, авторитет учителей, наличие творческих кружков и спортивных секций. Городские жители, напротив, предпочитают устраивать детей в близлежащие школы по месту своего жительства.

Сельская семья с тремя детьми, например, переехала в г. Якутск 15 лет назад в связи с тем, что дети имели определенные успехи в учебе. Жили в арендуемых комнатах; потом был развод, отец впоследствии умер. Но мать семейства (40 лет, вдова, образование среднее-специальное, работает в бюджетной сфере, переезд из Восточной Якутии) предпочла не вернуться обратно в деревню. Один ребенок закончил престижный Республиканский колледж, двое — Саха гимназию⁷⁸.

Она рассказывает: «Самым трудным и волнительным было устроить их в школы. Очень волновалась, когда дети проходили тестирование, чтобы поступить в эти школы, особенно в колледж. Для младших нанимала репетиторов. Работала в 3-4-х местах, кроме основной работы по специальности, чтобы решить жилищный вопрос. Дети были очень счастливы, когда я купила наше первое жилье в ипотеку — двухкомнатную частично благоустроенную квартиру, а то стеснялись съемных комнат. Сейчас сдаем ее, а сами снимаем благоустроенную квартиру. А сейчас я участвую в муниципальной программе по обеспечению бюджетных работников жильем, все ждем не дождемся, когда получим ключи».

Интеграция к урбанизированной среде жизнедеятельности не представляет проблему для детей-мигрантов, они не являются «заметным меньшинством». Основной и трудно решаемой проблемой является интеграция детей к новым школьным коллективам. Так, глава семьи (56 лет, женат, 3 детей, образование высшее, переезд из Северной Якутии 19 лет назад, индивидуальный предприниматель в сфере торговли) рассказывает: «Жена по приезду полтора года занималась детьми, боялась, что маль-

⁷⁸ Томаска А.Г. Указ. Соч. С. 63.

чикам сложно будет войти в новые коллективы. Очень тщательно отнеслась к выбору школы, старалась подружиться с учителями, помогала детям войти в новые школьные коллективы, была активисткой родительского комитета в классах... И несмотря на это, у одного все-таки были проблемы с детьми и учителями. Я как раз думал, что он легче адаптируется. Пришлось несколько раз менять школу».

При этом родители не считают, что имеющиеся трудности связаны с тем, что их дети являются сельскими мигрантами. Преимущественно проблемы адаптации детей в школах связаны с возрастными особенностями подростков. К тому же можно заметить, что эти дети проявляют много усердия в учебе и усвоении учебной программы.

Таким образом, интеграция в городское сообщество для детей сельских мигрантов представляет сложный процесс, связанный с адаптацией в системе образования и социальном пространстве города. Отметим, что дети интегрируются в городское сообщество быстрее родителей, городская культурно-поведенческая система быстро осваивается, поскольку они сразу вовлекаются в коллективы дошкольных и школьных образовательных учреждений. В поисках оптимальных путей интеграции принимающего сообщества с одной стороны, с другой — детей из семей сельских мигрантов, консолидирующим фактором являются общность родного языка, этнической культуры и общей истории. Процесс интеграции детей в городское сообщество усложняют вопросы, связанные с жильем, материальным положением родителей, возрастными особенностями подростков, иногда — недостаточное знание русского языка.

Анализ факторов социальной мобильности сельских мигрантов показал, что миграция сельского населения в городские поселения Якутии происходит стихийно, без учета социально-экономического эффекта внутренней миграции в перераспределении населения и трудовых ресурсов, призванного способствовать процессам модернизации и урбанизации региона. Основным мотивом преимущественно вынужденной миграции сельских жителей является стремление обеспечить трудоустройство, повысить уровень профессионального образования, качество жизни детей.

ГЛАВА 3

Пространственная мобильность коренных малочисленных народов Севера: состояние и проблемы

В соответствии с положениями ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» к ним отнесены народы, насчитывающие менее 50 тыс. чел. и проживающие на территориях исконного расселения предков, сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы⁷⁹.

По итогам ВПН-2010, в Республике Саха (Якутия) живут 39936 представителей коренных малочисленных народов Севера (далее — КМНС), что составляет 4,2% в общей численности ее населения. Малочисленные народы Севера представлены: эвенками — 21008 чел., эвенками — 15071, долганами — 1906, юкагирами — 1208 и чукчами — 670. Мужчины составляют 46,3% (18478 чел.), женщины — 53,7% (21458 чел.), население трудоспособного возраста — 60,3% (24081 чел.)⁸⁰.

В двадцати одном улусе (районе), занимающем 85,0% (2622292,2 км²) территории Республики Саха (Якутия), расположены места их компактного проживания, где в сельских поселениях проживает 71,1% представителей КМНС. В соответствии с законом «О перечне коренных малочисленных народов Севера и местностей (территорий) их компактного проживания в Республике Саха (Якутия)» к ним отнесены долганы, эвены, эвенки, юкагиры и чукчи, компактно проживающие в Абый-

⁷⁹ ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» №82-ФЗ от 30.04.1999 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13778> (дата обращения: 08.06.2018).

⁸⁰ Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 года. Т.4. Национальный состав и владение языками, гражданство. 25. Население коренных малочисленных народов Российской Федерации по территориям преимущественного проживания, возрастным группам и полу. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 08.06.2018).

ском, Алданском, Аллаиховском, Анабарском, Булунском, Верхнеколымском, Жиганском эвенкийском, Кобяйском, Мирнинском, Момском, Нерюнгринском, Нижнеколымском, Оймяконском, Олекминском, Оленекском эвенкийском, Среднеколымском, Томпонском, Усть-Майском, Усть-Янском, Эвено-Бытантайском национальном и Верхоянском улусах⁸¹.

Сегодня КМНС, проживающие на труднодоступных, отдаленных территориях, занимаются преимущественно традиционной хозяйственной деятельностью — оленеводством, рыболовством, охотой. Традиционное землепользование является основой их жизнеобеспечения, а также материальной и духовной культуры.

Обширность занимаемой КМНС территории обуславливает разнообразие ее природных ресурсов, неравномерное распределение производительных сил и человеческих ресурсов. На территориях одиннадцати из двадцати одного района традиционного проживания и хозяйственной деятельности КМНС добываются полезные ископаемые: нефть, каменный уголь, руда цветных металлов, алмаз, золото, олово, сурьма. Основу экономики остальных районов составляет традиционное хозяйство: оленеводство, мясное табунное коневодство, пушной и рыбный промысел, звероводство.

Общая социально-экономическая ситуация в стране и республике, локальные эффекты изменения мирового климата оказывают серьезное воздействие на развитие территорий традиционного проживания КМНС. По данным статистики, с 2000-х годов уровень безработицы в вышеуказанных улусах в среднем вырос почти в два раза⁸². При этом, максимальный рост уровня безработицы фиксируется в Эвено-Бытантайском улусе — в 7,5 раз, Кобяйском — в 3,7 раз, Момском — в 3,4 раза.

На фоне острого дефицита рабочих мест происходит сокращение численности работников организаций; количество увольняемых работников превышает число принятых. Так, например, в районах проживания малочисленных народов Севера среднегодовая численность работников организаций в 2000-2015 г. со-

⁸¹ Закон «О перечне коренных малочисленных народов Севера и местностей (территорий) их компактного проживания в Республике Саха (Якутия)» №59-3 №121-III от 10 июля 2003 г. (новая редакция). URL: <http://docs.cntd.ru/document/802005558> (дата обращения: 08.10.2018).

⁸² Труд и занятость в Республике Саха (Якутия): стат. сборник. Якутск, 2016. С. 136-137.

кратилась на 22,1% (рис. 3.1). Только в шести из 21 района за указанный период наблюдается незначительный рост среднегодовой численности работников: в Эвено-Бытантайском улусе — на 13,5%, Анабарском — на 12,2%, Оймяконском — на 8,6%, Оленекском — на 5,6%. Хотя относительно 2010 г., в 2015 г. незначительный рост наблюдается в Томпонском улусе — на 2,8% и Мирнинском — на 1,6%.

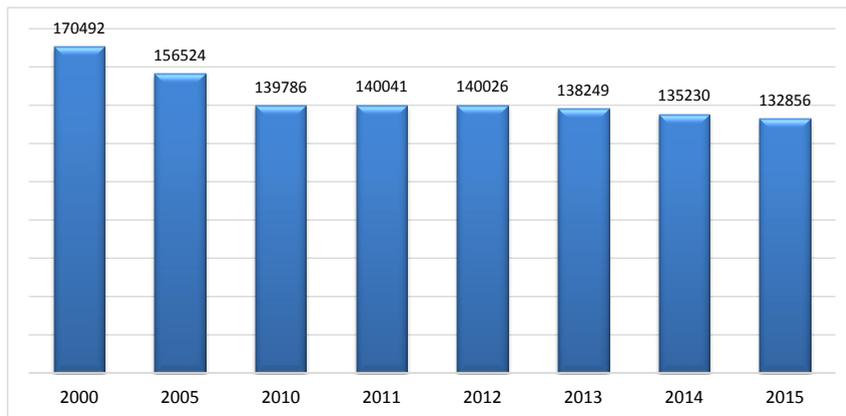

Рис. 3.1. Среднегодовая численность работников организаций в районах проживания малочисленных народов Севера, чел.⁸³

Значительные сокращения численности работников организаций в указанный период зафиксированы: в Усть-Янском районе — на 48,6%, где почти вдвое уменьшилось число работников организаций и субъектов малого предпринимательства; в Нижнеколымском улусе — на 47,2%, Верхнеколымском — на 44,8%, Жиганском — на 19,9%, Момском — на 19,1%, Анабарском — на 17,2%.

В районах проживания малочисленных народов Севера, по статистическим данным, количество увольняемых работников превышает число принятых (рис. 3.2). Если рассматривать в разрезе отдельных районов, то в 2000-2015 гг. наибольшее сокращение численности принятых на работу произошло в Кобяйском улусе — на 49,1%, Аллаиховском — на 40,9%, в Среднеколымском — на 35,1%.

В рассматриваемый период по показателям принятых на работу лидирует Оленекский район, где в 2015 г., по сравнению с 2010 г., трудоустроилось на 270,9% больше работников. По всей видимости, такой бурный рост связан с деятельностью пред-

⁸³ Там же. С. 98.

приятый алмазодобывающей промышленности Якутии в местностях Хара Мас, Талахта, Верхне-Мунского коренного месторождения алмазов. В Анабарском улусе на работу было принято на 74,5% больше лиц, в Оймяконском — на 52,7%, Булунском — на 46,1%, где функционируют предприятия добывающей промышленности (ООО «Алмазы Анабара», АК АЛРОСА, АО «Нижне-Ленское»).

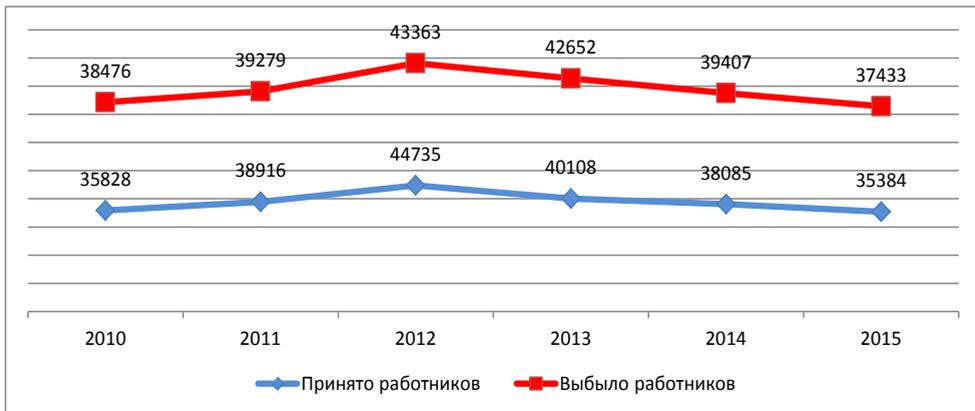

Рис. 3.2. Прием и выбытие работников по районам проживания малочисленных народов Севера РС(Я), чел.⁸⁴

В связи с этим необходимо отметить резкую градацию уровня заработной платы работников в зависимости от вида экономической деятельности. В 2015 г. занятым в добыче полезных ископаемых начислялось в среднем 94609,9 руб., что на 83,6% больше зарплаты занятых в рыболовстве, рыбоводстве; на 78% — занятых в сельском хозяйстве. Самой ближайшей к максимальному уровню является зарплата банковских работников и финансистов, которая составляет 66097,1 руб.

Влияние промышленности на структуру доходов видно также из того, что в улусах, где функционирует добывающая промышленность (Мирнинский, Оленекский, Булунский, Оймяконский, Анабарский) фиксируется более высокий уровень заработной платы, чем в целом по Якутии. Высокая зарплата типична для промышленных районов: Анабарского улуса, где осваиваются россыпные месторождения алмазов (90903,4 руб.); Мирнинского, где ведется добыча алмазов, нефти, природного газа (86789,6 руб.) и Оймяконского, где добываются золото, су-

⁸⁴ Труд и занятость в Республике Саха (Якутия): стат. сборник. Якутск, 2016. С. 136-137.

рьма и другие полезные ископаемые (68749,4 руб.)⁸⁵. Минимальная зарплата характерна для сельских районов, где в основном заняты в традиционных отраслях экономики: в Эвено-Бытантайском улусе (36002,2 руб.), Кобяйском (38285,2 руб.) и Момском (38783,7 руб.).

Отметим, что традиционные отрасли северного хозяйства все более оттесняются с исконных территорий природопользования предприятиями добывающей промышленности. Прессинг индустриальной экспансии оборачивается загрязнением воздуха; ухудшением состояния водных ресурсов и пастбищ сточными водами промышленных предприятий; прорубленными просеками и деградацией лесов, которые вызывают оттайку вечномерзлого грунта, выход грязевых масс, сели, обвалы.

Ухудшение экологической ситуации на территориях традиционного природопользования КМНС ограничивает ресурсные возможности их хозяйственной деятельности. В частности, если сравнить показатели численности поголовья оленей в хозяйствах всех категорий в 2011–2017 гг., то наблюдается существенное снижение их численности: относительно показателей 2011 г. на 22,1% в 2016 г., на 14,1% в 2017 г.⁸⁶. В этой связи следует признать, что региональные власти не всегда могут ограничить беспрепятственный доступ промышленных предприятий к территориям традиционной хозяйственной деятельности КМНС.

В последние годы ситуацию углубляют климатические явления современности. Среди них по своим масштабам выделяются участвовавшие наводнения, сопровождающиеся огромным ущербом для объектов жизнеобеспечения, особенно в отдаленных и труднодоступных населенных пунктах Якутии; потерями сенокосных, охотничьих, рыболовных угодий; крупного рогатого скота, лошадей, оленей.

Развитие добывающей промышленности и деградация окружающей среды значительно меняют пространство и ландшафт территорий традиционного проживания и природопользования КМНС. Так, глава кочевой родовой общины в Алданском районе, эвенкийка, 72 года, рассказывает о трубопроводной системе «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВС-ТО), которая проходит через их общинные оленьи пастбища. «Из-за вырубки просек не

⁸⁵ Труд и занятость в Республике Саха (Якутия): стат. сбор. Якутск, 2016. С.212. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 08.06.2018).

⁸⁶ Сельское хозяйство в Республике Саха (Якутия): стат. сб. Якутск, 2016. С. 154.

только мы не узнаем наши исконные земли и теряем ориентацию, и наши олени блуждают. Мы много оленей потеряли. Да, мне еще кажется, что олени слепнут, на их зрение эти трубы влияют плохо».

Представители коренных малочисленных народов Севера во время интервью часто отмечают даже изменения около своих населенных пунктов: «мы, когда пошли тушить пожар, шли только непрерывным рядом, иначе из-за прорубленных просек сразу полностью теряем ориентацию на родной земле, где, будучи маленькими детьми, бегали без страха заблудиться», «по ягоды, когда идем, собираемся только большой группой — боимся заблудиться около села».

По мнению Т.Н. Константиновой, формой хозяйственной деятельности, защищающей исконную среду обитания, сохраняющей и развивающей традиционный кочевой образ жизни, промыслы и культуры народов Севера является родовая община, которая создается с целью достижения и удовлетворения не только экономических результатов, но и этносоциальных потребностей. В качестве формальной социальной группы, родовая община состоит из главы общины, бухгалтера, звеньевogo-наставника, зоотехника или ветеринара, оленевода и чумработницы⁸⁷.

Костяк родовых общин составляют несколько родственных семей и близкие родственники, или соседи-односельчане. Основной состав общины как кочующего трудового коллектива представлен преимущественно мужчинами. По данным исследований, ранее проведенных нами, в родовых общинах 89% мужчин репродуктивного возраста не имеют семей⁸⁸; в настоящее время ситуация сильно не изменилась.

Женщины-чумработницы, кочующие с мужьями, приостанавливают свою кочевую деятельность, при этом оставаясь членом общины, в период обучения детей в школе, либо когда ребенок посещает детский сад или есть необходимость в медицинском уходе члена семьи. По данным Министерства образования РС(Я), в 2018 г. функционируют 11 кочевых школ в пяти арктических районах Якутии.

⁸⁷ Константинова Т.Н. Родовые общины Южной Якутии в условиях промышленного освоения // Арктика и Север. 2011. №4. С. 44-45.

⁸⁸ Попова А.Г. Демографическая ситуация и вопросы развития родовых общин Республики Саха (Якутия) // Проблемы Крайнего Севера Якутии: состояние и пути решения. Сб. науч. трудов. Якутск, 2001. С. 44-49.

В летнее время года члены родовой общины кочуют со стадами оленей почти в полном составе. Как писал К.П. Иванов, кочевание с оленями любым оленеводом воспринималось как благо, счастье, а потеря оленей и вынужденный переход на оседлый образ жизни — как величайшее несчастье.⁸⁹

В типологии миграций Ф. Дювель выделил кочевников как акторов пространственной мобильности⁹⁰. Однако северный кочевник, находясь в «глобальной системе мобильностей», которые включают «бронирование билетов, заправку горючим, адреса, безопасность, протоколы, узловые станции, веб-сайты, доки, перевод денег, пакетные туры, багажные отделения, контроль воздушного сообщения, штрих-коды, мосты, расписания, видеонаблюдение и т.п.»⁹¹, не пересекает ни географических границ, ни виртуальных пространств общества. Он не является «чистым кочевником, всегда и уже есть стоянка, где нужно хранить припасы, как бы малы они ни были, записывать и распределять, жениться и кормиться», он не производит раскодирования потоков, детерриторизации⁹². И в этом смысле оленевода, кочующего в пределах оленьих пастбищ, невозможно обозначить актором территориальной мобильности⁹³.

«Раскодирование потоков» происходит, когда представитель коренных малочисленных народов Севера пересекает границы своих территорий традиционной жизнедеятельности. Как показывают материалы ТО ФСГС по РС(Я), наибольшее миграционное движение происходит в местах добычи полезных ископаемых: в Алданском, Мирнинском и Нерюнгринском районах. Эти районы привлекательны для рабочих сил из разных регионов России и стран СНГ, для нелегальных мигрантов.

Но какова миграционная ситуация в местах расселения коренных малочисленных народов Севера, где нет промышленных предприятий? В 2016 г. сальдо миграции в 9 сельскохозяйственных районах проживания коренных народов Севера соста-

⁸⁹ Иванов К.П. Проблемы этнической географии. СПб.: изд-во СПбГУ, 1998. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/IKP/ipk141.htm#ipk141text8> (дата обращения: 9.06.2018).

⁹⁰ Дювель Ф. Указ. соч. С. 77.

⁹¹ Урри Дж. Указ соч. С. 83.

⁹² Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007. С. 234.

⁹³ Томаска А.Г. Особенности территориальной мобильности мужского населения коренных малочисленных народов Севера Якутии // Теория и практика общественного развития. 2018. №7. С.52.

вило — 291 чел., в 2017 г. — 391 чел. Прибывшие мигранты-мужчины составили в 2016 г. 47,3%, выбывшие — 46,1%; в 2017 г. — 49,3% и 45,6%, соответственно⁹⁴. В сравнении с предыдущими годами миграция мужского населения значительно увеличилась⁹⁵.

В этой связи обратимся к работе Е.С. Ли, где он выделил четыре основных фактора, влияющие на принятие решения о миграции и на сам процесс миграции: 1. Факторы, связанные с зоной происхождения; 2. Факторы, связанные с областью назначения; 3. Промежуточный набор препятствий; 4. Личные факторы⁹⁶. В данном аспекте миграция коренных народов Якутии из районов традиционного расселения преимущественно связана с отсутствием рабочих мест, а также с сужением естественного ареала для ведения традиционного образа жизни.

Коренные малочисленные народы Севера мигрируют преимущественно из села в город. Применительно к этому можно говорить, наряду с «бременем мобильности», о «дефиците режима циркуляции», ограниченного локальной степенью⁹⁷, а именно — только городскими поселениями Республики Саха (Якутия). В частности, основными причинами смены места жительства представителями КМНС являются причины личного, семейного характера (39,2%) и переезд в связи с работой (23,4%).

Как известно, территориальная мобильность зависит от уровня социально-экономического развития региона. Как отмечает Ж.А. Зайончковская, депрессивные регионы должны с относительно большей силой «выталкивать» население по сравнению с развитыми регионами, население которых менее подвижно⁹⁸. Но применительно к мигрантам из депрессивных регионов можно сказать, что «доступ к мобильностям распределяется неравномерно, но структурирование этого неравенства зависит, в том числе от экономики производства и потребления объектов, имеющих отношение к данной мобильности, к природе граждан-

⁹⁴ Статистический ежегодник РС(Я): стат. сб. Якутск, 2017. С.93; Миграция населения РС(Я): стат. сборник. Т.2. Якутск, 2018. С.6.

⁹⁵ Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия). Новосибирск, 2012. С.56.

⁹⁶ Lee Everett S. Ibid. Pp.49-50.

⁹⁷ Делез Ж., Гваттари Ф. Указ. соч. С.143.

⁹⁸ Зайончковская Ж.А. Миграция и урбанизация, которые изменили Россию // Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. Тезисы докладов. М., 2002. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_03.html (дата обращения: 09.06.2018).

ского общества, географическому распределению людей и их деятельности, и особенно от действующих систем мобильности и форм их взаимозависимости»⁹⁹.

В целом, в структуре миграции коренных малочисленных народов Севера преобладают женщины, несмотря на некоторый рост численности мигрирующего мужского населения¹⁰⁰. Низкая территориальная мобильность мужчин из традиционной среды детерминируется рядом факторов: труднодоступностью и отдаленностью территорий их традиционного проживания, что усложняет транспортное сообщение (дороговизна транспортных тарифов, сезонные ограничения); недостаточной материальной базой и низкими доходами, обусловленными ограниченным рынком труда и экономической спецификой традиционных отраслей хозяйственной деятельности; сложностями этнической самоидентификации и т.п.

Таким образом можно заключить, что возможности территориальной мобильности мужчин народов Севера значительно ограничиваются социально-экономическими факторами. Раскодирование потоков, детерриторизация становится непреодолимым рубежом: «Физическое или виртуальное перемещение между различными местами может стать источником статуса или власти, выражением права на передвижение, временное или постоянное. Там, где движение заблокировано, может возникать социальная депривация или отчуждение»¹⁰¹.

Углубленные интервью с сельскими мигрантами-мужчинами, прибывшими из районов традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера, раскрывают причины вынужденного переезда в городские поселения. Все информанты, за исключением одного, приняли решение о переезде после затяжной безработицы и безденежья, попыток выживать за счет продуктов охоты и рыбалки, то есть преобладает миграция в связи с поиском работы.

Мужчина, 22 года, прибыл из Нерюнгринского района сразу после окончания средней общеобразовательной школы с целью устроиться на работу: «Я приехал сразу после школы искать здесь работу. У меня со здоровьем не очень. Да и в школе учился плохо. Учиться совсем не хотел. В деревне нет ни работы, ни

⁹⁹ Урри Дж. Указ. соч. С.142.

¹⁰⁰ Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия). Новосибирск, 2012. С.56.

¹⁰¹ Урри Дж. Указ соч. С.76-77.

возможности подрабатывать. Не будешь же на шее у матери сидеть. Вот и переехал, и начал работать».

Трудоустроились по найму половина информантов, которым родственники или земляки, проживающие в городских поселениях, помогли с пропиской. Другие имеют случайные заработки (в основном грузчики), сезонную работу (работники временных строительных бригад в летнее время, охрана дач в зимнее время) или по договору работают водителем такси. Независимо от возраста и социального положения, все информанты планируют/получают профессиональное образование. Так, респонденты обучаются/обучались: в педагогическом колледже, техническом ВУЗе, на курсах парикмахеров, слесарей-сантехников.

Жилищный вопрос решается по-разному. Информанты с нерегулярными доходами живут то у земляков, то у родственников; иногда, в кооперации с земляками или родственниками арендуют жилье. Также есть респонденты, у которых стратегия решения жилищного вопроса связана с попытками строить отношения с женщинами, как правило, имеющими собственное жилье. Некоторым информантам досталась квартира от родителей (получили как ветераны Великой Отечественной войны); семья одного информанта получила жилье в числе пострадавших от наводнения.

В рассматриваемых случаях только вспомогательные ресурсы, «комплекс репрезентаций их принадлежности «месту» и «обществу», способствующих моделированию процессов «расположения» и «перемещения людей в их социальных пространствах»¹⁰² в виде родственников или земляков, оказавших содействие в трудоустройстве и решении жилищного вопроса, явились реальным капиталом мобильности мигрантов — представителей КМНС.

Отметим, что часть информантов в условиях возможностей и рисков городской жизни оказалась в более сложном положении, чем ранее в селе. Например, 43-летний эвен, работающий таксистом по договору, живущий в доме у сожительницы, обдумывает планы о переезде в какое-либо село в центральных районах Якутии или возвращении на родину. 22-летний эвенк, перебивавшийся случайными заработками, через три года вер-

¹⁰² Соловьева А.Н. Детерриторизация социальных практик в контексте этнокультурных ландшафтов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. №5. С.127.

нулся к матери в село в связи с серьезными проблемами со здоровьем. 28-летний эвенк, шесть лет работает дворником, не видит никаких положительных перспектив. Он вынужден жить с пьющей женщиной, оставившей своих детей в деревне и лишенной материнских прав, которая еще намного старше его, и в результате он спивается.

Таким образом, перемещение между различными местами мужчин-КМНС не обеспечивается в достаточной степени необходимыми ресурсами ни в начале движения по месту традиционного проживания, ни в его конце в городских поселениях республики. Способы «обитания» в традиционных условиях Севера и Арктики невозможно привнести в систему, которую ему навязывает конструкция социальной жизни и общения на новом месте. Территориальная мобильность в данном случае ограничивается отсутствием необходимых социальных связей; переустройством привычных способов «обитания» и взаимодействия.

Автор концепции повседневности Мишель де Серто в своем исследовании обыденной жизни человека приводит в качестве примера алжирца, живущего во Франции, который вводит присущие его родине способы «обитания» в систему, которая ему навязывается на новом месте. «Он накладывает одно на другое и за счет этой комбинации создает себе пространство игры, находя в нем способы использования принудительного порядка места или языка. Не покидая пространства, где ему приходится жить и которое диктует ему свои законы, он учреждает внутри него определенную множественность и созидательность. Благодаря искусству «находиться между», он извлекает из этого непредвиденные результаты»¹⁰³.

Опыт «обитания» и социальных взаимодействий мужчин коренных малочисленных народов Севера не обладает в нашем случае убедительным, достаточно стабильным содержанием, позволяющим им создать «пространство игры». Новый опыт не расширяет их идентичности, но усложняет процессы социального воспроизводства, в некоторых случаях принимает формы социальной дискриминации. Отдаленные и изолированные территории их прежней жизни, привязанность к традиционным хозяйствам являются тем самым местом, выражающим неравенство их положения и доступа к системам мобильности.

¹⁰³ Мишель де Серто. Изобретение повседневности. Искусство делать. СПб., 2013. С.101.

Соответственно, вопросы пространственной мобильности и эмансипации превращаются в вопрос пространственной свободы, когда затрагиваются проблемы распределения и доступности социально-экономических благ. В социологии эмансипация определяется как освобождение от зависимости, угнетения, предрассудков; отмена ограничений, получение самостоятельности и равноправия индивидом, социальной группой.

Аналитический концепт «пространственной эмансипации» предложен А.В. Толстокоровой, которая предлагает понимать его как расширение социально-пространственного контекста жизнедеятельности женщин¹⁰⁴. С этой точки зрения доступность пространственной эмансипации для северных женщин из традиционной среды выглядит проблематичной. Интеграция женщин коренных малочисленных народов Севера в другие пространства ограничивается теми же социально-экономическими факторами, которые указаны выше в отношении мужчин-КМНС. Женщины-КМНС также вынужденно мигрируют преимущественно в связи с поиском работы, получением профессионального образования, улучшением материального положения, уровня и качества жизни для себя и семьи. Среди них много матерей-одиночек и разведенных.

Интервью с информантами представляет довольно широкое разнообразие примеров пространственной эмансипации женщин-северянок. Но у более выраженных примеров идентификаций, дающих им возможность свободнее действовать в новой урбанизированной среде, как правило, всегда есть дополнительные ресурсы для поддержания мобильности в промежуточных условиях, например, в виде родственных связей по месту переезда. Отсутствие каких-либо дополнительных ресурсов в виде городских родственников, финансов, недвижимости и др. является необходимым переменным для анализа. То есть, любые внешние ресурсы, кроме ресурсов самого мигранта или его семьи, не представляются детерминирующими факторами изучаемого явления.

Как показывают интервью, в настоящее время имеет место быть возвратная миграция, свидетельствующая о сложностях в расширении социально-пространственных связей (или ресурсов) северных женщин. Так, молодая женщина из Нижнеколым-

¹⁰⁴ Толстокорова А.В. Пространственная эмансипация украинских женщин как способ освоения публичного пространства // Культура и искусство. 2012б. №5. С. 52.

ского улуса (23 года, чукча, не замужем) рассказывает, что самые большие затруднения во время учебы в городе были связаны с жизненно важными вопросами: студенческой стипендии было недостаточно для полноценного питания; отсутствие средств на поездку домой актуализировал поиск жилья во время длительных летних каникул, т.к. общежитие в это время заселялось абитуриентами, либо закрывалось на ремонт и т.д. После получения желанного диплома, она искала работу у себя на родине или в любом сельском поселении республики, поскольку стремилась расширить пространственную мобильность с целью как-то обустроить свою жизнь.

Другая женщина-северянка из Среднеколымского улуса (50 лет, эвенка, разведена) приехала в столицу республики с целью найти работу. Готовилась к переезду в течение двух лет: откладывала деньги из маленькой зарплаты учителя малокомплектной сельской школы; для продажи шила унты из оленьих камусов, чтобы накопить хоть какие-то средства для первых лет жизни в городе. Имея высшее педагогическое образование, она смогла устроиться лишь на малооплачиваемые работы — сначала уборщицей, администратором в частной гостинице, потом в частном пансионате, где ей предоставили комнату. Прожив таким образом 3 года, она приняла решение вернуться на родину.

Представляется интересным сравнить ее опыт с историей женщины-информанта (эвенкийка, 64 года, вдова, уроженка Усть-Майского улуса), пространственная мобильность которой не была столь ограничена и началась в советский период. По окончании средней школы она поступила в Свердловский юридический институт; никаких особых затруднений во время обучения не помнит. Напротив, вспоминает бесплатный хлеб в студенческой столовой, хорошую стипендию. По окончании института по распределению уехала работать в один из городов Якутии, где ей была предоставлена квартира. Там она вышла замуж, создала семью, успешно работала до выхода на пенсию. После смерти мужа продала свою недвижимость и купила квартиру в г. Якутске. В настоящее время живет в очень стесненных условиях, испытывает материальные затруднения. Вместе с сыном-студентом рассчитывают только на ее пенсию и его стипендию. Очень сильно экономят; сын изредка подрабатывает, когда есть возможность.

Таким образом, переходный момент из одного пространства в другое становится для многих женщин Севера непреодолимым рубежом. Поскольку обе стороны пространства, новое и старое, не обладают необходимыми ресурсами для достижения в процессе этого перехода пространственной эмансипации. «Так как человек — существо, соединяющее и разъединяющее, существо, не способное соединить, не разъединяя, мы должны сначала представить себе обычное индифферентное существование двух берегов в их разделенности, чтобы затем соединить их мостом»¹⁰⁵.

Повседневная жизнь мигранток-северянок демонстрирует, что пространственная мобильность не формирует факторы пространственной эмансипации — новые прочные социальные связи, преобразования и взаимодействия, не расширяет их идентичности.

Таким образом, индустриализация территорий традиционного проживания малочисленных народов Севера, негативные изменения социоприродной среды их жизнедеятельности вследствие современных климатических сдвигов, способствуют росту вынужденной пространственной мобильности коренного населения республики. Вместе с тем, пространственная эмансипация представителей КМНС существенно сдерживается социально-экономическими факторами. В данном случае «социальный мир», как набор экономических, социальных и политических практик и инфраструктур ограничивает социальную и территориальную мобильность народов Севера.

¹⁰⁵ Зиммель Г. Мост и дверь // Социология власти. Сообщества и город. 2013. №3. С.149.

ГЛАВА 4

Мигрантские сообщества в местах прибытия: траектории коммуникации

Исследование миграции привлекает внимание, с одной стороны, в связи с появлением новых теорий об обществе, с другой — глобализация миграционных процессов не укладывается в прежние объяснительные схемы. Массовые перемещения влияют и изменяют многие представления, способствуя поиску новых парадигм. В качестве одного из индикаторов изучения миграции в связи с ростом масштабов территориальной мобильности больших масс людей может стать участие/не участие сообщества в миграционных процессах, различающихся по продолжительности во времени и пространственным показателям. По сути, основой их различий являются — время и пространство, т.е. продолжительность пребывания на новом месте и удаленность перемещений от исходной точки. Сюда же можно отнести и количество смены постоянного места жительства мигранта, т.е. уровень активности в перемещениях, траектории коммуникации.

В данной главе используются данные социологических опросов по теме «Этнические мигрантские и старожильческие сообщества: процессы инклюзии и социальные сети» (n=892), проведенного в г. Мирном (n=290), г. Якутске (n=400), г. Ленске (n=202) в 2010-2012 г.; «Анализ ситуации в области уровня и качества жизни населения, социального обслуживания, социальной защиты населения, соответствия целевых установок государственных программ Республики Саха (Якутия) проблемам в данных областях» (n=1670), проведенного в г. Якутске и 16 районах республики, сгруппированных по пяти экономическим зонам (Восточная, Западная, Южная, Арктическая и Центральная) в 2017 г.; «Разработка стратегии социально-экономического развития городского округа «Жатай» Республики

Саха (Якутия) на период до 2030 года» (n=365), проведенного в п. Жатай в 2018 г.¹⁰⁶

Для сбора первичных данных респонденты были отобраны по квотной выборке на основе учета структуры генеральной совокупности по полу и возрасту. Число характеристик, выбранных в качестве квот, как правило, не превышает трех-четырех, поскольку процедура отбора становится очень сложной и увеличивает полевой этап исследования в разы. Следует обратить внимание на то, что остальные признаки могут не совпадать со структурой генеральной совокупности. Социально-демографические характеристики общего массива респондентов представлены в приложении 4.

Когда речь заходит о миграции, конечно, нельзя не затронуть проблему формирования местного сообщества, постоянных жителей, в противоположность мигрантам. Хотя и местное сообщество можно дифференцировать по длительности освоения данной территории, если учитывать, что миграции, переселения народов происходят постоянно. Как показывает практика, местное сообщество формируется при длительном взаимодействии с конкретной территорией, местом постоянного жительства.

Какие коммуникативные связи при формировании местного рода являются определяющими? По мнению Ж. Делеза и Ф. Гваттари: «Происхождение является административным и иерархическим, а союз — политическим и экономическим, он выражает власть, которая смешивается с иерархией и не выводится из нее, и экономику, которая не смешивается с управлением. ... Им соответствуют две памяти — одна био-родовая и другая — память союзов и слов»¹⁰⁷.

Известно, что, начиная с глубокой древности, в любом сообществе появление новых членов и родство «закрепляется» административным путем, к примеру, это ритуалы при большом скоплении членов сообщества, фиксирующие рождение ребенка, вступление в брак и др. Притом подобное «администрирование» способствует конструированию взаимоотношений в виде иерархической структуры, основываясь на поколенческих, гендерных и иных различиях. В формировании био-родовой памяти участвуют не только непосредственные родственники, но и те, кто

¹⁰⁶ Далее в приводимых данных опросов будут указаны только объемы выборки (n=x).

¹⁰⁷ Делез Ж., Гваттари Ф. Указ. соч. С. 231.

их окружает, наблюдает, являясь свидетелями. Био-родовая память сопровождает человека с рождения и до смерти, тогда как память союзов и слов дискретна, имеет свойство появляться, обрываться и вновь появляться. Другое свойство био-родовой памяти — её детерминированность, т.е. «родителей и родственников не выбирают», эта изначальная данность создает ощущение «господства происхождения». На био-родовую память накладывается множество связей и взаимоотношений, которая во много раз превосходит по длительности дискретную память союзов и слов, создавая ощущение её «вторичности».

Ж. Делез и Ф. Гваттари считают определяющим — вторую память, т.к. связи, поддержка взаимоотношений зависят от выбора самого индивида, смотря по ситуации: «И если происхождение выражает то, что является господствующим, оставаясь детерминированным, — союз выражает то, что является детерминантом, или, скорее, выражает возвращение детерминанта в детерминированную систему господства»¹⁰⁸.

Можно задаться вопросом, входит ли место рождения человека в его био-родовую память? По всей видимости да, так как место рождения выбирает не сам человек, также, как и родителей. Однако впоследствии человек сам может сделать выбор, где ему жить. Значит, место рождения относится к био-родовой памяти, тогда как смена постоянного места жительства — к памяти союзов и слов.

Если перейти с языка философии на язык плана референции, т.е. социологии миграции, то перспектива, возможность миграции где-то «маячит» как горизонт возможностей. Притом, согласно Ж. Делезу и Ф. Гваттари — по «скорости», в данном случае, миграцию можно интерпретировать, как константное явление — «поиск пристанища». Но для конкретного индивида в данный момент она может быть не актуальна, т.к. она пока не входит в его «систему интенциональности», но в любой другой момент может быть актуализирована.

Из данных табл. 4.1 видно, что респонденты совершали неоднократную смену постоянного места жительства в трех городах Республики Саха. Притом, в распределении ответов о частотности миграции больших различий между ними не наблюдается; обращает на себя внимание и относительно малый процент респондентов, проигнорировавших данный вопрос.

¹⁰⁸ Там же. С. 232.

Таблица 4.1

Частотность участия респондентов в миграции по городам (n=892), в %

Частотность смены постоянного места жительства	Ленск (n=202)	Мирный (n=290)	Якутск (n=400)
Один раз	42,1	37,9	36,0
2-3 раза	32,2	30,7	30,0
4-5 раз	6,9	8,6	9,3
Шесть и более раз	2,5	4,5	4,0
Нет ответа	16,3	18,3	20,7

Это то, что в социологии принято называть «миграционным потенциалом», в демографии — число людей, способных мигрировать в том или ином направлении. Желание сменить постоянное место жительства респондентов можно обнаружить в противоречивости их ответов о планах миграции. К примеру, респонденты, отрицавшие в прямом вопросе о смене своего места жительства, в то же время отмечают желаемый населенный пункт в ответе на следующий вопрос, куда бы они хотели переехать (табл. 4.2). По-видимому, часть респондентов не акцентирует свое желание сменить место жительства, но может реализовать его в любое удобное для себя время.

Таблица 4.2

Миграционный потенциал — намерение территориальной мобильности и место переезда респондентов (n=1670), в %

№	Планируемое место переезда	План смены постоянного места жительства:		
		да	нет	пока не знаю
1	Другое село/поселок района/улуса, где проживает респондент	3,1	4,3	3,4
2	Город РС (Я)	20,8	17,4	18,4
3	Сельский населенный пункт РФ	4,2	8,7	2,7
4	Город РФ	57,8	17,4	24,6
5	СНГ	3,5	–	3,4
6	Дальнее зарубежье	10,3	–	8,2
7	Затрудняюсь ответить	6,1	52,2	45,7

Пользуясь терминологией феноменологии Э. Гуссерля можно сказать, что трансцендентальное Его в качестве субъективного полюса всегда обладает интенциональными переживаниями сознания, которые частично заключены в нем, частично могут

быть раскрыты благодаря горизонтному предочерчиванию¹⁰⁹. Другими словами, как только в сознании индивида формируется направленность на смену места жительства, то есть с точки зрения конкретного индивида, появится необходимость (желание) в ней, он мигрирует.

Методологическая установка геофилософии Ж. Делеза и Ф. Гваттари позволяет рассматривать миграцию в категориях «множественности», что способствует наиболее полному охвату и объяснению стратегии поведения мигрантов в инокультурной среде, траектории их коммуникации. Так, анализируя различия «древовидной парадигмы» и «книги-системы корневых волосков», Т.Х. Керимов подчеркивает: «Делез и Гваттари выделяют некоторые принципы организации корневища во всех сферах социальной жизни...»¹¹⁰.

«Во-первых, связь и гетерогенность — в противоположность происхождению и однородности. Согласно этому принципу, корневище, не имея центра, исходной точки развития, изначально «децентрировано» и разнесено по различным регистрам. ...»¹¹¹. Вот почему, как было указано выше, союз «выражает то, что является детерминантом».

Коммуникативная мигрантская и принимающая среда вырабатывают свои взаимные ожидания по обе стороны сообществ в соответствии с мотивами принятия/отклонения коммуникации и благодаря чему эти коммуникации ожидаемы. Н. Луман полагает: «Символические генерализации концентрируют структуру указаний всякого смысла в ожидания, показывающие, что обещает данная смысловая ситуация. Точно так же справедливо обратное: ожидания, подтверждаемые и нуждавшиеся в конкретных ситуациях, направляют и поправляют генерализации»¹¹².

Коммуникация между мигрантами и местным сообществом происходит во многих сферах, будь то правовой, политической, образовательной, профессиональной, семейно-брачной, бытовой и т.д. В основе этого лежит непрерывный во временном

¹⁰⁹ Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 2006. С. 116; Он же. Идея феноменологии: пять лекций. СПб., 2008. 224 с.

¹¹⁰ Керимов Т.Х. Номадология // Современный философский словарь. М., 2015. URL: <http://terme.ru/dictionary/183/word/nomadologija> (дата обращения: 22.02.2018).

¹¹¹ Там же.

¹¹² Луман Н. Социальные системы. Очерк общей системы. СПб., 2007. С. 141-143.

плане процесс генерализации, «рудиментарно заложенный во всяком смысле», по Н. Луману, и прежде всего за счет генерализации можно выделить локальные «единицы смысла», к примеру, «мигрант», «приезжее население», «старожильческое население» и др.

Двусторонние взаимоотношения («союзы») респондентов могут складываться по самым разным поводам (см. табл. 4.3).

Таблица 4.3

Оценка респондентами частотности ощущения их единства с различными сообществами (n=892), в %

Частотность ощущения единства	Уроженец/приезжий			
	Да	Нет	Нет ответа	Всего
представителями моего поколения				
Иногда	51,8	43,5	4,7	100
Часто	54,9	41,9	3,2	100
Никогда	48,9	48,9	2,2	100
своими коллегами по работе, роду занятий				
Иногда	56,7	40,5	2,8	100
Часто	50,0	45,8	4,2	100
Никогда	41,9	55,8	2,3	100
своими земляками				
Иногда	55,6	40,8	3,6	100
Часто	54,6	41,1	4,3	100
Никогда	52,2	46,6	1,2	100
людьми моей национальности				
Иногда	56,7	40,3	3,0	100
Часто	54,4	42,2	3,4	100
Никогда	45,3	53,6	1,1	100
людьми моего материального достатка				
Иногда	55,3	42,1	2,6	100
Часто	56,7	40,3	3,0	100
Никогда	41,8	53,1	5,1	100
с теми, кто придерживается близких респонденту политических взглядов				
Иногда	57,5	40,1	2,4	100
Часто	55,0	42,4	2,6	100
Никогда	49,5	46,6	3,9	100
жителями того населенного пункта, где жил респондент на момент опроса				
Иногда	56,0	41,3	2,7	100

Часто	53,9	42,4	3,7	100
Никогда	48,7	49,6	1,7	100
с теми, кто придерживается той же веры (религии), что и респондент				
Иногда	58,1	39,4	2,5	100
Часто	53,8	43,4	2,8	100
Никогда	49,1	47,6	3,3	100
с жителями Республики Саха (Якутия)				
Иногда	52,0	45,8	2,2	100
Часто	57,8	38,1	4,1	100
Никогда	46,6	51,5	1,9	100
со всеми гражданами РФ				
Иногда	52,8	45,1	2,1	100
Часто	58,1	37,2	4,7	100
Никогда	52,0	47,2	0,8	100

«Во-вторых, множественность — в противоположность системности. Только когда множественность понята сама по себе, она перестает быть связанной с Единым как субъектом или объектом...»¹¹³. Принцип «множественность — в противоположность системности» призывает нас подняться на более высокий уровень абстракции и понимать множественность саму по себе, не привязывая множество в какую-то систему. К примеру, союз (память союзов и слов) как «детерминант», может «разветвляться» в любую сторону или вовсе «разорваться». Возьмем такие значимые явления, как власть, доминирование, удовольствие и противостояние, которые переплетены в сложных процессах и закреплены в неоднозначных культурных кодах. Об этом же могут свидетельствовать представления респондентов о своем месте жительства, которые формируются в повседневной практике (табл. 4.4).

Таблица 4.4

Отношение респондентов к своему месту жительства в момент опроса (n=892), в %

Высказывания	Согласие			Всего
	да	нет	нет ответа	
Я бы хотел, чтобы мои дети или внуки стали коренными жителями	42,1	42,5	15,4	100
В образе жизни местного населения есть особенности, с которыми мне трудно примириться	27,2	55,2	17,6	100
Местное население никогда не будет считать меня своим	20,2	60,7	19,1	100

¹¹³ Керимов Т.Х. Указ.соч. (дата обращения: 22.02.2018)

Здесь можно работать и зарабатывать, но нормально жить здесь постоянно невозможно	36,2	45,6	18,2	100
Здесь живут якуты, и жить здесь надо согласно якутским обычаям и традициям	30,3	52,7	17,0	100
Спокойно и достойно можно жить только среди своих	27,1	54,4	18,5	100
Здесь надо стремиться жить как все	38,3	44,4	17,3	100
В семье, среди своих можно и нужно соблюдать традиции и обычаи своего народа, независимо от того, где ты живешь	60,5	23,3	16,2	100

Следует отметить, что данный вопрос содержал высказывания, с которыми респондент мог соглашаться или отрицать. Достаточно большой процент опрошенных не ответил по причине неоднозначного отношения к перечисленным в анкете высказываниям. Во время процедуры опроса некоторые респонденты выражали свое негативное отношение к приведенным высказываниям, на что интервьюирующий предлагал не отвечать на данный вопрос. Особо остро реагировали представители некоренных этносов.

Возможно, подобная реакция связана с устоявшимся в общественном мнении стереотипом о «временщиках»? Мигрантскую среду И.М. Кузнецов и В.И. Мукомель делят на приспособительную (для временных мигрантов), и адаптивную (для мигрантов, намеренных остаться на новом месте)¹¹⁴. Кроме того, они указывают на возможность «кристаллизации приспособительной стадии», образования устойчивой теневой субкультуры в принимающем сообществе.

«В-третьих, картография — в противоположность генетической оси. Понятия генетической оси и глубинной структуры принадлежат логике дерева, логике кальки, которая может быть воспроизведена бесконечно...»¹¹⁵. «Картография» сочетается с первым принципом. По Ж. Делезу концепция картографии основана на том, что пространство формирует эмпирическую логику «внешних отношений», то есть формирует весь клубок связей на данной территории (региона, населенного пункта), которые формируются в дискурсивные конструкты местных сообществ и нерепрезентативную практику знания, то, что сейчас называют нетематизируемыми локальными (местными) знаниями.

¹¹⁴ Кузнецов И.М., Мукомель В.И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М., 2005. С. 8-9.

¹¹⁵ Керимов Т.Х. Указ. соч.; Guillaume Sibertin-Blanc. Cartographie et territoires. La spatialité géographique comme analyseur des formes de subjectivités selon Gilles Deleuze // L'Espace géographique. 2010. №3 (Т.39). Pp. 225-238.

Для примера возьмем такое нетематизируемое явление, как оценка респондентами их эмоционально-психологического состояния в повседневности и сравним их по экономическим зонам региона (табл. 4.5).

Таблица 4.5

Доминирующее в повседневности эмоционально-психологическое состояние в оценке респондентов (n=1670), в %

Настроение в повседневной жизни	ЦЗЗ (n=500)	ЗЗЗ (n=302)	ЮЗЗ (n=300)	АЗЗ (n=318)	ВЗЗ (n=250)	Всего (n=1670)
радость от общения и оптимизм	18,0	17,8	18,8	19,5	19,7	18,1
умеренный оптимизм и позитивные эмоции	22,6	27,8	24,3	24,5	22,3	23,7
ровное, спокойное настроение	38,3	28,9	31,0	37,4	41,6	35,5
неустойчивое, быстро меняющееся настроение	9,9	10,3	10,9	8,2	11,2	10,3
пессимизм	1,7	2,0	2,4	2,2	0,4	1,7
легкое раздражение	5,0	5,7	7,9	4,4	3,3	5,6
агрессия	0,4	1,1	-	0,9	0,4	0,5
недоверие к окружающим	1,1	2,0	1,2	0,6	-	1,3
чувство страха перед будущим	2,0	3,4	3,3	1,3	1,1	2,7
Другое	1,1	0,9	-	0,7	-	0,5
нет ответа	-	-	-	0,3	-	-
ИТОГО	100	100	100	100	100	100

«В-четвертых, принцип «незначащего разрыва» — в противоположность значимости купюр, разделяющих структуры. Корневище может быть разорвано, расчленено в любом месте. Однако оно возобновляет свой рост в направлении, заданном одной из линий или линиями другого корневища»¹¹⁶. Это философское выражение, с одной стороны, как нельзя лучше может объяснить потребность «поиска пристанища», которая может актуализироваться конкретным индивидом в любое время. Сегодня посредством миграции определенная часть населения реагирует на возрастающее разнообразие экономических, экологических, политических, правовых, образовательных, семейных и других отношений, которые открываются как горизонты современному индивиду.

¹¹⁶ Керимов Т.Х. Указ. соч.

Таблица 4.6

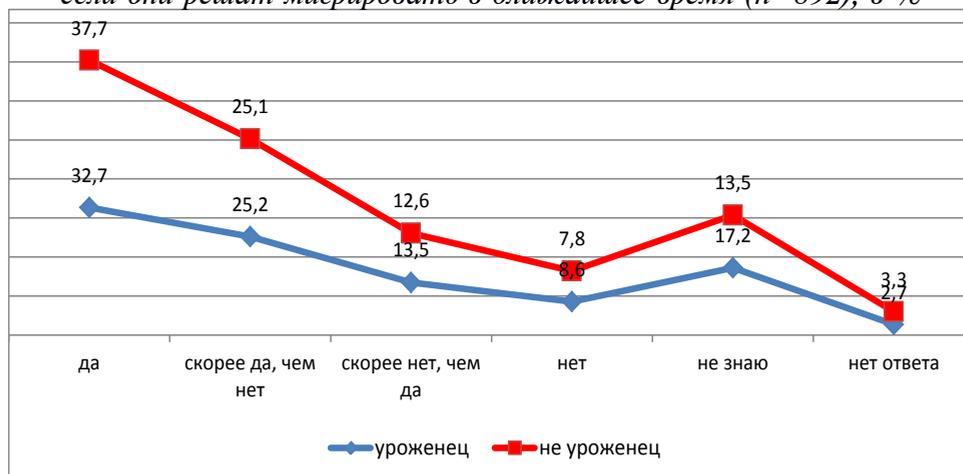
Планы респондентов о миграции и оценка условий жизни (n=365), в %

Тип жилья респондента:	Хотели бы Вы переехать в другой населенный пункт:			
	да	нет	об этом не думал(а)	не указали/нет ответа
квартира в многоквартирном каменном доме	69,7	65,2	57,9	37,5
квартира в многоквартирном деревянном доме	6,8	7,0	5,3	-
комната в общежитии	5,3	4,8	7,9	12,5
частный дом	16,7	21,4	28,9	37,5
не указали/нет ответа	1,5	1,6	-	12,5
Всего:	100,0	100,0	100,0	100,0
Наличие у семьи подсобного хозяйства	да	нет	об этом не думал(а)	не указали/нет ответа
да, есть	38,6	51,9	31,6	50,0
Нет	61,4	48,1	68,4	50,0
Всего:	100,0	100,0	100,0	100,0
Желание заняться бизнесом в ближайшее время (рискнуть и потратить свой имеющийся стартовый капитал):	да	нет	об этом не думал(а)	не указали/нет ответа
у меня уже есть свое дело/семейный бизнес	5,3	8,0	2,6	-
да, я планирую, есть стартовый капитал и другие возможности	7,6	4,3	5,3	-
у меня есть желание, но нет возможностей	41,7	31,6	42,1	25,0
такого желания нет	44,7	54,5	50,0	50,0
не указали/нет ответа	0,8	1,6	-	25,0
Всего:	100,0	100,0	100,0	100,0
Оценка перспектив развития малого и среднего бизнеса в п. Жатай в ближайшие 5 лет в следующих отраслях: (респонденты выбирали несколько вариантов ответа)	да	нет	об этом не думал(а)	не указали/нет ответа
промышленность, производство	15,2	21,9	21,1	-
строительство	27,3	40,1	26,3	25,0
сельскохозяйственное производство	21,2	23,0	23,7	37,5
транспорт - перевозки, ремонт/сервис	17,4	21,9	10,5	-
связь, компьютерные технологии	5,3	7,5	-	12,5
образование	19,7	17,6	15,8	25,0
медицина	19,7	12,3	15,8	25,0
финансовые услуги - кредитование, инвестиции	2,3	0,5	-	-
юридические услуги и консультации	3,8	4,8	2,6	-
программное обеспечение, IT-технологии	3,0	3,2	-	-

туризм, спорт	10,6	7,0	15,8	12,5
торговля	23,5	21,4	26,3	25,0
общепит	15,6	11,2	15,8	37,5
бытовые услуги	21,2	17,1	15,8	-
красота и стиль	14,4	11,8	26,3	-
другое	2,3	1,6	2,6	-
не указали/нет ответа	9,8	8,0	2,6	12,5

При этом если сравнить распределение ответов респондентов, планирующих/не планирующих переезд, сменить место постоянного жительства они могут вне зависимости от условий на прежнем месте жительства (табл. 3.6). Миграция превращается в своего рода «вложение» индивидов (их семей). Очевидно, поэтому почти каждый второй респондент ожидает одобрения членов своей семьи его решения о смене места жительства (рис. 4.1). Исследователи вводят понятия «сетевой капитал», «мобильный капитал», которые могут быть отнесены и к миграции, территориальным перемещениям.

Рис. 4.1. Ожидаемая степень согласия родных респондентов, если они решат мигрировать в ближайшее время (n=892), в %

Значит, чем более рассредоточено живут знакомые, друзья, члены семей индивида, тем больше возможностей у него не только их кратковременно посещать, но и сменить постоянное место жительства¹¹⁷. Мигранты могут при благоприятных стечениях обстоятельств на новом месте задействовать свои профес-

¹¹⁷ Урри Дж. Мобильности. М., 2012. 576 с.; Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М., 2012. 336 с.

сиональные и личностные компетентности для многих пока неопределенных целей. Многих может привлекать именно новизна незнакомого места, окружения и т.п. Их действия мотивируются случайностями и удобствами, «миграция» дает поступкам логическую связанность, а погоня за удобными случаями обращения к ней делает поступки зависимыми, то есть индивид может, пользуясь своими связями совершать неоднократную смену места жительства.

Как известно, в период индустриализации в большинстве стран мира (неравномерно по времени) наблюдалась массовая миграция населения из сельской местности в города. В исследовательских кругах вплоть до первой трети прошлого века доминировала объяснительная схема таких процессов, основывавшаяся на распределении трудовых ресурсов, а мотивы участия мигрантов — экономическими факторами. Однако, в связи с глобализацией рабочей силы, распространения этнических диаспор, системы образования, туризма, локальных войн, мотивы мигрантов становятся все более разнообразными, а эффект от интенсивности, направленности и состава миграционных потоков, обуславливает социальные и демографические последствия во всем мире.

В связи с естественной убылью населения Российской Федерации, также и северо-восточных территорий страны, миграция стала почти единственным источником пополнения трудовых ресурсов российских регионов. Итак, какая коммуникативная среда сформирована на территории Республики Саха? С момента колонизации территории Якутии социально-демографическая структура и этнический состав ее населения кардинально изменились. Население не только численно увеличилось, но и стало «национально-пестрым»; сформировались два доминирующих сообщества: русских и саха (якутов). Известно, что дружеские отношения между представителями национальных групп складываются, когда люди взаимодействуют в общем коммуникативном пространстве длительное время, к примеру, русские старожилы создают семьи с представителями коренных народов Якутии, даже не воспринимая такие браки как межнациональные.

Таблица 4.7

**Время вступления респондентов в семейно-брачные отношения
(n=892), в %**

Момент вступления в семейно-брачные отношения	Является ли респондент уроженцем того места, где проживал в момент опроса	
	да	нет
Я вступил в брак до приезда в тот населенный пункт, где сейчас живу	13,3	32,9
Я вступил в брак по приезде в тот населенный пункт, где сейчас живу	27,0	39,4
Никогда не состоял в браке	17,2	10,6
Нет ответа	42,5	17,1
Итого	100	100

Хотя нельзя сказать, что так поступают только представители старожильческого населения Якутии. Сегодня семейно-брачные отношения между представителями местного сообщества и мигрантами, разрастаясь, являются одним из каналов адаптации и обустройства последних (табл. 4.7).

Очевидно, противоречивость ответов респондентов можно объяснить тем, что уроженцы данных населенных пунктов, возможно, ранее выезжали и вернулись обратно в города, где они родились. Следует указать, что в анкете не были предусмотрены вопросы, уточняющие подобные ситуации.

На рис. 4.2 приведены данные, показывающие направления семейно-брачных отношений респондентов, с кем именно они заключили брак, с представителем своего или другого этноса.

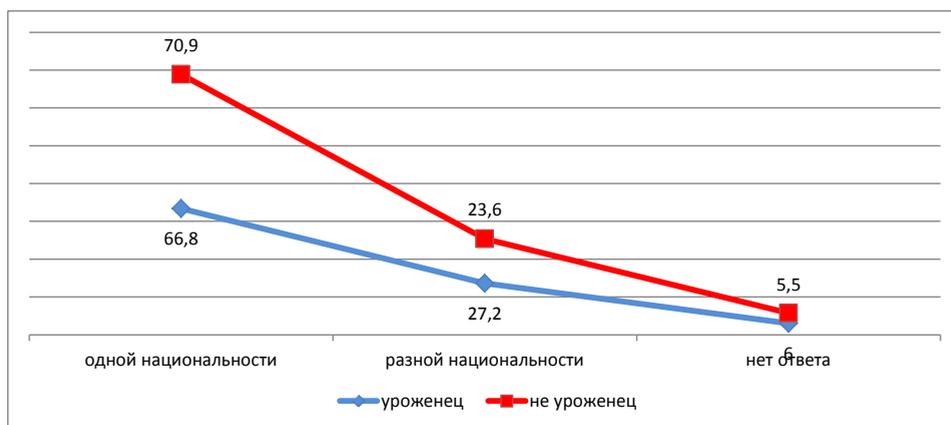

Рис. 4.2. Межэтнические браки среди респондентов-уроженцев и неуроженцев гг. Ленск, Мирный, Якутск (n=892), в %

Следует признать, что вопросы об этнической принадлежности и семейном положении затрагивают достаточно чувствительные темы для респондентов, поэтому осознанно не задавались более детальные вопросы.

С конца XX в. на фоне глобального характера миграции территорию Республики Саха начали осваивать представители «экзотических» для Севера этнических групп из Туркменистана, Кыргызстана и Узбекистана. К тому же большинство из них прибывает в Якутию сезонно, в основном в теплый период времени; часть из них приезжает в течение нескольких лет подряд.

В анализе социальных взаимодействий можно использовать индикаторы, которые способствуют выявлению объективной характеристики отношений мигрантов и принимающего сообщества. Так, положения формальной социологии Г. Зиммеля позволяют рассматривать особенности взаимосвязей в зависимости от размера группы с формой обобществления, которые, могут определить факторы, актуализирующие и нейтрализующие различия мигрант /не мигрант¹¹⁸.

К примеру, это фактор «видимости» при этнической миграции, когда постоянно «регистрируется и комментируется» все, что делается мигрантами. В СМИ много говорят об «этнической миграции», её особенностях, характеризуют её как питательную среду для криминализации и т.п. С критикой этнизации феномена миграции выступает В. Малахов. Субъектами воспроизводства этноцентричного дискурса являются, по его мнению, часть федеральных и региональных элит, этнические активисты, эксперты¹¹⁹. Также этому способствуют институты: общественные организации, институты регистрации, законодательство, блокирующие возможность интеграции мигрантов в общество.

Полиэтничность и разнообразие культур способствует, с одной стороны, осознанию индивидом его отличия от других, с другой — способствует взаимообогащению, росту разнообразия. Мигрантские сообщества служат сетевыми сообщества-

¹¹⁸ Зиммель Г. Общение. Пример чистой, или формальной, социологии // Социологические исследования. 1984. №2. С. 170-178; Ионин Л.Г. Социология Георга Зиммеля //История буржуазной социологии XXI - начала XX века. М., 1979. С. 180-203.

¹¹⁹ Малахов В. Интеграция мигрантов: концепции и практики. М., 2015. 272 с.; Он же. Понаехали тут: очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М., 2007. 200 с.

ми-проводниками, транслирующими свои культурные особенности на других в новых местах проживания.

Или фактор «обобщения», при котором конкретный мигрант воспринимается только как представитель своей группы — будь то этнической, профессиональной, сельской, но не как конкретный индивид. Или фактор — «носитель особого статуса», когда «статус мигрант» становится для него основным.

На каких каналах основано формирование коммуникативного сообщества мигрантов, прибывающих в Республику Саха? Во время неоднократного группового интервью с мигрантами из СНГ в г. Якутске было установлено, что они прибывают в подавляющем большинстве случаев по сетевой связи — горизонтальной неформальной коммуникации, основанной на персональном знакомстве.

Такие связи можно разделить на три группы. Во-первых, это могут быть члены семей, как известно, членство в семье основано на кровнородственных связях. Длительность связи во времени ограничена только продолжительностью жизни индивида (в любое время можно легитимизировать родство, био-родовая память). Во-вторых, это могут быть одноклассники/коллеги/друзья — связи основаны на формальных/ неформальных отношениях (память союзов и слов). В-третьих, земляки/бывшие соседи — связи, основанные на территориальной легитимности (память союзов и слов). Возможны также сочетания вышеуказанных форм связей. Временное ограничение этих связей связано со случайными факторами.

Какую функцию выполняют сетевые связи для мигрантов? Как оказалось, они упрощают формальные (институциональные)/неформальные взаимодействия мигрантов на новом месте жительства: а) обеспечивают «узнаваемость» мигранта; б) позволяют обходить «острые углы» в конкретных жизненных ситуациях; в) предоставляют дополнительную информацию при принятии решений; г) экономят средства и время при решении определенных проблем и др.

Ответы респондентов на вопрос исследования, на чью помощь они могут рассчитывать в случае экстренной необходимости, показывают, что био-родовая и память союзов и слов по «надежности» находятся почти на одном уровне. Тот факт, что респонденты-уроженцы республики больше надеются на помощь со стороны родственников и друзей, по-видимому, можно связать с их территориальной близостью, когда они могут более

мобильно прийти на помощь друг другу, нежели мигранты, родные и близкие которых могут находиться вдали от них (рис. 4.3).

Рис. 4.3. На кого рассчитывают респонденты в случае возникновения потребности в экстренной помощи (n=892), в %

Таблица 4.8

Обоснование респондентами своих ожиданий экстренной помощи со стороны знакомых (n=892), в %*

Обоснование оказания помощи	Ленск (n=202)	Мирный (n=290)	Якутск (n=400)
Знакомым, которым я когда-то помог	10,4	10,0	13,5
Мои родные, когда возникает необходимость, мне помогают	53,6	52,4	60,5
У нас очень тесные контакты и доверительные отношения с земляками	5,2	5,5	3,8
Просто думаю, что они мне помогут как друзья	20,4	27,2	23,3
К сожалению, я не могу рассчитывать ни на чью помощь, кроме как государственных органов	4,5	3,8	1,3
Другое	5,9	5,2	3,5

*Здесь и далее респонденты выбрали несколько вариантов ответов

Как видно из таблицы 4.8, доля опрошенных, самостоятельно решающих проблемы, возникающие в повседневной жизни, почти совпадает с теми, кто отметил вариант «советуюсь с теми, с кем живу одним домохозяйством». Значит, респонденты больше склонны решать свои проблемы в кругу ближайшего окру-

жения, если не получается решать самостоятельно. В настоящее время наблюдается тенденция все большего «перекладывания» социальной ответственности на самого индивида. Государство использует для этого различные «инструменты» системы страхования здоровья, пенсии по старости, дифференцированное налогообложение и т.д. И, конечно, чем жестче включается рыночный утилитаризм в социальные взаимоотношения, тем больше усложняется жизнь и «включаются» адаптивные механизмы со стороны членов общества, в том числе используя инвестирования семей в смену постоянного места жительства их членов. Эти семейные «инвестиции» исследователи стали рассматривать как их сетевой капитал, о чем нами выше было указано.

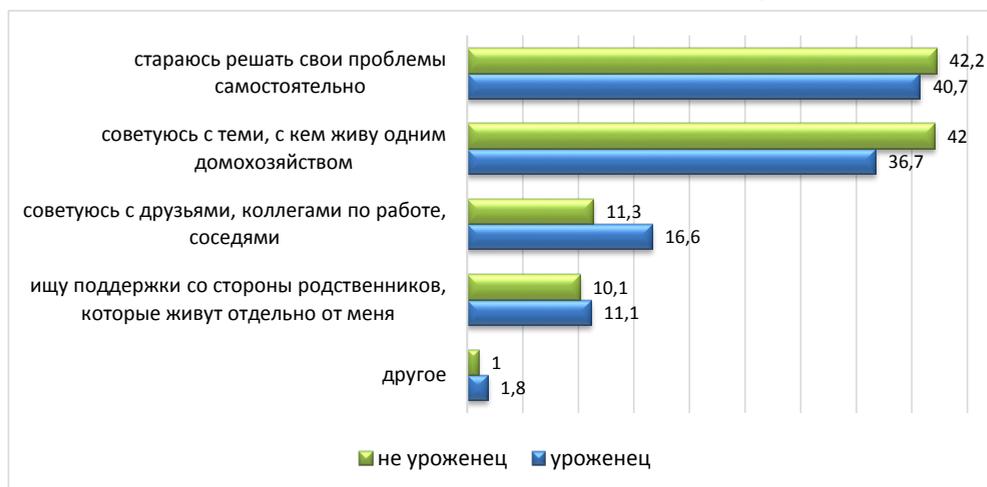

Рис. 4.4. Способы решения респондентами проблем, возникающих в повседневной жизни (n=892), в %

Коммуникативную совокупность тех, кто прибыл в данный населенный пункт и не успел утратить свой статус «мигранта», т.е. находится непродолжительное время, сочетая выезд в места исхода в зимние сезоны года можно дифференцировать по следующим показателям: а) времени прибытия; б) месту, откуда прибыл; в) социально-демографическим показателям, включая род занятий; г) вероисповеданию; д) степени активности участия в миграции и т.п.

Таблица 4.9

**Степень вхождения в контакт респондентов с малознакомыми людьми
(n=892), в %**

Всегда ли легко входить респонденту в контакт с малознакомыми людьми	Являетесь ли Вы уроженцем того места, где сейчас живете	
	Да	нет
Да, при любой ситуации я могу договориться	32,8%	34,9%
Иногда мне бывает нелегко договариваться с малознакомыми людьми	27,4%	22,1%
Мне весьма бывает трудно входить в контакт с малознакомыми людьми	5,5%	6,5%
Я и не пытаюсь входить в контакт с малознакомыми людьми, мне достаточно моих близких, коллег, соседей	31,4%	31,7%
Другое	0,5%	1,0%
Нет ответа	2,4%	3,8%
Всего	100	100

Какие функции выполняют мигрантские сообщества в процессе модернизации региона? Если ориентироваться на сигнальные индикаторы, то они способствуют росту: численности населения; доли городских жителей; доли занятых в сфере услуг; разнообразия культур; доли студентов, получающих высшее образование среди населения в возрасте 20-24 лет. Естественный рост численности населения в республике постоянно «подпитывается» внешними мигрантами, которые прибывают в матримониальном возрасте, вступая в семейно-брачные отношения с местным населением. Помимо того, представители сельского сообщества Якутии продолжают прибывать в города; в пике прибытия, который был достигнут в конце прошлого века, также есть доля внешних мигрантов. Притом, в города преимущественно прибывает сельская молодежь с целью продолжения своего образования.

Как следует из рис. 4.5, каждый второй уроженец выбрал вариант — «здесь я чувствую себя достаточно комфортно» (55,3%), тогда как респонденты-не уроженцы — 45,7%. Конечно, мигранту на новом месте при «включении» в незнакомое сообщество сопутствует множество «препятствий», начиная с природно-климатических условий жизни и заканчивая разделением в системе «свой-чужой». Безусловно, какие-то из существующих барьеров можно преодолеть за достаточно короткий срок, а какие-то могут потребовать более длительного времени. К примеру, административные барьеры, связанные с регистрацией, получением

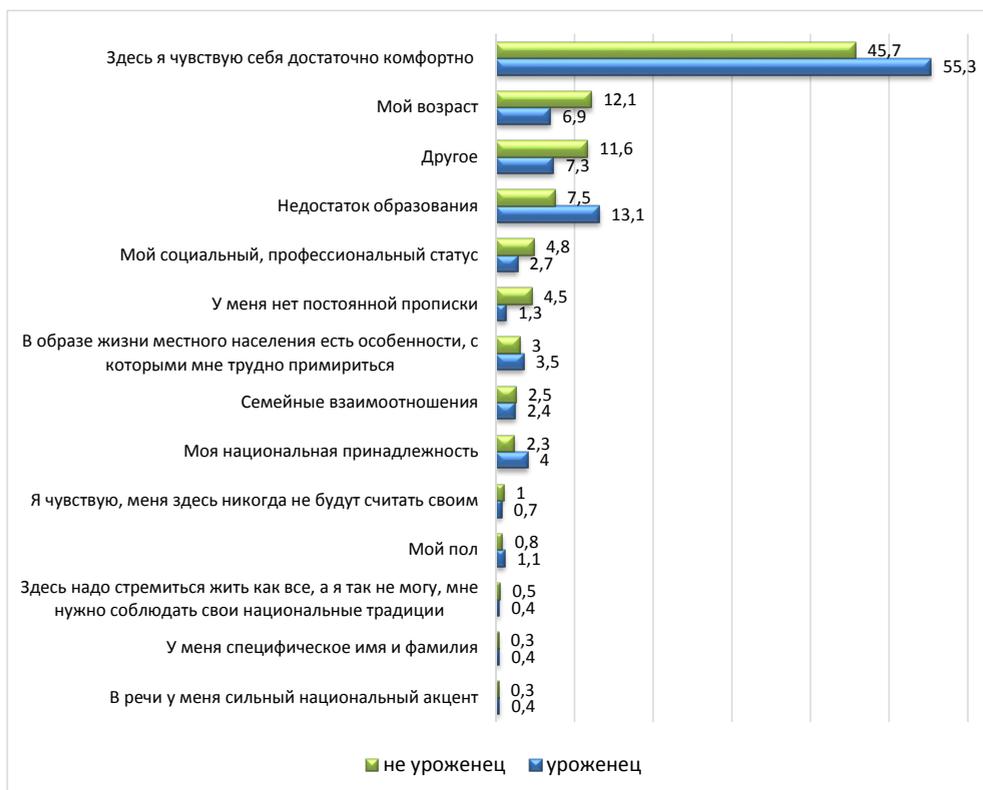

Рис. 4.5. Что препятствует лучше обустроиться в том месте, где они жили в момент опроса (n=892), в %

патентов и т.п. имеют конкретные непродолжительные сроки. Многие указанные в вариантах ответов респондентов препятствия заняли долю в пределах статистической погрешности. И только две из них рельефно выделились — уровень образования и возраст. В век повышения требований к профессиональной подготовке работника, конечно, возрастает роль уровня образования специалиста и это, видимо, наиболее ощущают на себе те мигранты, которые не имеют соответствующего профиля подготовки при трудоустройстве на работу.

И второе препятствие — это возраст респондента, прибывшего в тот населенный пункт, где он находился во время опроса. Проблема «возраста человека» сегодня становится предметом обсуждения во многих сферах жизни. С одной стороны, увеличивается продолжительность жизни человека, политическая сфера рассматривает возраст как один из критериев при оценке рейтинга качества жизни стран. А раз увеличивается продолжи-

тельность жизни, значит, и молодость дольше продлевается. Также стремительно развивается индустрия красоты, омоложения и т.п. С другой — возраст может стать препятствием при трудоустройстве, т.к. работодатели больше заинтересованы в молодых кадрах, которые быстрее усваивают цифровые технологии, более мобильны, с ними проще общаться и, имея меньше опыта работы, они более лояльны и т.п.

Когорта попавших в выборку в трех городах (Ленск, Мирный, Якутск) республики респондентов составила, по частотности участия в миграции, почти одинаковый процент: сменивших один раз постоянное место жительства и два-три раза. Значит, в среднем почти треть респондентов участвует в миграции от одного до трех раз. Тогда как четыре-пять раз сменили постоянное место жительства около 10% респондентов в указанных городах.

Приведенные эмпирические данные о противоречивости ответов на вопросы анкеты позволяют сделать вывод о неактуализированном потенциале миграции в сознании респондентов. Так, 41,2% респондентов признались в намерении смены постоянного места жительства, 28,7% ответили «пока не знаю». Однако на следующий вопрос, куда вы планируете переехать, активно «выбирают» место предполагаемого выезда. Значит ли это, что в сознании современного человека, живущего в условиях территориальной и социальной мобильности, вне зависимости от пола и возраста подсудно есть желание смены постоянного места жительства, т.е. территориальной мобильности?

Многоликость ответов на вопросы, «зондирующие» отношение респондентов к местам проживания в момент опроса, косвенно подтверждает предположение о лояльности их оценки, что палитра складывающихся взаимоотношений с местным сообществом самая разнообразная.

В целом настроение респондентов в повседневной жизни характеризуется от «ровного, спокойного» по убывающей до «умеренного оптимизма» и «радости от общения и оптимизма». На прямой вопрос, что препятствует респондентам лучше обустроиться — каждый второй респондент-уроженец места, где проводился опрос, считает, что ничего не мешает, им «достаточно комфортно», не уроженцы-респонденты — 45,7%.

Итак, траектории коммуникации прибывающего населения можно условно разделить на три вида. К примеру, мигранты из

других регионов России компактно живут в промышленных городах республики, трудоустраиваясь в различных организациях. Они могут жить продолжительное время, вступая в семейно-брачные отношения как с другими прибывшими, так и представителями местного сообщества.

Второй вид, это мигранты-вахтовики. В настоящее время добывающие промышленные компании в республике все больше практикуют вахтовый метод найма основного персонала. Значит, мигранты целенаправленно прибывают на прииски и, отработав положенный срок, выезжают обратно в места постоянного места жительства, в том числе и внутри региона.

Третий вид, это «стихийно» и сезонно прибывающие мигранты, основная масса которых направляется в г. Якутск. Однако, эта «стихийность» вполне организована. Так, методом интервью было выявлено, что, к примеру, мигранты из СНГ, Средней Азии прибывают уже сформировавшись в рабочие бригады. Или прибывают к своим родным, знакомым, которые живут диаспорами в столице Якутии и других городах, которые заблаговременно для них «готовят» рабочие места. Однако — это не значит, что они все по окончании срока работы отбывают на родину, какая-то часть мигрантов может остаться на более длительное время, или сезонно прибывать неоднократно.

ГЛАВА 5

Традиционное северное хозяйство: факторы и критерии стратегий адаптации

Исследование актуальных проблем функционирования традиционного северного хозяйства Якутии имеет сегодня как теоретическую, так и практическую значимость, особенно в контексте противоречивых тенденций в развитии современной цивилизации, когда с одной стороны — набирают силу процессы унификации и стандартизации жизнедеятельности человеческих сообществ, с другой — растет понимание необходимости сохранения разнообразия глобального мира. Применительно к Республике Саха эта проблема представляется особо чувствительной потому, что здесь исторически сформировались и сохранились до нашего времени исконные формы хозяйства — основа системы жизнеобеспечения и традиционного образа жизни коренных народов Севера и Арктики. Северное комплексное хозяйство включает в себя традиционные занятия эвенков, эвенов, юкагиров, долган, саха (якутов) — оленеводство, скотоводство, табунное коневодство, охотничий, рыболовный и пушной промыслы.

В литературе, в определении понятия «традиционное хозяйство» (тождественно традиционному образу жизни, хозяйственному укладу) народов Севера, существуют несколько трактовок. По мнению И.И. Крупника, традиционное хозяйствование подразумевает целую систему ведения хозяйства, включая — экономику, социальное устройство, демографию, природопользование и экологию общества¹²⁰. Относительно функционирования традиционного хозяйства в современных условиях К.Б. Клоков подчеркивает, что традиция по своей сути — это то, что передается от поколения к поколению, от человека к человеку при непосредственном их контакте, то есть это то, чему нельзя нау-

¹²⁰ Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М., 1989. С. 11.

читься по учебникам или чему нельзя научиться, окончив какие-нибудь специальные, скажем, курсы или институт. В этом надо участвовать¹²¹.

А.Н. Ямсков считает, что к «традиционному хозяйству» следует отнести ведение современным населением любой отрасли хозяйства, при которых ими сохраняется преемственность форм хозяйствования от своих непосредственных предков (время до начала коллективизации в СССР) в каждом из следующих аспектов хозяйства: типы используемых природных ресурсов; типы трудовой деятельности; используемая территория или акватория; типы получаемой первичной продукции. Такое определение с одной стороны, исключает все второстепенные аспекты, не относящиеся непосредственно к содержанию понятия (наличие и распространенность технологических инноваций, например, внедрение снегоходов, моторных лодок, сетеподъемников и т.п.), с другой — не акцентирует цели хозяйственной деятельности (не оценивается уровень товарности и доходности производства, близость к натуральному хозяйству). Важное значение данной интерпретации определяется тем, что в предложенном виде она исключает возможность законодательного установления и закрепления барьеров на пути технической модернизации традиционных отраслей хозяйства, увеличения их товарности и доходности, соответственно, и роста уровня жизни практикующих их групп коренного населения.

В современных условиях функционирование традиционных хозяйств неотделимо от понятия «традиционное природопользование». В современном российском законодательстве толкование этого понятия подразумевает «исторически сложившиеся и обеспечивающие неистощительное природопользование способы использования объектов животного и растительного мира, других природных ресурсов коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока»¹²².

¹²¹ Клоков К.Б. Для освоения Арктики нужен компромисс с интересами коренных народов. URL: [/http://www.rian.ru/arctic_analytics/20100719/256230505.html](http://www.rian.ru/arctic_analytics/20100719/256230505.html) (дата обращения: 15.10.2018); Ямсков А.Н. Традиционное природопользование: проблемы определения и правового регулирования // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000. С. 172-185.

¹²² Ст.1. ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» №49-ФЗ от 7 мая 2001 г. // Система «ГАРАНТ». URL: <http://base.garant.ru/12122856/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 15.10.2018).

В данной работе «традиционное природопользование» понимается как процесс взаимодействия со всеми сторонами культуры и образа жизни народов Севера, включая исторически сложившиеся способы использования природных ресурсов и формы хозяйственной деятельности коренных народов Севера¹²³. Территория традиционного природопользования представляет собой ареал, в пределах которого ведется (планируется ведение) традиционное хозяйство; круг возможных пользователей составляют лица, ведущие (желающие вести) традиционное хозяйство и являющиеся прямыми потомками тех, кто использовал те же самые территории до коллективизации. Последнее, согласно А.Н. Ямскову, не стоит понимать буквально — из-за многократных и часто принудительных переселений и выселений сельских жителей в советский период преемственность в использовании территории на Севере уместнее оценивать в масштабах сельских районов или даже нескольких соседних районов.

В российском политическом и научном дискурсе под «народами Севера» подразумеваются все коренные народы арктических и северных (субарктических) районов страны, проживающие в сельской местности, ведущие традиционный хозяйственный уклад жизни¹²⁴ и/или в рамках современной экономической системы, занятые в традиционных отраслях сельского хозяйства и промыслов.

Проекция этого определения на современное народонаселение Республики Саха (Якутия) показывает следующую картину. По данным ВПН-2010, численность сельских жителей Якутии составляет 343983 чел. (35,9% в общем составе населения); доля сельского населения РС(Я) выше, чем в целом по России (26,3%) и ДВФО (25,2%). Большинство жителей сельских поселений составляют коренные народы: 69,9% саха, 86,3% эвенков, 85,6% эвенов, 95,3% долган, 83,5% юкагиров и 91,2% чукчей¹²⁵. В период после проведения последней переписи численность сельских жителей республики последовательно снижалась:

¹²³ Мурашко О.А. Коренные народы Арктики и «народы Севера»: история, традиции, современные проблемы // Арктика: экология и экономика. 2001. №3. С. 90-105.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Итоги ВПН-2010 //Официальный сайт ТО ФСГС по РС(Я). URL: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default (дата обращения: 15.10.2018).

в 2012 г. — 338,8 тыс. чел. (35,9%), 2015 г. — 332,2 тыс. чел. (34,7%), 2016 г. — 331,9 тыс. чел. (34,6%). Однако, на 1 января 2017 г. их численность немного увеличилась и составила 332308 чел. (34,5%)¹²⁶.

В традиционных отраслях экономики Якутии, которые почти столетие развиваются в рамках государственной аграрной политики России, преимущественно заняты представители коренных народов. Сегодня сфера сельского хозяйства, наряду с образованием, здравоохранением и предоставлением социальных услуг, обеспечивает рабочими местами 50% занятого сельского населения республики.

Вместе с тем, данные статистики фиксируют неуклонное снижение численности работников: если в 2012 г. в сельском хозяйстве, охоте, лесном хозяйстве были заняты 9,7 тыс. чел. (2,7%), в т.ч. в сельском хозяйстве, охоте и предоставлении услуг в этих областях — 8,3 тыс. чел. (2,3%), рыболовстве и рыбоводстве — 0,8 тыс. чел. (0,2%)¹²⁷, то на январь 2017 г. в сельском и лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве трудились 7,2 тыс. чел. (2,2%), в т.ч. в сельском хозяйстве, лесоводстве и лесозаготовках, охоте и предоставлении услуг в этих сферах — 6,8 тыс. чел. (2,1%), рыболовстве и рыбоводстве — 472 чел. (0,1%)¹²⁸.

Сведения о среднемесячной заработной плате по видам экономической деятельности показывают, что в 2012 г. средняя зарплата в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве составляла 13823,8 руб., рыболовстве и рыбоводстве — 13374,6 руб. (по республике — 39915,6 руб.), соответственно, в 2016 г. — 24282,4 руб. и 16468,0 руб. (59000,2 руб.)¹²⁹, в первом полугодии 2017 г. — 24155,9 руб. и 17731,0 руб. (59296,2 руб.). Таким образом, зарплата работников аграрной сферы Якутии в 2,5–3,3 раза ниже относительно среднереспубликанского размера заработной платы.

¹²⁶ Санникова Я.М. Традиционное хозяйство коренного населения Якутии в динамике показателей аграрного развития региона //Norwegian Journal of development of the International Science. 2017. №9. Vol. 2. Pp. 55-60.

¹²⁷ Сельское хозяйство в Республике Саха (Якутия) за 2010-2015 гг. Стат. сб. №17/492. Якутск, 2016. С. 17-18.

¹²⁸ Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство// Официальный сайт ТО ФСГС по РС(Я). URL: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/statistics/enterprises/agriculture/ (дата обращения: 20.10.2018).

¹²⁹ Там же.

Несмотря на текущую неутешительную статистику, в рамках современной экономической системы страны сельскохозяйственный потенциал Якутии имеет важное значение в аграрном производстве не только республики, но также регионов Дальнего Востока и России в целом.

Так, согласно Всероссийской сельскохозяйственной переписи (2016), сельскохозяйственные организации Якутии составляют 50,6% всех хозяйств ДВФО (2,4% — РФ); крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели в сельском хозяйстве — 50,2% по ДВФО (2,2% — РФ); личные подсобные хозяйства — 14,1% по ДВФО (0,5% — РФ).

Среди основных категорий хозяйств преобладают личные подсобные хозяйства населения Якутии — 94,9% (ДВФО — 98,5%, РФ — 98,8%); далее — крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели в сельском хозяйстве — 4,2% (ДВФО — 1,2%, РФ — 1%); сельскохозяйственные организации (включая родовые общины) — 0,9% (ДВФО — 0,3%, РФ — 0,2%).

Таблица 5.1

Число хозяйств и земельные ресурсы по основным категориям хозяйств

	РФ	ДВФО	РС(Я)
Сельскохозяйственные организации			
Число хозяйств	36075	1723	872
Общая площадь земли, тыс. га	291587,8	120205,0	62973,2
В среднем на одно хозяйство, га	8082,8	69764,9	72217,0
Крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели			
Число хозяйств	174773	7672	3849
Общая площадь земли, тыс. га	43312,2	2048,2	437,0
В среднем на одно хозяйство, га	247,8	267,0	113,5
Личные подсобные хозяйства населения			
Число хозяйств	17531139	620195	87335
Общая площадь земли, тыс. га	12017,3	337,4	206,4
В среднем на одно хозяйство, га	0,7	0,5	2,4
Всего в основных категориях хозяйств	17741987	629590	92056

Средний размер земельной площади одного хозяйства из второй категории хозяйств Якутии в 2,4 раза ниже аналогичного по ДВФО. Относительно высокий показатель земельной площади, приходящейся на личные подсобные хозяйства (далее — ЛПХ), связан со спецификой ведения традиционного хозяйства Яку-

тии, степенью производительности земельных ресурсов, используемых главным образом в интересах скотоводства и коневодства — традиционных занятий народа саха. Так, в структуре сельскохозяйственных земель преобладают сенокосные и пастбищные земли — 83,2% (табл. 5.2), которые в основном принадлежат малым формам хозяйствования: ЛПХ — 40,1%, малым предприятиям — 23,5%, крестьянским хозяйствам и индивидуальным предпринимателям — 20,1% (см. прил. 5).

Таблица 5.2

Площадь и структура сельскохозяйственных земель в хозяйствах всех категорий по данным ВСХП-2016 (тыс. гектаров, в %х)

	Общая площадь земли	Из нее с/х угодий	В том числе (в процентах)				
			Пашня	Сенокосы	Пастбища	Многолетние насаждения	Залежь
РФ	349151,1	142206,8	66,5	7,2	18,7	0,5	7,1
ДВФО	122673,9	3573,3	62,0	18,8	5,9	0,3	13,0
РС(Я)	63632,4	509,3	15,2	71,7	11,5	0,0	1,5

Современное комплексное северное хозяйство Республики Саха занимает относительно высокие позиции в Дальневосточном федеральном округе по численности поголовья в животноводстве. На 1 января 2018 г. поголовье составило: крупного рогатого скота (далее — КРС) — 188,1 тыс. голов, лошадей — 184,2 тыс. голов, оленей — 154, 6 тыс. голов. За рассматриваемые годы произошел существенный спад численности скота — на 46,1 тыс. голов (на 19,7%), оленей - на 38,9 тыс. голов, или 20,0% (табл. 5.3), что связано с разными факторами, в т.ч. с неблагоприятными последствиями меняющегося климата. Вместе с тем, Якутия сохранила свое лидерство в продуктивном коневодстве. Поголовье в табунном коневодстве увеличилось на 5,8 тыс. голов (на 3,3%). В настоящее время здесь сосредоточено 93% поголовья лошадей Дальневосточного региона, среди которых преобладают лошади мясного направления. Основная часть оленьего поголовья содержится в муниципальных и государственных предприятиях, родовых общинах коренных малочисленных народов Севера (далее — КМНС), которые как хозяйствующие субъекты учитываются вместе в категории сельскохозяйственных организаций. Крупный рогатый скот преимущественно разводят в личных подсобных хозяйствах; табунное коневодство представлено относительно равномерно во всех категориях хозяйств республики (см. прил. 6).

Таблица 5.3

**Динамика численности поголовья в хозяйствах всех категорий
(на начало года, тыс. голов)¹³⁰**

Годы	Крупный рогатый скот	В том числе коровы	Лошади	Олени
2012	233,3	87,2	170,8	194,9
2013	215,1	86,5	169,7	191,1
2014	199,2	79,9	167,6	177,1
2015	190,9	77,2	171,5	165,3
2016	187,2	75,3	176,6	156,0

По данным ВСХП-2016, среди работников сельскохозяйственных организаций (кроме подсобных хозяйств несельскохозяйственных предприятий) Якутии непосредственно заняты в производстве 88% (РФ и ДВФО — 88,9%), основной костяк которых составляют мужчины 30-59 лет — 51,4% и женщины 30-54 лет — 22% (см. прил.7).

В крестьянских (фермерских) хозяйствах и ИП в сельском хозяйстве заняты в производстве — 94,8% работников (РФ — 97,1%, ДВФО — 96,7%). Здесь трудятся их главы, члены хозяйств и члены их семей в качестве добровольных помощников: в Якутии — 80,3%, России — 55,06%, ДВФО — 60,8. Среди глав крестьянских хозяйств и индивидуальных предпринимателей преобладают мужчины — 69,4% (29-49 лет — 36,6%, 50 лет и более — 32,8%); женщины — 20,9% (29-49 лет — 10,1%, 50 лет и более — 10,8%); среди лиц до 29 лет: мужчин — 8,1%, женщин — 1,6%.

Лидирующие позиции в производстве мяса и молока занимают ЛПХ населения Якутии. В 2012-2016 гг. производство основных продуктов животноводства в среднем составляло во всех категориях хозяйства: мяса — 37,1 тыс. т, молока — 169,1 тыс. т (см. прил.8). При этом, в среднем 44,6% ежегодного производства мяса приходилось на ЛПХ, 28,1% — сельхозпредприятия (с родовыми общинами), 27,2% — крестьянские хозяйства и ИП в сельском хозяйстве; в среднем 48,9% ежегодного производства молока числится за ЛПХ, 29,5% — крестьянскими хозяйствами и ИП в сельском хозяйстве, 21,6% — сельхозпредприятиями (см. прил. 9).

¹³⁰ Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство // Официальный сайт ТО ФСГС по РС(Я). URL: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/statistics/enterprises/agriculture/ (дата обращения: 20.10.2018).

Данные ВСХП-2016 свидетельствуют о том, что традиционные хозяйства коренных народов республики занимают важное место в аграрной системе не только Якутии, но и России в целом. Кроме того, они имеют не только экономическое, но и большое социальное значение, так как составляют основу приоритетного направления государственной политики Республики Саха по «сохранению привычного уклада жизни и хозяйства сельских тружеников, и одновременно, повышению уровня их жизни»¹³¹.

В указанном аспекте важным представляется понимание предмета социологии хозяйственной жизни, который предполагает анализ не только экономических явлений и процессов, функциональных и ролевых аспектов экономического действия, но также и всего широкого круга проблем, связанных с социальными, социально-психологическими, культурными, религиозными, нравственными процессами, составляющими контекст хозяйственной деятельности, ее «жизненный мир»¹³².

В этой связи для нашей работы большое значение имеет методология двойной рефлексивности, применяемая в исследованиях по рефлексивному крестьяноведению¹³³. Так, в русле рефлексивной социологии, хозяйственная культура, представляющая собой систему ценностей, смыслов, символов, знаний, традиций, обеспечивающих мотивацию и регуляцию хозяйственной деятельности, определяющих форму ее осуществления, а вместе с тем и восприятие ее обществом, определяется характером и динамикой материального производства и в то же время сама определяет его. Удачным примером локального исследования является монография В.В. Мархинина и И.В. Удаловой, посвященная изучению состояния и тенденций развития хозяйственно-экономической деятельности и образа жизни коренных народов Обского Севера, влияния промышленного освоения на их традиционное хозяйство с позиций культурно-антропологического подхода, с акцентом на этническое самосознание и этнокультурные традиции¹³⁴. Методологическую ценность имеют

¹³¹ Отчет исполнительных органов государственной власти Республики Саха (Якутия) об итогах деятельности за 2013 год. Якутск, 2014.

¹³² Зарубина Н.Н. Социология хозяйственной жизни: проблемный анализ в глобальной перспективе. М., 2006. 392 с.

¹³³ Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований крестьянской России. М., 2002. 592 с.

¹³⁴ Мархинин В.В., Удалова И.В. Этнос в ситуации выбора будущего. По мат-лам социологического исследования образа жизни хантов, ненцев,

результаты исследований роли и места аграрной системы и крестьянского мира в жизни сельского сообщества в конце XX — начале XXI вв., которые расширяют знания о традиционном хозяйственном образе жизни коренного населения российских регионов, а также о различных методических возможностях и приемах его изучения¹³⁵.

Классическое понимание социальной мобильности как изменения индивидом/группой места, занимаемого в социальной позиции, достаточно специфично применительно к субъектам сельскохозяйственного производства, ибо преобладающая горизонтальная мобильность работников — перемещение в пределах одного и того же социального слоя, по сути демонстрирует процесс их адаптации к меняющимся условиям функционирования традиционных хозяйств, в т.ч. различные, порой противоречивые, формы их социальной мобильности. Вместе с тем, традиционный аграрный мир посредством изменения позиций хозяйствующих субъектов в социальном пространстве пытается как-то сохранить исконный хозяйственный уклад жизни коренных народов.

Таким образом, анализ функционирования и адаптации традиционных хозяйств невозможно без учета таких основополагающих понятий, как образ жизни (в нашем случае, хозяйственной) и стратегия адаптации. В литературе широко представлены такие понятия, как «история жизни», «картина жизни», «жизненный план», «жизненный путь», «стратегия жизни», связанные непосредственно с образом жизни. По мнению В.Я. Ядова, социально-психологический анализ образа жизни призван выявить механизмы саморегуляции субъекта, связанные с его отношением к условиям жизни и деятельности, с его потребностями

манси Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа. Новосибирск, 1993. 206 с.

¹³⁵ Калугина З.И., Фадеева О.П. Российская деревня в лабиринте реформ. Социологические зарисовки. Новосибирск, 2009. 340 с.; Никитина Г.А. Сельское сообщество Удмуртии в условиях реформ рубежа XX-XXI веков. Ижевск, 2015. 320 с.; Виноградский В.Г. Крестьянский мир в дискурсе поколенческой печали // Социологические исследования. 2015. №12. С. 82-90; Денисенко И.Б., Николаева У.Г. Что происходит с сельским населением на Ближнем Севере России (на материале Костромской области) // Социологические исследования. 2015. №12. С. 70-81; Евдокимова Т.Г. Ценности и ценностные ориентации сельского населения России // Социологические исследования. 2015. №12. С. 91-98.; Вербицкая О.М. Сельская семья на этапе социально-экономических трансформаций 1985-2002 гг. М., 2017. 408 с.

и жизненными ориентациями, а также отношением к социальным нормам¹³⁶.

В общепринятом значении адаптация как процесс приспособления к изменяющейся среде предполагает наличие и комбинацию различных приемов и способов; стратегия определяется как направляющий, организующий способ ведения действий, поведения, рассчитанный на достижение не случайных, сиюминутных, а значимых, долгосрочных целей; стратегия адаптации — как способ гармонизации индивида/группы со средой, способ приведения в соответствие его потребностей, интересов, установок, ценностных ориентаций и требований окружения, рассматриваемый в контексте жизненных целей и жизненного пути человека.

В этой связи стратегия адаптации традиционного хозяйства предполагает выявление и анализ значимых, определяющих направлений его развития. Понятия факторы и критерии используются по отношению к определенным стратегиям адаптации — как условия, причины, параметры, показатели, оказывающие влияние на данный процесс, а также на его результаты, на основе которых формируется оценка адаптационного процесса.

Отметим, что достаточно полемичной является понятие современной аграрной системы, которая формируется и развивается в широкой общественной среде, с которой она связана множественностью производственных, экономических, социальных, социально-культурных и других общественных связей. Благодаря этим связям аграрная система, с одной стороны, реализует свой потенциал и свои производственно-хозяйственные и социальные функции по обеспечению всего общества необходимыми продуктами и услугами. С другой — создается совокупность производственно-технических, социально-экономических и других внешних условий и предпосылок, требующихся для воспроизводства и жизнедеятельности самой сельской системы и обеспечения жизнедеятельности связанных с ней людей¹³⁷.

Для выявления адаптационных стратегий традиционного хозяйства в современной аграрной системе основой являются фак-

¹³⁶ Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 2001. 596 с.

¹³⁷ Гусманов И.У. Аграрная система в структуре общества // Никоновские чтения. 2007. №12. С. 94-96; Традиционное хозяйство в системе культуры этноса // Материалы Девярых Санкт-Петербургских чтений. СПб., 2010. С. 188-192.

торы — условия: понимание традиционного хозяйственного образа жизни и составляющие стратегий адаптации.

Возможности анализа существенно расширяются при выделении трех уровней понимания традиционного хозяйственного образа жизни коренных народов региона (условно обозначаемого как «пирамидальное»):

1) первый уровень (основание пирамиды) — охватывает широкое понимание, приложимое ко всему сельскому населению, для которого в целом основа хозяйственного обеспечения их повседневной жизнедеятельности является исконно сложившейся и базируется на продукции традиционных отраслей и промыслов;

2) второй уровень (середина пирамиды) — учитывает его двойственную природу в современном мире: как хозяйствующего субъекта в аграрной системе государства и социокультурного феномена коренных сообществ Севера и Арктики;

3) третий уровень (вершина пирамиды) — подразумевает индивидуальное ведение традиционных хозяйственных занятий представителями сельского населения в качестве хозяйствующих единиц аграрной экономики и личных подсобных хозяйств.

Генезис адаптационных стратегий традиционных хозяйств коренных народов в современной аграрной системе происходит в пространстве постоянного пересечения и взаимодействия экономических институтов, культурных традиций и социальных представлений/оценок, регулирующих в той или иной мере общественное поведение.

Соответственно, исходя из них, можно обозначить следующие постоянно взаимодействующие составляющие стратегий адаптации:

1) духовная, или этнически-историческая: в целом исторически сложившийся традиционный хозяйственный образ жизни коренных народов региона; преемственность традиционных хозяйственных занятий в поколениях семей респондентов — представителей хозяйств;

2) реализуемая, или общественно-государственная: социально-хозяйственная деятельность сельских тружеников, которые разделены в экономической системе государства на категории хозяйств: родовые общины, сельскохозяйственные предприятия (в основном государственные или муниципальные предприятия), крестьянские (фермерские) хозяйства и личные подсобные

хозяйства; также специализация хозяйства на основе природно-хозяйственного районирования изучаемого региона;

3) субъективная, или личностно-оценочная: оценка хозяйства и аграрной политики самим респондентом, значение традиционного хозяйства для его (и всей его семьи) жизненного пути.

Если уровни пирамидального понимания традиционного хозяйственного образа жизни условно свести с одним наиболее для данного уровня преобладающим составляющим адаптационных стратегий традиционного хозяйства коренного населения, то эти факторы - условия можно соотнести в следующем виде:

1. Сельский образ жизни коренного населения — духовная, или этнически-историческая составляющая адаптации;

2. Специфика явления традиционного хозяйства в современных условиях — реализуемая, или общественно-государственная составляющая адаптации;

3. Характер ведения традиционных хозяйственных занятий представителями коренного населения — субъективная, или личностно-оценочная составляющая адаптации.

На основе вышеизложенного подхода можно говорить о представлении критериев адаптационных стратегий традиционного хозяйства, для которых основными индикаторами служат такие показатели, которые приложимы для оценки состояния традиционного хозяйства независимо от их официальной типологии: 1) для природного критерия — общее число хозяйств и доступность земельных и природных ресурсов; 2) для экономического критерия — измерение развития хозяйств на основе базовых показателей их экономической деятельности (форма хозяйствования и первичная учредительная документация; состав (членство); основные виды деятельности и их отраслевые направления; объемы производства продукции; наличие государственной поддержки); 3) для личностно-оценочного критерия — оценка представителей хозяйств собственной хозяйственной деятельности и отношение к традиционному укладу жизни.

В условиях Республики Саха (Якутия), площадь которой занимает 3103,2 тыс. кв. км, большое значение имеют географическое положение и особенности климата, которые определяют природно-хозяйственное районирование ее территории, а также специализацию традиционных хозяйств коренных народов.

Таблица 5.4

**Сельское население северных
и арктических улусов (районов) Якутии, чел.**

Улусы/районы	по данным ВПН-2010
Северо-западно-прибрежная группа (оленоводческо-промысловая)	
Аллаиховский	683
Анабарский	3501
Булунский	3991
Нижнеколымский	1807
Оленекский	4127
Усть-Янский	3703
Жиганский	4296
Итого по группе	22108
Северо-восточная группа	
Верхоянский	6896
Момский	4452
Оймяконский	3137
Томпонский	5767
Эвено-Бытантайский	2867
Итого по группе	23119
Индигино-колымская группа	
Абыйский	2180
Верхнеколымский	1553
Среднеколымский	4372
Итого по группе	8105
По 15 улусам (районам)	53332
По Республике Саха (Якутия)	343983

По данным ВПН-2010, сельское население, основой экономического развития которого являются традиционные отрасли сельского хозяйства и промыслы, в 15-ти улусах (районах) Севера Якутии составляет 53332 чел., или 54,3% в общем составе их народонаселения (в РС(Я) — 15,5%). На основе принятого эколого-экономического районирования и сельскохозяйственного зонирования территории Якутии¹³⁸ эти улусы можно разделить на три группы (табл. 5.4).

¹³⁸ Санникова Я.М. Динамика развития традиционного хозяйства Севера Якутии в контексте аграрной политики 1990-х гг. // Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия). Сб. научных статей. Вып.1. Якутск, 2015. С. 104-127.

Предваряя анализ полевых исследований следует отметить, что жизнь населения поселков городского типа и городов районного значения на Севере Якутии мало чем отличается от образа жизни сельских жителей, так как значимость традиционных занятий и особенно их продукции также высока в их повседневности.

С целью комплексного изучения традиционного северного хозяйства применены методы качественного социологического исследования, изложенные в трудах В.А. Ядова, С.С. Семеновой, И. Штейнберг, Т. Шанина, Е. Ковалева, А. Левинсон, В.И. Ильина, Ан. Страусса, Дж. Корбин.¹³⁹ Эмпирическую базу исследования составляют материалы полевых работ, прежде всего, данные глубинных интервью с членами домохозяйств Оленекского национального эвенкийского улуса (северо-западно-прибрежная группа) и Среднеколымского улуса (индигиро-колымская группа). В одном сельском населенном пункте, в зависимости от общего числа хозяйств, опрашивались представители не менее 10 хозяйств различной категории, с учетом стажа хозяйственной деятельности и позиций в структуре хозяйства (руководители высшего и среднего звена, рядовые работники, главы родовой общины или крестьянского хозяйства, владельцы подсобного хозяйства).

Структура интервью предусматривала следующий круг вопросов:

1) социально-демографическая характеристика респондента и история его семьи в контексте занятий традиционными видами хозяйствования;

2) социально-экономическая характеристика хозяйства (специализация, специфика, ресурсы, кормовая база, экономическое состояние, техническая оснащенность, кадры);

3) субъективная оценка респондента (круг проблем в развитии хозяйства, состояние социальной защищенности; вопросы сочетания рационального и производственного природопользования; значимость хозяйства для его жизненного пути и семьи;

¹³⁹ Семенова С.С. Качественные методы в социологии / Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 2001. С. 387-449; Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб., 2009. 352 с.; Ильин В.И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб: Интерсоция, 2006. 256 с.; Страусс Ан., Корбин Дж. Основы качественного исследования. Обоснованная теория. Процедуры и техники. М., 2007. 256 с.

отношение к аграрной политике государства, предложения для корректировки проводимой политики).

Кроме того, использованы материалы «Отчета по оценке воздействия на этнологическую среду мест проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера» (ОВЭС-2015, ОВЭС-2016 гг.).

Апробация указанных выше индикаторов для обоснования критериев адаптационных стратегий традиционного хозяйства в современной аграрной системе выстроена на самых элементарных позициях, учитывающих существующие земельно-природные условия развития хозяйства, основные экономические показатели функционирования различных категорий хозяйства и самое главное, личностно-оценочное восприятие каждодневного труда самим тружеником. В настоящей работе приведены примеры авторской исследовательской технологии, использованной для описания районной и наследной традиционной хозяйственной деятельности коренного населения с целью показать логику предлагаемого комплексного подхода к пониманию внутреннего движения традиционного хозяйства в поиске возможностей адаптации для сохранения исконно сложившегося образа жизни коренных народов сурового северного края.

Оленекский национальный эвенкийский улус. Крупнейший по площади (318,1 тыс. кв. км) административно-территориальный район Республики Саха (Якутия). По данным на 1 января 2015 г. численность населения составляет 3967 чел. Автором проведены интервью в 19 хозяйствах.

Число хозяйств, доступность земельных и природных ресурсов. Традиционную хозяйственную деятельность в районе ведут 46 хозяйств: это — охотничий и рыболовный промыслы, оленеводство, скотоводство и табунное коневодство. Общая площадь земель — 31805626,58 га, в том числе земель лесного фонда — 29308018,59 га (92,15%). Земли сельскохозяйственного назначения составляют всего 1095298,8 га (3,44%). Из них сельскохозяйственных угодий (пастбища, сенокосы), используемых для получения сельхозпродукции — 2876,57 га (0,26%). Земли несельскохозяйственных угодий представлены земельными участками с тундровой растительностью, не вошедшими в другие угодья.

В условиях интенсивного промышленного освоения территории Оленекского района земли лесного фонда и отведенные для традиционного природопользования земли (охотничий промы-

сел, домашнее оленеводство), испытывают постоянный натиск недропользователей¹⁴⁰.

Измерение развития хозяйств на основе базовых показателей их экономической деятельности. Форма хозяйствования и первичная учредительная документация. Среди функционирующих 46 хозяйств района — 30 родовых общин, три муниципальных унитарных предприятия (далее — МУП), три общества с ограниченной ответственностью, семь индивидуальных предпринимателей, один сельскохозяйственный потребительский перерабатывающий кооператив (далее — СХППК), два частных хозяйства (зарегистрированы в районном управлении сельского хозяйства). Нужно подчеркнуть, что кроме этих 46 хозяйств, все коренное население района ведет традиционный образ жизни, хозяйственной основой которого является главным образом охотничий промысел на диких северных оленей.

Состав (членство) в хозяйствах. В соответствии с паспортом Оленекского района на 1 января 2015 г. численность населения в трудоспособном возрасте составляет 2427 чел. (61,2%), старше трудоспособного — 452 чел. В сфере сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства заняты 232 чел.; в сфере сельского хозяйства, охоты и предоставления услуг в этих отраслях — 334 чел., в лесном хозяйстве и предоставлении услуг в этой области — шесть человек¹⁴¹.

Из 46 хозяйств района охотничьим промыслом, как производственным видом хозяйственной деятельности, занимаются 40 хозяйств; охотпользователем является и оленекский филиал финансово-агропромышленного концерна «Сахабулт». Охота разрешена на особо охраняемых природных территориях (далее — ООПТ), для населения района отведены и общедоступные охотничьи угодья. Они осуществляют свою деятельность на основе долгосрочных лицензий на пользование объектами животного мира на закрепленных территориях. Преобладающая часть хозяйств-землепользователей владеет именно охотничьими угодьями.

Основные виды деятельности и их отраслевые направления. Охотничий промысел. По данным отчета ОВЭС-2016, самым

¹⁴⁰ Отчет ОВЭС-2015; Санникова Я.М. К изучению критериев адаптации традиционного северного хозяйства в современной аграрной системе: оленекский опыт (на примере полевых исследований в Якутии) // Интерактивная наука. 2018. №12 (34). С. 11-18.

¹⁴¹ Паспорт социально-экономического развития Оленекского эвенкийского национального района на 2015 г.; Санникова Я.М. Указ. соч.

важным для жителей обследованных наслегов Оленекского района является охотничий промысел.

Таблица 5.5

Распределение ответов на вопрос: «Что для Вашей семьи означает охотничий промысел? (в %, частота выбора ответа)»

Наслеги	Полное обеспечение мясом	Доп. источник мяса	Образ жизни	Обмен на другую продукцию	Постоянный источник дохода	Доп. источник дохода	Форма самозанятости	Особо не имеет значения	Количество охотничьих стоянок
Шологонский	76	19	31	50	13	12	7	8	19 местностей
Кирбейский	76	30	44	17	6	10	6	1	33 местности
Оленекский	74	37	38	16	6	6	6	3	Более 60 местностей
В среднем по 3 наслегам	75,3	33	37,7	27,7	8,3	9,3	4	4	-

Согласно данным опроса, для 3/4 жителей северных сел охотничий промысел является источником обеспечения мясом своей семьи, практически для 1/3 — дополнительным источником мясного питания (табл. 5.5). Также для 37,7% респондентов охота является неотъемлемой частью исконно сложившегося образа жизни. Продукция охотничьего промысла становится обменной единицей для 27,7% опрошенных лиц. Таким образом, охотничий промысел воспринимается, главным образом, в рамках системы жизнеобеспечения коренных народов Севера.

На таком фоне особняком выглядят респонденты Шологонского наслега, для которых важна, прежде всего, возможность обмена добычи на другую продукцию или ГСМ (50%). По всей видимости, это объясняется транспортной труднодоступностью и изолированностью с. Эйик, на что косвенно также указывает несколько больший выбор охотничьего промысла как источника постоянного (13%) и дополнительного (12%) мясного питания (по массиву — 8,3% и 9,3%), а также как формы самозанятости. Респонденты, для которых охота не представляет особого значения, вероятнее всего относятся к той категории сельского населения, которая в силу разных обстоятельств (пожилые люди, инвалиды, семьи без мужчин и др.) не охотится и предпочитает покупать мясо у односельчан, либо их обеспечивают родствен-

ники. Отметим, что респонденты достаточно хорошо осведомлены о расположении местностей, где находятся охотничьи домики и стоянки.

Таблица 5.6

Добыча дикого северного оленя за охотничьи сезоны 2014-2016 гг.¹⁴²

Сезоны на всех охотничьих угодьях района	Квота добычи особей	Добыто особей
2013- 2014	6135	4184
2014 – 2015	6762	5134
2015- 2016	6489	-

Объемы планируемой добычи дикого северного оленя являются стабильными, что подтверждают квоты, предназначенные для местного населения — представителей КМНС и других этносов Севера. В 2014 г. из выделенной квоты было добыто 68,2% особей дикого северного оленя, в т.ч. 64,6% особей — 23 хозяйствами района, соответственно, в 2015 г. — 81,6% особей, в т.ч. 70,2% особей — 27 хозяйствами. Значительная часть добычи приходится на некрупные хозяйства (родовые общины, индивидуальные предприниматели, сельхозкооперативы, общества с ограниченной ответственностью), которые являются объединениями КМНС — эвенков. Охотничий промысел является для них практически единственным источником обеспечения мясом для потребления семьи, а в случае сдачи в заготовительные организации — источником экономической деятельности.

Таблица 5.7

Промысел соболя за охотничьи сезоны 2014-2016 гг.¹⁴³

Сезоны на всех охотничьих угодьях района	Квота добычи особей	Добыто особей
2013 – 2014	354	136
2014 – 2015	1085	472
2015 – 2016	1374	-

Вторым важным направлением охотничьего промысла является добыча соболя. Промысел ценного пушного зверя является

¹⁴² Составлено по: Выписка из документированной информации государственного охотхозяйственного реестра о добыче по видам животных, отнесенных к охотничьим ресурсам, по Оленекскому району за 2013-2015 гг. (период с 1 августа по 31 июля); Квоты добычи копытных животных, бурого медведя, соболя и рыси на территории РС(Я) в сезон охоты 2015/2016 годов (период с 1 августа 2015 г. до 1 августа 2016 г.); Приложение №2 Распоряжения Главы РС(Я) №695-РГ от 29 июля 2015 г.

¹⁴³ Там же.

для местного населения, представителей КМНС, видом исконного занятия. В 2014 г. было добыто 38,4% особей от утвержденной квоты, в т.ч. 16,2% особей добыты на угодьях общедоступного пользования (далее — УОП), 58,8% — на угодьях хозяйств, 25% — на угодьях оленекского филиала ФАПК «Сахабулт». В 2015 г. добыча соболя составила 43,5% особей от квоты, в т.ч. 32,6% особей добыты на УОП, 39,8% — на угодьях хозяйств, 21,2% — на угодьях оленекского филиала ФАПК «Сахабулт», 6,3% — на угодьях особо охраняемых природных территорий (далее — ООПТ). Добыча соболя является преимущественно занятием охотников отдельных хозяйств и ФАПК «Сахабулт». Также в районе добываются такие виды диких животных, как лось, горностай, водоплавающая дичь.

Домашнее оленеводство. Динамика численности домашних оленей Оленекского района за 2014-2016 гг. показывает ежегодный спад количества как всего поголовья, так и его отдельных групп (табл. 5.8). Отметим, некоторое замедление темпов снижения: если в 2015 г. — 82,6% к 2014 г., то в 2016 г. — 92,7% к 2015 г., то есть на 10% меньше. Нужно сказать, что определенное количество поголовья направляется для сдачи мясной продукции от домашнего оленеводства. Всего хозяйствами района было сдано мяса домашних оленей: в 2013 г. — 16245 кг у/в, 2014 г. — 6300 кг у/в, 2015 г. — 11745 кг у/в.

В производственном плане оленеводством занимаются крупные сельскохозяйственные предприятия: «Оленекский» (Кирбейский национальный наслег) и «Жилиндинский» (Жилиндинский национальный наслег). Общая картина развития домашнего оленеводства в районе показывает, что МУП «Оленекский» содержит наибольшее поголовье домашних оленей — 76,8%, МУП «Жилиндинский» — 23,2%¹⁴⁴. При этом следует подчеркнуть, что МУП «Оленекский» является одним из девяти племенных оленеводческих хозяйств Республики Саха (Якутия).

Движение численности оленей за 2014 г. показывает причины снижения поголовья оленеводческих хозяйств. Так, приход определился за счет купли и других поступлений 609 голов оленей («Жилиндинский» — 224, «Оленекский» — 385), за счет рождения тугутов — 1507 голов («Жилиндинский» — 394, «Оленекский» — 1113). По району получено приплода на 100 маток

¹⁴⁴ Итоги учета скота, птицы, оленей и зверей по РС(Я) на 1 января 2015 г. Стат. сб. №3/266 дсп. Якутск, 2015.С. 159,163; Санникова Я.М. Указ.соч.

в 2014 г. — 65 голов, деловой выход тугутов на 100 маток составил в 2014 г. — 48 голов¹⁴⁵.

Таблица 5.8

Численность домашних оленей Оленекского эвенкийского национального района (на 1 января, голов)¹⁴⁶

п/п	Группа оленей	2014	2015	2016
1	Важенки	1930	1518	1436
2	Сырицы	400	447	419
3	Хоры	262	201	198
4	Буры	907	792	758
5	Третьяки	298	226	229
6	Аблаканы	424	389	351
7	Тугуты, в т.ч.	1242	941	796
	Самки	539	434	332
	Самцы	703	507	464
	Итого	5463	4514	4187

Таблица 5.9

Расход поголовья домашних оленей за 2014 г.¹⁴⁷

Название МУПа	Расход						
	Из них пало молодняка текущего года	Погибло всех возрастов	В том числе			Реализовано на убой	
			Пало	Затравлено	Потеряно	голов	живой вес, центнер
Жилиндинский	-	438	5	433	-	12	44
Оленекский	396	2137	559	429	1184	128	126
Оленекский район, всего	396	2575	564	862	1184	140	170

Расход сложился из следующих показателей (табл. 5.9). В 2014 г. погибло по району 2575 голов оленей всех возрастов, процент падежа к обороту стада составил 34%. Падеж оленей (в основном

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Составлено по: Отчет руководителя МКУ «Оленекское УСХ» о наличии домашних оленей по хозяйствам «Оленекского эвенкийского национального района» на 1 января 2015 г.; Оборот движения оленей. Свод по Оленекскому району за 5 месяцев 2016 г. по материалам Управления сельского хозяйства (далее — УСХ).

¹⁴⁷ Там же.

в результате болезни, в силу неблагоприятных климатических условий) составил 21% (из них 70,2% молодняка текущего года), затравлено хищниками — 33%, потеряно вследствие угона домашних оленей дикими оленями — 46%.

Таблица 5.10

**Движение племенного поголовья оленей МУП «Оленекский»
за январь-декабрь 2014 г.¹⁴⁸**

Наличие оленей на 1 января 2014 г.	Поступило		Выбыло			Наличие оленей на 1 января 2015 г.
	Родилось живых туготов	Куплено, получено в обмен, прочее поступление	Реализовано на убой	Продано, передано, отдано в обмен и прочее выбытие	Всего пало и погибло всех возрастов	
4271	1113	385	128	-	2137	3504

Отдельно представлено движение поголовья оленей МУП «Оленекский» (табл. 5.10). На 1 января 2015 г. в племенном хозяйстве погибло 2137 голов оленей, в т.ч. 615 важенок.

В сфере домашнего оленеводства МУП «Оленекский» трудятся 65 работников, в т.ч. 35 оленеводов, 15 чумработниц, четыре бригадира, три охотника, три швеи пошивочного цеха, рабочий, охранник, бухгалтер, заместитель директора, директор. Оленеводы работают в четырех бригадах. Все работники муниципального унитарного предприятия являются эвенками, жителями Кирбейского (49 чел.) и Оленекского (16 чел.) наслегов.

В настоящее время домашнее оленеводство в Оленекском районе находится в процессе реализации программных мер по дальнейшему развитию отрасли, нацеленных на преодоление длительных последствий катастрофического спада численности поголовья оленей в первом постсоветском десятилетии. Отметим, что решение проблем и перспективы развития оленеводства производственного направления связаны, в первую очередь, с восстановлением хозяйственной основы образа жизни коренных малочисленных народов Севера.

Скотоводство и табунное коневодство также являются исконно традиционными занятиями жителей Оленекского улуса,

¹⁴⁸ Там же. С. 183.

хотя в силу распределения ведущих отраслей хозяйства и последствий постсоветских трансформаций производственные масштабы не так велики. Тем не менее, для сохранения традиционного образа жизни сельского населения северного района, обеспечения местной молочной и мясной продукцией, данное направление признается одним из ключевых направлений в развитии сельского хозяйства и стабильности жизнедеятельности всего населения района.

Динамика численности поголовья крупного рогатого скота и лошадей в 2014–2016 гг. в четырех населенных пунктах Оленекского района показывает тенденцию к снижению: КРС — на 25,3%, лошадей — на 30,7%, в т.ч. за счет резкого уменьшения численности лошадей в 2014 г. в с. Харыялах (Кирбейский наслег). В 2016 г. численность поголовья коров вернулась к уровню показателей 2014 г., в основном за счет СХППК «Эйик» (с. Эйик)¹⁴⁹.

Таблица 5.11

Поголовье крупного рогатого скота и лошадей во всех категориях хозяйств Оленекского района (на 1 января, голов)¹⁵⁰

Название н.п.	Крупный рогатый скот			Из них коровы			Лошади		
	2014	2015	2016	2014	2015	2016	2014	2015	2016
Жилинда	-	-	-	-	-	-	8	8	3
Харыялах	7	8	6	4	4	5	33	6	5
Оленек	-	-	-	-	-	-	137	128	112
Эйик	88	78	65	26	18	25	79	65	58
Всего по району	95	86	71	30	22	30	257	207	178

По данным статистического учета, в 2014 г. было произведено на убой скота (и птицы) в живом весе 291 ц во всех категориях хозяйств, в т.ч. говядины — 90 ц, конины — 75 ц. Из всего произведенного убоя скота на сельскохозяйственные предприятия района приходится 180 ц: СХПК «Чуостаах» — 40 ц говядины, родовая община КМНС-эвенков «Урэн» (Светлый) — 14 ц кони-

¹⁴⁹ Социально-экономическое положение мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов. Стат. сборник. Уч. №01 — 31-399-дсп. Якутск, 2016. С. 144; Итоги учета скота, птицы, оленей и зверей по РС(Я) на 1 января 2015 г. Стат. сб. №3/266 дсп. Якутск, 2015. С. 23-94; Рост численности скота по состоянию на 1 января 2016 г. МР «Оленекский район» по официальным данным Оленекского УСХ; Санникова Я.М. Указ. соч.

¹⁵⁰ Составлено по: указанным источникам.

ны. В родовых общинах из общего числа сельхозпредприятий произведены на убой скота — 14 ц; в хозяйствах населения — 111 ц¹⁵¹.

На 1 января 2016 г. по Оленекскому району было произведено 38,5 ц мяса жеребятины и 42,8 ц мяса говядины. Производителями мясной продукции являются: СХППК «Эйик» — 14 ц жеребятины и 38,7 ц говядины, Жилиндинский наслег (администрация) — 14 ц жеребятины, ООО «Сардаана» — 10,5 ц, Кирбейский наслег (администрация) — 4,1 ц. Наиболее крупным производителем мясной продукции был СХППК «Эйик» при агрошколе Шологонского наслега¹⁵².

По оперативным данным УСХ на 24 июня 2016 г. расчет численности всего поголовья Оленекского района составил 5087 голов домашних оленей, в т.ч. 2034 голов важенков, сыриц, 1352 головы тугутов текущего года; 102 головы КРС, в т.ч. 35 голов коров, 33 головы телят текущего года; 197 голов лошадей, в т.ч. 83 головы кобыл, 22 головы жеребят.

Рыболовством в каждом хозяйстве занимаются для личного потребления. Официальный учет не ведется, так как промышленного вылова рыбы нет. Данный вид традиционного промысла является дополнительным занятием в комплексном северном хозяйстве коренного населения района.

Объемы производства продукции. Оценить количество производимой продукции можно на примере объемов сдачи хозяйствами Оленекского района продукции традиционных промыслов. Фактическое количество продукции, сданной в пункты заготовительных контор в 2013-2015 гг., составило по видам: мяса охотничьего промысла (диких северных оленей, гусей, уток, лося) в 2013 г. — 189550 кг у/в, 2014 г. — 247167 кг у/в, 2015 г. — 240305 кг у/в. При этом, мясо от добычи дикого северного оленя всегда составляло основную часть в сданном хозяйствами района объеме мясной продукции (включая мясо домашних оленей), в т.ч. в 2013 г. — 88,3% (181800 кг у/в), 2014 г. — 94,4% (9239355 кг у/в), 2015 г. — 95,2% (233055 кг у/в).

Пушнины в виде шкур волка, песца, соболя, горностая, медведя, ондатры, россомахи, белки было сдано в 2013 г. — 2147 шт., 2014 г. — 2185 шт., 2015 г. — 2187 шт., где преобладающую часть

¹⁵¹ Итоги учета скота, птицы, оленей и зверей по РС(Я) на 1 января 2015 г. Стат. сб. №3/266 дсп. Якутск, 2015. С. 107-143; Санникова Я.М. Указ. соч.

¹⁵² Официальные данные производства на убой Оленекского УСХ от 1 января 2016 г.; Санникова Я.М. Указ. соч.

составляли шкурки соболя, ежегодно по 1720 шт. — 78-80% от общего объема сданной пушнины. Продукции собирательства в виде голубики (сугун), брусники (отон), красной смородины (хаптабас), грибов (тэллэй), зеленого лука, ягеля, лекарственных трав ежегодно сдавалось по 22432 кг; на сбор ягод приходилось каждый год по 89,2% общего объема сданной продукции собирательства. Также для собственного потребления население района добыло рыбы в 2013 г. 534600 кг, 2014 г. — 536580 кг, 2015 г. — 536184 кг.

На уровне главы Оленекского национального эвенкийского улуса ежегодно, по итогам совещания с родовыми общинами, утверждается минимальный уровень закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, в частности, на мясо дикого северного оленя как основного источника доходов общин, на охотничьи сезоны, длящиеся с августа до ноября и с ноября до марта. Также по району установлены цены на прием продукции оленеводства и традиционных промыслов.

Таблица 5.12

Стоимость фактического количества продукции, сданной в заготовительные пункты¹⁵³

Наименование продукции	Единица измерения	2013	2014	2015
Мясо дикого северного оленя	руб. за кг	100	150	150
	объем сдачи, кг у/в	181 800	239 355	233 055
	руб. за объем сдачи	18 180 000	35 903 250	34 958 250
Мясо лосося	руб. за кг	180	220	250
	объем сдачи, кг у/в	1750	1250	1250
	руб. за объем сдачи	315 000	275 000	312 500
Рыболовство для личного потребления	руб. за кг	350	400	625
	объем сдачи, кг	534 600	536 580	536 184
	руб. за объем сдачи	187 110	214 632	335 115
Соболь	руб. за шт	2700	2700	2700
	шт.	1720	1720	1720
	руб. за объем сдачи	4 644 000	4 644 000	4 644 000

¹⁵³ Составлено по: Справка №1 о фактическом количестве продукции (охоты, оленеводства, собирательства), сданном хозяйствами Оленекского района (в т.ч. кочевыми родовыми общинами) за 2013-2015 гг. в пункты заготовительных контор; Справка №2 о ценах на прием продукции традиционного промысла за 2013-2015 гг. в пунктах заготовительных контор.

Голубика	руб. за кг	150	200	200
	объем сдачи, кг	8000	8000	8000
	руб. за объем сдачи	1 200 000	1 600 000	1 600 000
Брусника	руб. за кг	150	200	200
	объем сдачи, кг	4000	4000	4000
	руб. за объем сдачи	600 000	800 000	800 000
Красная смородина	руб. за кг	150	200	200
	объем сдачи, кг	8000	8000	8000
	руб. за объем сдачи	1 200 000	1 600 000	1 600 000

Выделим цены на семь видов основной продукции традиционных промыслов, которые по количеству объемов, сданных в пункты заготовительных контор, определяют доходы хозяйств и населения района (табл. 5.12). Как видно из приведенных данных, наибольший денежный доход хозяйства района получают за счет добычи и сдачи мяса дикого северного оленя, который составляет 81,7% продукции традиционных промыслов. Немаловажную часть их дохода также составляет сбор и сдача дикоросов.

Продукция охотничьего промысла для собственного потребления. Наиболее востребованной продукцией охоты, используемой в регулярном рационе питания местного населения, является мясо дикого северного оленя. В силу хозяйственной специализации Оленекского района возможностей обеспечивать себя другими видами мяса практически нет. В случае заготовки мяса дикого оленя в меньших количествах, чем необходимо семьям, то им приходится покупать привозной товар, притом не самого лучшего качества, например, куриные окорочка импортного производства.

В 19-ти опрошенных домохозяйствах и родовых общинах указали, что потребляют на собственные нужды в среднем от трех до 35 туш диких оленей, в зависимости от размеров семьи. Девять хозяйств занимаются охотой исключительно для своего потребления; 10 хозяйств сдают свою продукцию охоты в заготовительные пункты (в числе объемов сдачи всех хозяйств района, указанных в табл.5.12).

Результаты социологического опроса подтверждают этот факт. Так, на вопрос: «Что для Вашей семьи означает охотничий промысел», 76% респондентов Шологонского наслега, 76% — Кирбейского наслега, 74% — Оленекского наслега ответили, что

это основной источник мясного питания семьи. На охоту как на дополнительный источник мясной пищи указали 19% респондентов Шологонского, 30% — Кирбейского, 37% — Оленекского наслегов. То есть, по частоте выбора можно сделать вывод о том, что для 75,3% опрошенного населения охотничий промысел является главным, а для 28,6% — дополнительным источником продукта первой необходимости в рационе питания северной семьи.

Как следует из интервью с информантами-КМНС, а также справок от ООО «Тээйэ», кроме ежегодного потребления промысловой оленины в период разрешенной охоты, на летний сезон одной семье из трех человек необходимо запастись как минимум 10-ю тушами оленины (в среднем 1 туша весит 50 кг).

Семья из пяти человек в среднем потребляет 15 туш оленины. Примечательно, что культурные традиции северных народов продолжают до наших дней, например, как раздел (не продажа) добычи между родственниками и близкими людьми, у которых нет возможности обеспечить себя мясом (при отсутствии в семье трудоспособных мужчин и др.).

В 2016 г. в ООО «Тээйэ» работали 12 охотников. На охотничью лицензию на 450 особей в среднем добывается 22500 кг (22,5 т). Из них для семьи из 3-5 чел. только в летний сезон нужно запастись 10-15 тушами оленины (в среднем 7 т). Если рассчитать даже так, что все 15500 кг (15,5 т) сдаются на закуп из расчета 150 руб. за 1 кг (понятно, что в промысловый сезон их семьи потребляют мясо постоянно), то на всех охотников получается 2325000 руб. (в среднем 193750 руб.). У человека, для которого этот доход основной и практически единственный, в месяц выходит всего по 16145,8 руб. Из этой примерной раскладки видно, что хозяйства, вне зависимости от формы организации (не только родовые общины), дают возможность своим работникам, прежде всего, обеспечивать свои семьи мясом для повседневного потребления, поскольку оно является самым важным источником энергии в рационе питания северян.

Наличие государственной поддержки рассматривается в контексте предоставления родовым общинам соответствующих дотаций на производство продукции. Отметим, что во время полевых исследований финансовые сведения предоставили 22 хозяйства, в т.ч. 19 родовых общин. Как оказалось, в 2013 — 2015/2016 гг. только две общины воспользовались государствен-

ной дотацией: «Энээн» (2014 г. — 84240, 2016 г. — 41827,61 руб.) и «Чымаара» (2014 г. — 18, 2016 г. — 19 тыс. руб.; остальные 17 родовых общин не получили).

Таблица 5.13

Возмещение затрат на промысел дикого северного оленя в 2014 г.¹⁵⁴

Хозяйства района	Сумма, выделенная на возмещение затрат на промысел дикого северного оленя из бюджета РС(Я), в руб.
МУП «Жилиндинский»	439915
ПК «Силигир» (КРОМНС)	118770
ПК КРО «Энээн»	132240
МУП «Оленекский»	547440
Всего по району	1238365

По данным Оленекского УСХ, из государственного бюджета Республики Саха (Якутия) в 2014 г. на возмещение затрат на промысел дикого северного оленя было выделено 1238365 руб., которые получили лишь 4 хозяйства района (табл. 5.13). Отметим, что основное дотационное финансирование приходится на крупные хозяйства, а не на отдельные родовые общины. Не централизованный механизм свода дотационных субсидий не позволяет сделать полный расчет, но даже наши полевые материалы показывают, что небольшим хозяйствам, в т.ч. родовым общинам, приходится рассчитывать только на себя.

Оценка представителей хозяйств собственной хозяйственной деятельности и отношение к традиционному укладу жизни. По итогам ВПН-2010, источником средств к существованию населения Оленекского улуса также являются личные подсобные хозяйства, на что указали 240 чел. (с. Жилинда — 19, с. Харьялах — 133, с. Оленек — 43, с. Эйик — 45). По данным паспорта социально-экономического развития района за 2015 г., кроме ведения ЛПХ, домашнее хозяйство также является основным занятием 162 чел.¹⁵⁵

Все ЛПХ и домохозяйства-семьи занимаются охотничьим промыслом на основе лицензий хозяйств-юридических лиц, на любительской основе. Как было указано выше, население райо-

¹⁵⁴ Составлено по: Информация по охотничьему промыслу Оленекского района на 20 июля 2015 г. Предоставлена УСХ Оленекского района, октябрь 2015 г.

¹⁵⁵ Паспорт социально-экономического развития Оленекского эвенкийского национального района на 2015 г.; Санникова Я.М. Указ. соч.

на обеспечивает себя мясом преимущественно за счет промысла дикого северного оленя. В рамках комплексного северного хозяйства члены семьи занимаются и рыболовным промыслом, что является неотъемлемой частью традиционного образа жизни коренных народов.

Специфика ведения традиционного хозяйственного образа жизни на Севере проявляется в том, что определенная часть взрослого населения (25% респондентов) сельских населенных пунктов проживает в местах традиционного природопользования фактически на протяжении всего года; еще 5% опрошенных лиц сообщили, что выезжают туда ежедневно. Таким образом, 30% местных жителей практически постоянно живут на удаленных стоянках, а 19,3% — выезжают по несколько раз в неделю и в месяц. На систематический, сезонный выезд в места традиционного природопользования указали 46,6% опрошенного населения. Целью таких хозяйственных выездов в места традиционного природопользования преимущественно является собирательство — 68,6% респондентов, охота и рыболовство (по 43,6%), заготовка древесины для нужд своей семьи (24,6%).

Наличие подсобного хозяйства (речь идет как о традиционных для коренного населения хозяйственных направлениях, так и об огородничестве) и его значение для семей представлено в таблице 5.14. Согласно результатов социологического опроса, в трех наслегах Оленекского района 47,6% респондентов держат подсобное хозяйство, в т.ч. 37,3% — в виде приусадебного участка (теплицы, огороды), 19,6% — имеют земельные участки и сельскохозяйственные угодья, 11,3% — содержат домашних животных. Большинство респондентов (73,6%) занимаются подсобным хозяйством исключительно для собственного потребления, не занимаются продажей продукции. 36% опрошенных воспринимают свое хозяйство как источник здорового питания, натуральной пищи и считает его частью сложившегося образа жизни (16%). В то же время для 20,2% респондентов — подсобное хозяйство является как основным, так и дополнительным источником пополнения бюджета семьи; 12,6% — занимаются продажей произведенной продукции.

Таблица 5.14

Наличие подсобного хозяйства и его значение для семьи

Наслеги	Шологонский	Кирбейский	Оленекский	В среднем по трем наслегам
Наличие подсобного хозяйства				
Имеют свое подсобное хозяйство	56	47	40	47,6
Теплицы, огород	53	30	29	37,3
Земельные участки в поселке, в тайге и сенокосные угодья, пастбища	21	15	23	19,6
Поголовье	9	15	10	11,3
Значение подсобного хозяйства в жизни семьи				
Источник здорового питания, натуральной пищи	36	31	41	36
Сложившийся образ жизни	17	17	14	16
Подспорье в бюджете семьи	17	9	12	12,6
Частичная продажа продукции	14	12	6	10,6
Любимый вид деятельности семьи	17	9	7	11
Основной материальный источник семьи	5	6	12	7,6
Продажа большей части продукции	2	2	-	2
Форма самозанятости	8	10	8	8,6
Не продают продукцию, только для своей семьи	83	70	68	73,6
Планируете ли Вы дальше развивать свое подсобное хозяйство?				
Намерены	34	34	34	34
Сомневаются	54	31	40	41,6
не намерены	12	5	7	8
Будут ли Ваши дети и внуки дальше развивать подсобное хозяйство?				
Хозяйство будет	30	31	30	30,3
Не знают ответа	62	40	49	50,3
Хозяйства не будет	7	3	4	4,6

Для 11% опрошенных лиц работа в своем подсобном хозяйстве является любимым видом деятельности их семьи; 8,6% — считают ее формой самозанятости местного населения. При этом, только 34% опрошенных лиц желают и в дальнейшем развивать свое хозяйство; 41,6% — сомневаются и не уверены в будущем собственного хозяйства; 8% — категорически отвергают и не планируют вести свое хозяйство.

В целом можно заключить, что в настоящее время основу традиционной хозяйственной деятельности и образа жизни жи-

телей Оленекского национального района, эвенков и других коренных народов Якутии, составляет охотничий промысел на диких северных оленей и соболя. Наряду с охотой, в рамках государственной аграрной политики Республики Саха (Якутия), практически заново восстанавливается домашнее оленеводство, в т.ч. племенное хозяйство. Также составными частями комплексного северного хозяйства района являются скотоводство и табунное коневодство. Важными вспомогательными направлениями самообеспечения сельских жителей являются рыболовный промысел и сбор дикоросов.

Динамика развития основных видов традиционной хозяйственной деятельности Оленекского района за последние три года отражает существующие проблемы. Сегодня в наиболее уязвимом состоянии находится охотничий промысел — исконное традиционное занятие коренных малочисленных народов Севера — оленекских эвенков. Территории их традиционного природопользования испытывают такой натиск добывающей промышленности, что ставят в необходимость принятие системных мер по предупреждению возможных негативных трансформаций в хозяйственном укладе местного населения, потенциально сравнимых с последствиями катастрофического упадка домашнего оленеводства в Оленекском улусе, имевшем место в первое постсоветское десятилетие.

Село Сватай 2-го Мятисского наслега Среднеколымского улуса. Село расположено по руслу р. Алазея в 146 км от г. Среднеколымска — административного центра улуса (района). Общая площадь территории 2-го Мятисского наслега составляет 10,3 тыс. км². Численность постоянного населения — 672 чел.; на участке Суччин живут 20 чел. С 2015 г. паспорт социально-экономического развития оформляется отдельно для каждого поселения. Официальные статистические данные были предоставлены администрацией наслега.

Первые пилотные интервью были проведены в 2013 г.; в 2015 г. — глубинные интервью с 10 информантами, которые представляли: два крестьянских и шесть личных подсобных хозяйств населения с большим опытом хозяйственной деятельности, а также два крестьянских хозяйства, созданные на базе ЛПХ, с небольшим стажем работы. В 2018 г., при содействии представителя администрации наслежной общеобразовательной школы, учителя истории и обществознания С.И. Винокуровой, было проведено повторное интервью в тех же хозяйствах.

Число хозяйств, доступность земельных и природных ресурсов. На 1 января 2018 г. в с. Сватай осуществляют хозяйственную деятельность один молокоперерабатывающий сельскохозяйственный кооператив, пять крестьянских хозяйств и 234 личных подсобных хозяйств населения. Общая площадь земель с. Сватай составляет 813,40 тыс. га, в т.ч. земель сельскохозяйственного назначения — 2,30 тыс. га (сенокосы — 0,95 тыс. га, пастбища — 0,82 тыс. га). Располагает 2,5 тыс. га сельскохозяйственных угодий (1,02 тыс. га — сенокосные, 1,07 тыс. га — пастбища)¹⁵⁶. Земли лесного фонда составляют 500 тыс. га, водного — 423,93 тыс. га. Специфика природно-климатических условий хозяйствования заключается в том, что сенокосные угодья и пастбища, в зависимости от года, в течение продолжительного времени могут находиться в состоянии обводнения, так как вода из-за особенностей ландшафта в данной местности убывает очень медленно.

Начиная с 2016 г., по данным местной администрации, ситуация с земельными ресурсами ухудшается вследствие весенних наводнений, когда полностью затапливаются близлежащие сенокосные угодья. Соответственно, заготовка сена для домашнего скота производится на отдаленных труднодоступных угодьях за рекой Алазея. Также подтапливаются пастбища и местным жителям приходится перегонять свой скот на возвышенные участки. Байкал, самый близкий из таких участков, находится в 15 км за рекой Алазея.

В последние годы из-за продолжительного обильного снегопада в зимний период (октябрь-ноябрь) на озерах и реках наслега образовались наледи, толщиной не более 25 см. Аномальное количество снега вплоть до весенних месяцев не позволяет ездить даже гусеничным тракторам. Хозяйствам наслега приходится доставлять сено из дальних участков снегоходами, что требует больших затрат на покупку ГСМ и запчасти для техники. После таяния снега пастбищные земли на долгое время остаются под водой, тем самым ухудшая экологическое состояние природной кормовой базы животноводства на Севере.

В этой связи якутские ученые отмечают, что сельские жители северных и центральных районов Якутии первыми принимают на себя неблагоприятия, связанные с меняющимся климатом и погодой. Они влияют на два важных аспекта их жизни и

¹⁵⁶ Паспорт социально-экономического развития с. Сватай 2-го Мятисского наслега Среднеколымского улуса за 2015-2018 гг.

труда — состояние природных экосистем и устойчивость традиционного занятия. Так, вследствие увеличения атмосферных осадков происходит деградация травостоев, снижается продуктивность сенокосов и пастбищ. В случае длительности или усиления климатических изменений существует реальный риск ухудшения условий содержания домашних животных и упадка традиционных хозяйств как отрасли сельского хозяйства Якутии¹⁵⁷.

Измерение хозяйств на основе базовых показателей их экономической деятельности. Форма хозяйствования и первичная учредительная документация. Как показано выше, в наслеге функционирует один сельскохозяйственный кооператив, специализирующийся на переработке молока, который работал и в 2015 г. В результате негативных последствий природных катаклизмов в 2018 г. три из восьми крестьянских хозяйств 2015 г. прекратили свою деятельность, и перешли в категорию личных подсобных хозяйств. Достаточно стабильным остается число ЛПХ, в 2015 г. их было 233. При этом, в 24 личных подсобных хозяйствах занимались разведением крупного рогатого скота, 42 — содержали лошадей. То есть, на хозяйства с разным поголовьем домашних животных, в среднем приходилось по четыре головы скота и две головы лошадей. Однако нужно иметь в виду, что во владении 22 из 42-х хозяйств с лошадьми была только одна лошадь.

Состав (членство) в хозяйствах. По данным интервью с информантами-главами и владельцами, их крестьянские и личные хозяйства берут свое начало непосредственно от хозяйства родителей или своих ЛПХ. Самому молодому представителю хозяйства — 40 лет, самому старшему — 68 лет, т.е. лица средней и старшей возрастной группы. Во всех хозяйствах в качестве добровольных помощников работают все члены семьи, особенно в летний сенозаготовительный период. Только в двух крестьянских хозяйствах (с большим и небольшим стажем) — официальными членами является супружеская пара, в остальных

¹⁵⁷ Игнатъева В.Б. Сельские сообщества Якутии в условиях изменения мирового климата // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 г. М., 2014. С. 311-315; Она же. О сохранении традиционных видов хозяйства в связи с изменениями мирового климата // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 г. М. 2012. С. 547-554; Боякова С.И., Винокурова Л.И., Игнатъева В.Б., Филиппова В.В. Якутия в условиях глобальных климатических изменений: уязвимость, риски, социальная адаптация //Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2010. №1 (1). С. 22-25.

— только главы хозяйств. В личных хозяйствах, как правило, только глава домохозяйства является основным владельцем.

Основные виды деятельности и их отраслевые направления. Основная специализация хозяйств — разведение крупного рогатого скота и табунное коневодство (лошади местной колымской породы), вспомогательная — рыболовство и охота.

Таблица 5.15

Численность крупного рогатого скота и лошадей, на 1 января т.г.¹⁵⁸

Численность по категориям хозяйств	2015	2016	2017	2018
Крупный рогатый скот				
Всего	216	141	103	106
В т.ч. коров	88	67	64	64
Крестьянские хозяйства	49	57	36	31
В т.ч. коров	28	28	26	20
Хозяйства населения	167	84	67	75
В т.ч. коров	60	39	34	44
Лошади				
Всего	321	312	145	94
Крестьянские хозяйства	227	207	89	53
Хозяйства населения	94	105	56	41

Динамика поголовья крупного рогатого скота и лошадей в 2015-2018 гг. по 2-му Мятисскому наслегу показывает катастрофический спад его численности: КРС — на 110 голов (на 51%); лошадей — на 227 голов (на 71%). Сильная уязвимость коневодческих хозяйств связана с традиционными способами содержания лошадей, основанными на круглогодичном тебеневочно-пастбищном выпасе на естественных лугах. Хотя в хозяйствах с. Сватай введена практика систематической придворовой дополнительной подкормки лошадей, особенно в годы критических зимовок. Сложная зимняя тебеневка вследствие непредсказуемых изменений погоды привела не только к падежу лошадей, но и вынужденному их забою. Скотоводческие хозяйства также потерпели убытки, покупая дополнительно сено и зернофураж для подкормки скота; некоторые были вынуждены забить часть своего поголовья. Вместе с тем, статистика свидетельствует об усилиях самых северных в мире скотоводов во что бы то ни стало сохранить домашних животных (табл. 5.15).

¹⁵⁸ Составлено: Паспорт социально-экономического развития с. Сватай 2-го Мятисского наслега Среднеколымского улуса за 2015-2018 гг.

Охотничий промысел. Основными видами добычи являются звери с ценным мехом — соболь, ондатра и горностаи. Добыча белки, колонка и других пушных зверей носит сопутствующий характер. Отметим, что в наслеге функционировало только одно хозяйство, специализировавшееся на этом промысле и содержащее 25 оленей в транспортных целях. Хозяйство пыталось адаптироваться к меняющимся внешним условиям, постепенно сокращая численность своих работников, но уже к 2017 г. перестало функционировать; в отчетных документах наследной администрации хозяйство не отражено.

Рыболовство. Для жителей с. Сватай ловля рыбы является их исконным занятием. Основные промысловые виды рыб — чир, пелядь и щука, на озерных водоемах — карась. В настоящее время рыболовство не имеет производственного значения, рыба добывается для личного потребления. Как и всякий промысел, вылов рыбы зависит от природных явлений: характера половодья, температуры воды и т.д. По мнению администрации 2-го Мятисского наслега, для роста популяции промысловых видов рыб и увеличения объема их добычи, необходимо изучать ход нерестовых рыб и проводить зарыбление крупных и средних водоемов озерного типа.

Примечательно, что культура и традиции рыболовства в наслеге хранятся и передаются из поколения в поколение. Здесь с детства воспринимают народную философию, отвергающую идею эксплуатации ресурсов, если это угрожает биологическому разнообразию природы. В год, когда рыбы мало, местные жители искренне считают, что их кормилица-река отдыхает.

Объемы производства продукции. Вынужденный забой скота отразился на показателях объема производства, в частности, на его росте в 2016 г. на 36,4 т живого веса. Тем не менее, на закуп были отданы только 15,8% продукции (табл. 5.16). Понятно, что в 2017 г. производство уменьшилось на 10 т живого веса в силу того, что предельное сокращение численности поголовья скота произошло в предыдущий год. При этом, закуп составил 43,2% произведенной продукции. Производство молока, при ориентированности на сдачу, также вынужденно было сокращено: в 2016 г. спад объемов продукции составил 147,7 т молока (на 68,1%). Стабилизация поголовья скота повлияла на объемы производства молока, в 2017 г. — молочная продукция увеличилась на 90,7 т (на 56,7%).

Таблица 5.16

Объемы производства и закупок продукции хозяйств всех категорий¹⁵⁹

	2015	2016	2017
Объем производства сельскохозяйственной продукции, т			
Мясо скота в живом весе, т	6	42,4	32,4
Молоко, т	217	69,3	160
Объем закупок сельскохозяйственной продукции (тонн)			
Мясо	0,84	6,7	14,00
Молоко	144,00	54,1	63,20

Наличие государственной поддержки. Согласно отчета главы Среднеколымского улуса за 2017 г., из государственного бюджета Республики Саха (Якутия) за сохранность маточного поголовья крупного рогатого скота по улусу было выделено 17910000 руб. Хозяйствам 2-го Мятисского наслега выделено из расчета на одну голову КРС — 30 тыс. руб. Субсидия на маточное поголовье лошадей выделена только организованным хозяйствам (крестьянские хозяйства) по ставке 1743,83 руб. на 1 голову кобылы (по улусу — 963180 руб.).

Из местного бюджета на создание условий для устойчивой зимовки скота и лошадей было выделено по улусу 8458325 руб. на следующие мероприятия: перевозку страхового сена (в т.ч. из Якутска); зимний перегон лошадей на пригодные места для подкормки; приобретение и перевозку ГСМ; перевозку концентрированных кормов; весенний перегон скота и лошадей на незатопляемые места; заготовку грубых кормов.

Данные по объемам поддержки крестьянских и личных хозяйств с. Сватай отсутствуют. Известно лишь, что в 2017 г. по улусу автозимником было перевезено 152 т концентрированных кормов (70 т овса, 82 т комбикормов). Еще 160 т концентрированных кормов (комбикорм — 77 т, овес — 73 т, кормовая соль — 10 т) были перевезены в период летней навигации (табл. 5.17). При распределении по отдельным наслегам Среднеколымского улуса, с учетом прошлогоднего остатка, на с. Сватай было выделено: 7,8 т овса и 8,94 т комбикормов.

¹⁵⁹ Составлено: Паспорт социально-экономического развития с. Сватай 2-го Мятисского наслега Среднеколымского улуса за 2015-2018 гг.

Таблица 5.17

**Объемы и финансирование перевозки
концентрированных кормов в Среднеколымский улус¹⁶⁰**

Наименование показателя	2013	2014	2015	2016	2017
Перевезено всего, т	90	164,92	100	75	312
Местный бюджет, руб.	1 565 000	1 067 525	750 000	1 150 000	2 572 562
Бюджет РС(Я), руб.	-	-	-	-	6 131 680

В контексте финансирования и объемов перевозки концентрированных кормов в 2013-2017 гг. более рельефно высвечивается масштаб трагической зимовки скота в Среднеколымском улусе: в 2017 г., по сравнению с предыдущим годом, объемы перевезенных кормов возросли в четыре раза. Усиление государственной поддержки традиционных хозяйств проявилось и в том, что дополнительно к муниципальному финансированию было осуществлено и республиканское.

Оценка представителей хозяйств собственной хозяйственной деятельности и отношение к традиционному укладу жизни. По итогам интервью самой главной проблемой крестьянских и личных хозяйств 2-го Мятисского наслега признано состояние сельскохозяйственных угодий. Например, специфика ландшафта сенокосных угодий наслега позволяет возможность только ручного сенокосения. Вследствие природных аномалий страдает травостой и урожайность используемых угодий, снижается количество и качество сена для домашних животных. По мнению опрошенных, для рекультивации сенокосных угодий должны быть внесены соответствующие коррективы в правила весеннего пала.

Географическое положение определяет природно-климатические условия Среднеколымского улуса, которые значительно отличаются от улусов (районов) Центральной и Западной Якутии, поэтому пал целесообразнее проводить позже официально разрешенного срока в целом по республике. Парадоксально, что данное обстоятельство никак не учитывается органами власти Якутии, местных жителей пугают большими штрафами или вообще запрещают пал, без чего травостой и качество сена на сенокосных угодьях оставляют желать лучшего.

Другой важной проблемой, которой озадачены все информанты — представители крестьянских и личных хозяйств 2-го

¹⁶⁰ Составлено: Отчет главы Среднеколымского улуса за 2017 г.

Мятисского наслега, является невозможность увеличения численности поголовья скота. Сейчас для личного хозяйства в среднем приемлемым является численность в три головы коров, а общей численности скота в шесть голов, хотя есть и более крупные личные хозяйства. А для крестьянских хозяйств примерно сейчас оптимально только голов 10 коров, и до 20 голов всего скота. Также держат до пяти голов в среднем лошадей в общем табуне наслега. Эти ограничения связаны как с выше-названной первой проблемой ограниченности сенокосных угодий, то есть безусловно, она непосредственно связана с состоянием кормовой базы для животноводства. Но для малых хозяйств нет помощи даже на строительство нового или расширение имеющегося коровника (хотон), так как органы исполнительной власти и муниципальных образований республики предусматривают поддержку только для крупных хозяйств, содержащих 50 и более голов скота.

Большинство информантов выделили в качестве дополнительных финансовых трудностей их хозяйств постоянный рост цен на ГСМ, что больно сказывается на перевозке заготовленного сена на подворье крестьянских и личных хозяйств с. Сваттай. Также всех не удовлетворяет низкая закупочная стоимость молочной продукции, хотя это и является для многих из них единственным источником прямого денежного дохода. Кроме того, несвоевременность выплат по субсидии за маточное поголовье не позволяет им вовремя закупать необходимое количество ГСМ. Меняющиеся природные условия заставляют хозяйства идти на дополнительные затраты, связанные с докупкой концентрированных кормов и сена. Таким образом, почти все заработанные средства направляются на приобретение ГСМ и страховочного корма для скота.

В 2018 г. одно из десяти опрошенных крестьянских хозяйств наслега перестало существовать. Отметим, что это было хозяйство с большим и длительным опытом работы. Причиной ликвидации хозяйства стало практическое отсутствие программной поддержки крестьянских хозяйств, хотя в ходе персональной коммуникации указывали больше на ухудшившееся состояние здоровья главы хозяйства и членов его семьи. Одно крестьянское хозяйство изменило свою форму хозяйствования на ЛПХ, сократив численность поголовья КРС и оставив хозяйство только для удовлетворения своих потребностей в сельскохозяй-

ственной продукции. Одно ЛПХ закрылось по причине преклонного возраста владельца хозяйства.

Другие крестьянские и личные хозяйства, несмотря на все сложные условия для ведения скотоводческих занятий, полны решимости сохранить свои хозяйства, при необходимости частично уменьшая численность домашних животных.

Исследованием выявлено, что свою работу в крестьянских и личных хозяйствах информанты воспринимают как естественное продолжение традиционного образа жизни их родителей и предков. Важным для них представляется сам процесс труда: ежедневный уход за домашним скотом и присмотр за лошадьми в табунах. Отметим, что для старшего поколения это практически философия их жизни, в частности, для тех, кто ухаживает за скотом в коровнике важна возможность «разговаривать» со своими коровами, забыть в это время о трудностях жизни, своих болезнях и т.д. Для более молодых людей немаловажна возможность ежедневного потребления собственной мясной и молочной продукции.

Примечательно, что информанты, особенно представители средних возрастных групп, высказывают свое желание и в будущем заниматься разведением крупного рогатого скота и лошадей. По их мнению, именно скотоводство и табунное коневодство являются основой социально-экономического развития северного села, бесперебойного обеспечения сельского населения мясом, молоком, молочными продуктами и другой сельскохозяйственной продукцией. Некоторые информанты ориентированы, при достижении ими пенсионного возраста, перейти на охотничий промысел и заниматься животноводством только для собственного потребления.

Обследование хозяйств всех категорий в двух труднодоступных северных улусах Якутии показывает, что занятое в традиционных отраслях население находится в трудном поиске путей адаптации коллективных и индивидуальных хозяйств к меняющимся внешним условиям сельского труда и хозяйствования. Надежную основу этого процесса, особенно учитывая происходящие изменения социоприродной среды жизнедеятельности сельского населения Якутии, составляют ориентиры на сохранение традиционных занятий коренных народов Севера и Арктики.

В настоящее время приоритетными для хозяйств Среднеколымского улуса остаются скотоводство, табунное коневодство,

а также рыболовный и охотничий промыслы; Оленекского национального эвенкийского района — оленеводство и охотничий промысел (75% местных жителей живут за счет добычи мяса диких северных оленей); на наследном уровне развивается и скотоводство. При этом, среди всех категорий хозяйств в Среднеколымском улуса преобладают индивидуальные формы хозяйствования, в Оленекском — родовые общины.

Анализ материалов полевых исследований показывает ориентированность традиционных хозяйств непосредственно на сам процесс сельскохозяйственного труда, который выполняет функции: а) обеспечения занятости трудоспособного сельского населения; б) рационального взаимодействия человека и окружающей среды в процессе использования биологических ресурсов природы; в) воспроизводства этничности, языков, хозяйственных традиций, самобытного уклада жизни коренных народов Якутии¹⁶¹.

Таким образом, существующие реалии функционирования традиционной хозяйственной системы отражают процесс непрерывной адаптации конкретных хозяйств в современной аграрной системе. Выделенные факторы-условия и критерии-индикаторы стратегий адаптации не могут находиться в статичном состоянии, находясь в постоянном движении и пересечении природного, ментального и экономического начал в традиционном хозяйственном образе жизни коренных народов региона. Понятно, что в современных условиях экономический критерий в формировании адаптационных стратегий хозяйств всегда будет представлен достаточно прочно, в т.ч. ориентированный на удовлетворение материальных потребностей представителей изучаемой социальной группы. Вместе с тем, эффективность стратегий адаптации непосредственно связана и зависит от природного и личностно-оценочного критериев, учитывающих, с одной стороны, меняющиеся природно-климатические условия жизни, влияющие на доступность ресурсов, с другой — созидательную духовную основу традиционного труда. Продолжение исследований по рассматриваемой проблематике позволит в будущем разработать соответствующую типологию адаптационных стратегий традиционного северного хозяй-

¹⁶¹ Санникова Я.М., Игнатьева В.Б. Традиционное хозяйство Севера Якутии: к вопросам выявления показателей адаптации в современной аграрной системе // Московский экономический журнал. 2018. №5 (2). С. 171-176.

ства в современной аграрной системе, и тем самым выявить, какие именно модели стратегий адаптации в совокупности образуют картину мира сельского человека, живущего в труднодоступных и изолированных поселениях, рассеянных в громадном пространстве Севера и Арктики.

ГЛАВА 6

Детство в Республике Саха (Якутия): стартовые возможности социальной мобильности

Исследования разнообразных проблем детства всегда имеют высокую актуальность, так как положение детей является чувствительным индикатором состояния общества и образа жизни населения страны. Не случайно обеспечение комфортной, благожелательной и безопасной среды для жизни подрастающего поколения, защита прав каждого российского ребенка и равных возможностей для его всестороннего развития и самореализации объявлены приоритетом «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 гг.»¹⁶².

Как отмечают российские исследователи, детство — активно трансформирующийся элемент общества, испытывающий влияние множества факторов и условий, обладающий рядом уникальных отличительных характеристик. Состояние риска, определяющее развитие современного российского общества, охватывает в той или иной степени все слои населения, особенно болезненно сказывается на детях как особом субъекте социальных отношений¹⁶³.

Декларируемая обеспокоенность политического класса и академического сообщества России существующим положением будущих поколений страны вполне понятна, т.к. по существу речь идет о необходимости неотложных практических мер в области защиты прав детей с целью обеспечения их нормального духовного и физического развития. В современный период, характеризующийся непрекращающимся социальным расслоением российского общества на богатых и благополучных, бедных и

¹⁶² «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012-2017 гг.». Указ Президента РФ №761 от 2 июня 2012 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130516/ (дата обращения: 14.12.2018)

¹⁶³ Щеглова С.Н. Трансформация детства в современном российском обществе и императивы развития государственной политики в интересах детей // Журнал исследований социальной политики. 2004. №2 (2). С. 175-188.

малообеспеченных, особенно актуализируются проблемы стартовой мобильности детей.

Вопросы социологии детства, применительно к Республике Саха, имеют также региональный и этнокультурный аспект, связанный с их фундаментальным значением для воспроизводства коренных народов Якутии, т.к. «мир детства — неотъемлемая часть образа жизни и культуры любого отдельно взятого народа и человечества в целом»¹⁶⁴.

Детство, как социальное явление, не одномерно и имеет свою возрастную структуру. В настоящее время в литературе представлены различные варианты возрастных периодизаций и определения возрастных границ детства; каждый автор устанавливает их в соответствии с поставленными исследовательскими задачами в рамках разных гуманитарных дисциплин¹⁶⁵. Вместе с тем, согласно Конвенции ООН о правах ребенка, дети-ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, т.е. эта категория распространяется на возраст от 0 до 18 лет¹⁶⁶. Соответственно, многие современные исследования феномена детства основаны на идеях уникальности человеческого детства, его особого места в социокультурной системе; самоценности детства, субъектности ребенка, его имманентно заложенной способности к саморазвитию¹⁶⁷.

Детское население Республики Саха: особенности структуры. Современная демографическая ситуация в Якутии в целом оценивается как достаточно благополучная: по сравнению с итогами ВПН-2010, численность населения увеличилась и составила в 2016 г. 959,7 тыс. чел. (на 1,2 тыс. чел.). Численность городского населения — 627,8 тыс. чел. (65,4%), сельского — 331,9 тыс. чел. (34,6%). По сравнению с 2010 г. численность городских жителей возросла на 1,3% (64,1%), а сельских жителей, напротив, снизилась на 1,3% (35,9%). Одной из особенностей народонасе-

¹⁶⁴ Кон И.С. Ребенок и общество. М., 2003. С. 6.

¹⁶⁵ См.: Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е.А. Дети и детство как объекты социологических исследований // Социологические исследования. 2018. №3. С. 65.

¹⁶⁶ Ст.1 Конвенции о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу в СССР 15.09.1990). URL: http://www.consultant.ru/cons/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 14.12.2018).

¹⁶⁷ Шибанова Н.М. Теоретико-методологические подходы к исследованию проблем современного детства. URL: <http://lib.znate.ru/docs/index-143055.html> (дата обращения: 05.11.2018); Федотова Н.Д. Детство в Республике Саха (Якутия): возможности и проблемы // Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия). Сб. науч. ст. Вып. 1. Якутск, 2015. С. 64-81.

ления региона является исторически сложившийся большой удельный вес сельского населения (РФ — 25,8%, ДВФО — 24,4%); причем в сельской местности преимущественно проживают представители коренных народов (табл.6.1).

Таблица 6.1

Динамика численности населения Якутии¹⁶⁸

Годы	Все население, тыс. чел.	В том числе		В общей численности населения, %	
		городское	сельское	городское	сельское
1989	1094,1	732,0	362,1	66,9	33,1
2000	962,5	616,0	346,5	64,0	36,0
2001	957,5	614,6	342,9	64,2	35,8
2002	949,3	610,0	339,3	64,3	35,7
2010	958,5	614,5	344,0	64,1	35,9
2011	958,3	614,6	343,7	64,1	35,9
2012	955,9	617,1	338,8	64,6	35,4
2013	955,6	620,5	335,1	64,9	35,1
2014	954,8	622,7	332,1	65,2	34,8
2015	956,9	624,7	332,2	65,3	34,7
2016	959,7	627,8	331,9	65,4	34,6

В 2016 г. Якутия занимала 9-е место среди регионов России, сохранивших естественный прирост населения, после Чечни, Ингушетии, Тывы, Дагестана, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского (Югра) автономных округов, Ненецкого автономного округа и Республики Алтай. Так, коэффициент естественного прироста на 1000 чел. населения в республике составил 7,6‰. Отметим, что в период с 2000 по 2016 гг. максимальный «пик» прироста пришелся на 2014 г. (9,2‰), минимальный — на 2000 г. (4‰). В абсолютных цифрах, естественный прирост населения по республике возрос с 3822 чел. в 2000 г. до 7299 чел. в 2016 г. (рис. 6.1). По указанным годам в городской местности прирост составил 1529 и 4486 чел.; сельской местности — 2293 и 2813 чел. В территориальном срезе пик естественного прироста сельского населения наблюдался в 2014 г. (4301 чел.), городского — в 2015 г. (4734 чел.).

¹⁶⁸ Статистический ежегодник Республика Саха (Якутия): стат. сб. Якутск, 2016. С. 56.

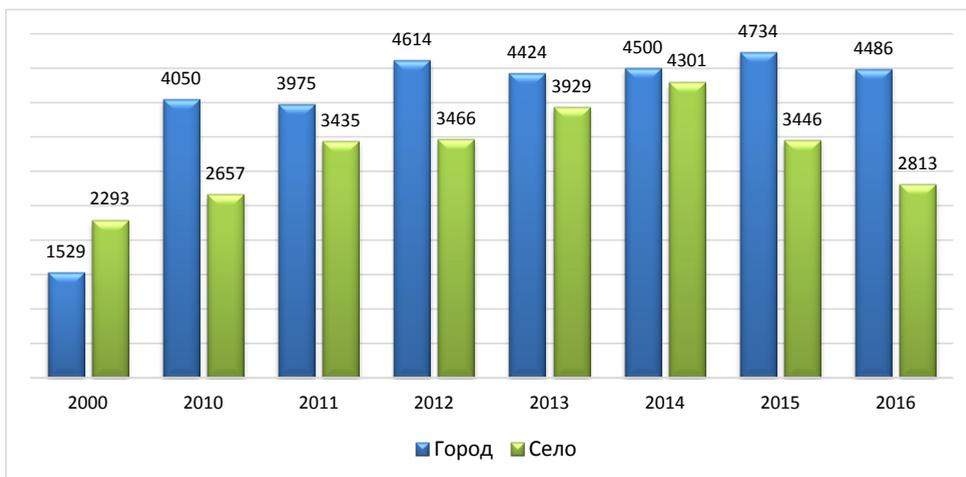

Рис. 6.1. Динамика естественного прироста городского и сельского населения Якутии, чел.¹⁶⁹

Сельская местность Республики Саха отличается показателями выше среднереспубликанского уровня естественного прироста во все представленные годы. Вместе с тем, фиксируется резкое падение в последние годы: с 13% в 2014 г. до 8,4% в 2016 гг. Таким образом, наблюдающееся снижение показателей естественного прироста населения свидетельствует об относительном демографическом благополучии.

Якутия традиционно входит в число российских регионов с высокой рождаемостью. Коэффициент рождаемости в 2016 г. составил 16‰, что выше, чем в целом по России (12,9‰) и среди регионов по Дальневосточному федеральному округу (13,3‰). В 2000-2016 гг. отмечается рост количества родившихся с 13147 до 15352 чел.; наибольшее число рождений приходилось на 2014 г. (17010 чел.). В городской местности число рождений составило: в 2000 г. — 7585 чел., 2016 г. — 9797 чел.; в сельской — 5562 и 5755 чел., соответственно. При этом, наибольшее число рождений среди городского населения наблюдается в 2012 г., сельского — в 2014 г.

Сравнение показателей рождаемости в территориальном разрезе показывает наличие существенных различий (табл. 6.2). Так, если абсолютное число родившихся в городской местности выше, чем в сельской, то коэффициент рождаемости в сельской местности превышает городской во все представленные годы. То

¹⁶⁹ Статистический ежегодник Республика Саха (Якутия): стат. сборник. Якутск, 2017. С.70.

есть, более благополучная демографическая ситуация в Якутии поддерживается преимущественно за счет сельских жителей.

Таблица 6.2

Количество родившихся в городе и на селе, чел.¹⁷⁰

Год	Количество родившихся, чел.		
	Город	Село	РС(Я)
2000	7585	5562	13147
2010	10139	5970	16109
2011	9614	6788	16402
2012	10280	6718	16998
2013	9658	7046	16704
2014	9573	7437	17010
2015	9911	6434	16345
2016	9797	5755	15352

Однако укажем, что, несмотря на общую тенденцию роста рождаемости как в сельской (с 16,1% в 2000 г. до 17,3% в 2016 г.), так и в городской (с 12,3% до 15,3%) местности, в последние годы происходит снижение коэффициента рождаемости в целом по республике: с 17,8‰ в 2014 г. до 16‰ в 2016 г. (рис. 6.2). Показательно, что наиболее значительный его спад характерен для сельского населения (с 22,4‰ в 2014 г. до 17,3‰ в 2016 г.). Таким образом, в ряду факторов, определяющих территориальные раз-

Рис. 6.2. Общие коэффициенты рождаемости населения Якутии, на 1000 чел.

¹⁷⁰ Там же.

личия показателей естественного прироста населения Республики Саха, доминируют показатели детности, связанные с категорией поселения (относительно высокий уровень рождаемости поддерживается преимущественно за счет коренных народов Якутии)¹⁷¹.

По мнению специалистов, на уровень рождаемости оказывают влияние два основных фактора: во-первых, возрастная структура населения, которую определяет предшествующая возрастная структура народонаселения; во-вторых, интенсивность деторождений в каждом возрасте, характеризующаяся репродуктивным поведением женщин.¹⁷²

Анализ вклада различных возрастных групп матерей в показатели рождаемости показывает, что репродуктивное поведение женщин в рассматриваемый период меняется: растет вклад представителей старших возрастных групп. В городской местности наибольшие изменения произошли в возрастной группе 30-34 года (47,8 рождений на 1000 женщин в 2000 г. до 90,5 в 2015 г.); наибольший же вклад внесла возрастная группа 25-29 лет при значительном снижении вклада младших групп репродуктивного возраста до 20 лет и 20-25 лет (рис. 6.3). В сельской местности увеличение вклада в рождаемость наблюдается во всех возрастных группах, причем также активно сохраняется роль женщин из возрастной группы до 20 лет (рис. 6.4).

Кроме того заметим, что при сохранении положительной динамики коэффициента рождаемости в республике средний возраст матери в 2010 г. составил 27,5 лет¹⁷³ (2005 г. — 26,7 лет¹⁷⁴). Сдвиги рождаемости к более старшим возрастам могут иметь отрицательные последствия на уровне рождаемости в будущем.

¹⁷¹ Федотова Н.Д. Демографический потенциал детства в Республике Саха (Якутия) // Интерактивная наука. 2018. №12 (34). С. 66-68.

¹⁷² Носкова А.В. Социальные аспекты решения демографической проблемы низкой рождаемости // Социологические исследования. 2012. №8. С. 60-71; Федотова Н.Д. Демографический потенциал детства в Республике Саха (Якутия) // Интерактивная наука. 2018. №12 (34). С. 66-68.

¹⁷³ Методические рекомендации по разработке региональных программ демографического развития. М., 2012. С.4. URL: <https://rosmintrud.ru/uploads/magic/ru-RU/14384b1c-1500962009.docx> (дата обращения: 26.10.2018)

¹⁷⁴ Сукнева С.А. Основные закономерности изменения рождаемости в Республике Саха (Якутия) // Наука и образование. 2007. №3. С. 111.

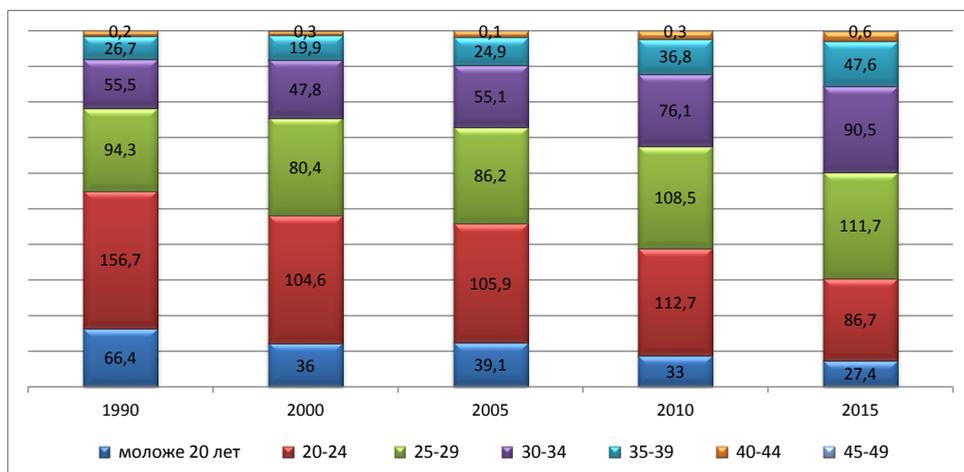

Рис. 6.3. Число родившихся на 1000 женщин соответствующей возрастной группы в городской местности Якутии по годам¹⁷⁵.

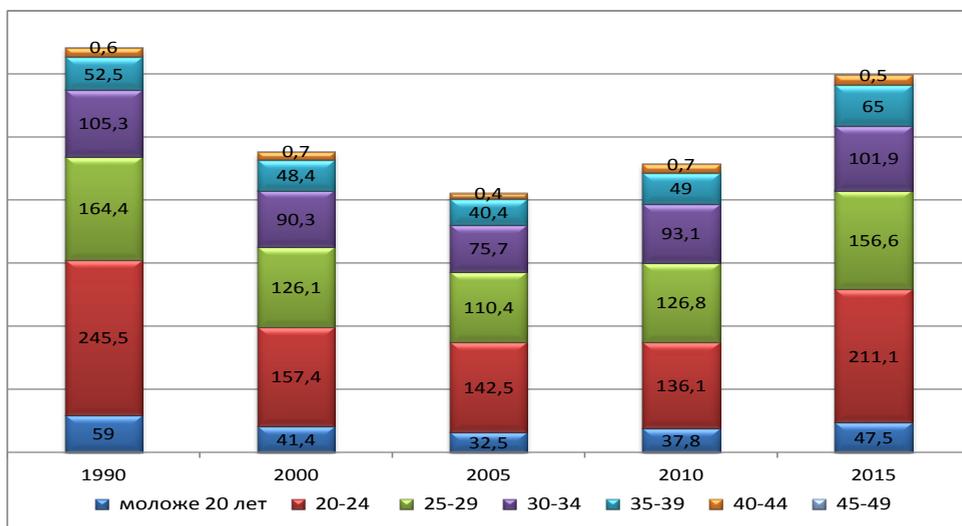

Рис. 6.4. Число родившихся на 1000 женщин соответствующей возрастной группы в сельской местности Якутии по годам¹⁷⁶.

По мнению исследователей, демографическое благополучие Якутии считается относительным, поскольку рост населения происходит только за счет одного из демографических компонентов. В частности, сравнительно высокие показатели рождае-

¹⁷⁵ Статистический ежегодник Республика Саха (Якутия): стат. сбор. Якутск, 2016. С.77.

¹⁷⁶ Там же.

мости обеспечивают простое или слаборасширенное воспроизводство населения Якутии¹⁷⁷.

Дети как особая социально-демографическая группа в структуре населения. Особенностью современного народонаселения Республики Саха является достаточно большой удельный вес детей в общем составе жителей Якутии (табл.6.3). Так, по данным ВПН-2010, доля детского населения по республике составляла 26,4%, в т.ч. 23,4% — в составе жителей городских, 31,7% — сельских поселений¹⁷⁸. Сравнение результатов переписей 2002 и 2010 годов показывает, что численность детского населения Якутии в возрасте от 0 до 17 лет в межпереписной период сократилась на 4,1% (30,5% — в 2002 г.).

В целом, сокращение общей численности детского населения началось в постсоветское время: с 36,2% в 1989 г. до 24,7% в 2016 г. в составе населения республики, в т.ч. детей-горожан — с 30,7 до 22,3%, сельских детей — с 36,4 и 29,1%. Положительная динамика роста численности детей наблюдается с 2011 г. (23,3%); с 2012 г. аналогичная тенденция отмечается как в городских, так и сельских поселениях Якутии.

Таблица 6.3

**Распределение детей по возрастным группам¹⁷⁹
(на 1 января соответствующего года)**

	1989	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Все население	1094,1	962,5	953,2	958,5	958,3	955,9	955,6	954,8	956,9	959,7
в т.ч. в возрасте, лет:										
0-14, тыс. чел.	338,6	251,3	218,6	208,7	209	211	214,3	217,1	221	223,9
0-14, %	30,9	26,1	22,9	21,8	21,8	22,1	22,4	22,7	23,1	23,3
15-19 тыс. чел.	73	87,9	96,6	75,7	74,4	70	65,7	63,6	60,9	59,2
15-19, %	6,7	9,1	10,1	7,9	7,8	7,3	6,9	6,7	6,4	6,2
0-15 тыс. чел.	356,2	271,2	238,2	223,3	223,4	224,5	227,1	229,9	233,2	236,7

¹⁷⁷ Атлас демографического развития России. М., 2009. 186 с. URL: <http://www.old.ryazantsev.org/book1-10.pdf> (дата обращения: 13.12.2018); Федотова Н.Д. Демографический потенциал детства в Республике Саха (Якутия) // Интерактивная наука. 2018. №12 (34). С.66-68.

¹⁷⁸ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т.2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. Таблица 2. Население по возрастным группам и полу по субъектам РФ. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogil612.htm (дата обращения: 13.11.2018).

¹⁷⁹ Рассчитано по: Статистический ежегодник Республика Саха (Якутия): стат. сб. Якутск, 2016. С. 61-62.

0-15, %	36,2	28,2	25,0	23,3	23,3	23,5	23,8	24,1	24,4	24,7
Городское население	731,9	616,0	609,5	614,5	614,6	617,1	620,5	622,7	624,7	627,8
в т.ч. в возрасте, лет:										
0-14 тыс. чел.	213,4	140,6	123,9	118,9	119,5	121,9	125,6	127,6	130,2	132,7
0-14, %	29,2	22,8	20,3	19,3	19,4	19,8	20,2	20,5	20,8	21,1
15-19 тыс. чел.	46,9	55,3	57,2	46	44,8	42,4	39,4	39,1	37,5	36,8
15-19, %	6,4	9,0	9,4	7,5	7,3	6,9	6,3	6,3	6,0	5,9
0-15, тыс. чел.	224,5	152,8	134,8	127,0	127,5	129,3	132,6	135,0	137,1	140,2
0-15, %	30,7	24,8	22,1	20,7	20,7	21,0	21,4	21,7	21,9	22,3
Сельское население	362,1	346,5	343,6	344,0	343,7	338,8	335,1	332,1	332,2	331,9
в т.ч. в возрасте, лет:										
0-14 тыс. чел.	125,3	110,7	94,6	89,8	89,6	89	88,6	89,5	90,9	91,2
0-14, %	34,6	32,0	27,5	26,1	26,1	26,3	26,4	26,9	27,4	27,5
15-19 тыс. чел.	26,1	32,6	39,4	29,7	29,5	27,5	26,3	24,4	23,4	22,3
15-19, %	7,2	9,4	11,5	8,6	8,6	8,1	7,8	7,3	7,0	6,7
0-15, тыс. чел.	131,7	118,4	103,4	96,3	95,9	95,2	94,4	94,8	96,1	96,5
0-15, %	36,4	34,2	30,1	28,0	27,9	28,1	28,2	28,5	28,9	29,1

Высокая доля детей моложе трудоспособного возраста в общем составе населения характерна для улусов (районов) с преобладанием сельских жителей: Момский — 33,1%, Оленекский — 32,2%, Анабарский — 31,7%, Горный — 31,5%, Верхневилуйский — 31,3%, Амгинский — 30,9%, Жиганский — 30,7%, Сунтарский — 30,8%, Нюрбинский — 30,4%, Мегино-Кангаласский — 30,1%, Усть-Алданский — 30%. Удельный вес детей ниже среднереспубликанского показателя по числу детей моложе трудоспособного возраста в общем составе населения наблюдается в основном в промышленных районах с преобладанием городского населения: Алданский (20,5%), Нерюнгринский (20,3%), Верхнеколымский (21,2%), Оймяконский (21,4%), Ленский (22,7%), г. Якутск с подчиненными территориями (22,7%), Мирнинский (22,9%), Усть-Майский (23,5%), Олекминский (23,8%)¹⁸⁰.

Гендерное распределение детей характеризуется преобладанием числа мальчиков как в целом по республике, так и в сельской и городской местностях (табл. 6.4).

¹⁸⁰ Рассчитано по: Статистический ежегодник Республика Саха (Якутия): стат. сбор. Якутск, 2017. С. 67.

Таблица 6.4

Распределение численности детей по полу на 1 января 2016 г.¹⁸¹

	Все население		Городское		Сельское	
	мальчики	девочки	мальчики	девочки	мальчики	девочки
Всего	465,7	494,0	301,2	326,6	164,5	167,4
в т.ч. в возрасте:						
0-14 лет, тыс. чел.	114,3	109,6	67,7	65	46,6	44,6
0-14 лет, %	24,5	22,2	22,5	19,9	28,3	26,6
15-19 лет, тыс. чел.	29,8	29,4	18	18,8	11,8	10,5
15-19 лет, %	6,4	6,0	6,0	5,8	7,2	6,3

По такому социально-демографическому индикатору как младенческая смертность (число умерших детей в возрасте до одного года на тысячу родившихся живыми) Республика Саха находится в середине рейтинга субъектов Российской Федерации. Несмотря на устойчивый тренд снижения младенческой смертности: с 17,2‰ в 2000 г. до 7,2‰ в 2016 г., этот коэффициент выше, чем в среднем по стране (6‰) и по ДВФО (6,5‰)¹⁸².

В структуре причин смертности детей до года ведущими остаются отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде (28‰ на 10000 родившихся живыми); на втором месте — врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные аномалии (7‰); на третьем — внешние причины и болезни органов дыхания (по 5,6‰)¹⁸³. Среди детей от 1 до 14 лет — соответственно, несчастные случаи, врожденные аномалии, болезни нервной системы и органов кровообращения. Особую тревогу вызывает смертность детей 15-17 лет, в структуре причин которых 90,6% составляют несчастные случаи, прежде всего, суициды — 51,7%¹⁸⁴.

В настоящее время сохраняются негативные тенденции в состоянии здоровья детского населения Якутии, прежде всего, это снижение потенциала физического здоровья не только на инди-

¹⁸¹ Статистический ежегодник Республика Саха (Якутия): стат. сбор. Якутск, 2016. С. 60.

¹⁸² Естественное движение населения Республики Саха (Якутия) за 2017 г.: стат. сбор. №5/269. Якутск, 2018. Т.1. С. 118; Федотова Н.Д. Демографический потенциал детства в Республике Саха (Якутия) // Интерактивная наука. 2018. №12 (34). С. 66-68.

¹⁸³ Естественное движение... Указ. соч. С. 114.

¹⁸⁴ Федотова Н.Д. Детство в Республике Саха (Якутия): возможности и проблемы // Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия). Вып. 1. Сб. науч. ст. Якутск, 2015. С. 64-81.

видуальном, но и на популяционном уровне: до 70% детей, проживающих в северных регионах, имеют отклонения в состоянии здоровья¹⁸⁵.

Дети и семья. Социальная мобильность охватывает все сферы жизни современного общества. Как отмечает С.Н. Майорова-Щеглова, детство в узком смысле воспринимается как особый возрастной период жизни человека, характеризующийся первичной, прежде всего, семейной социализацией. Новые тенденции социального неравенства раннего детства она связывает с поселенческим (мегаполисы–провинция–деревня) и экономическим (богатые–бедные) фактором¹⁸⁶.

Защита ребенка, по утверждению Дж. Урри, это форма «проживания в мобильности». Развитие гармоничной личности, достижение детьми высокого положения в обществе находятся в неразрывной связи с сетевым капиталом, элементы которого составляют: семья и окружение, доступность, возможность выбора, здоровье, безопасные места, места для развития и творчества, взаимосвязи и коммуникации. Концепция «доступа» состоит из четырех составляющих: экономической, физической, организационной и темпоральной¹⁸⁷.

В указанном контексте обратимся непосредственно к статистическим данным, демонстрирующим состояние семьи как базового института общества в Республике Саха. Как регион с относительно высокой рождаемостью, Якутия всегда характеризовалась высокими темпами прироста численности семей с детьми и, соответственно, их высокой долей в общем числе семей.

Сравнение итогов Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. показывает существенное снижение числа семей с детьми моложе 18 лет: соответственно, с 65,6 до 58,9% в целом по республике; в городских поселениях — с 62,4 до 54,6%, в сельских — с 74,7 до 67,7%. Таким образом, более значительное снижение числа семей с детьми происходит в городской местности республики.

¹⁸⁵ Детское население Республики Саха (Якутия): проблемы сокращения предотвратимых потерь. Якутск, 2011. 150 с.

¹⁸⁶ Майорова-Щеглова С.Н. Детство в начале XXI века: парадоксы развития и функционирования // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2007. С. 191-201. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/detstvo-v-nachale-hhi-veka-paradoksy-razvitiya-i-funktsionirovaniya-1> (дата обращения: 20.12.2018).

¹⁸⁷ Урри Дж. Мобильности. М., 2012. С. 362-363; С. 354.

Сокращение численности членов семей влияет на трансформацию структуры семьи в сторону однодетных; такая тенденция типична для городских поселений Якутии, где наблюдается значимый количественный разрыв между однодетными и многодетными семьями. Для сельской местности характерно падение числа двухдетных семей и заметное снижение числа семей, имеющих трех и более детей. В целом, число детей находится в тесной взаимосвязи с местом проживания семьи (табл. 6.5)¹⁸⁸.

Таблица 6.5

**Распределение семей по типам поселений
в зависимости от количества детей в 2010 г., %**

Семьи с детьми	Город	Село
с 1 ребенком	63,6	50,0
с 2 детьми	29,6	31,2
с 3 и более детьми	6,8	18,8

О последовательном снижении количества детей в семье свидетельствует уменьшение численности семей с тремя, четырьмя, пятью и более детьми (рис. 6.5). Фактически, сегодня самыми распространенными являются малодетные семьи с одним ре-

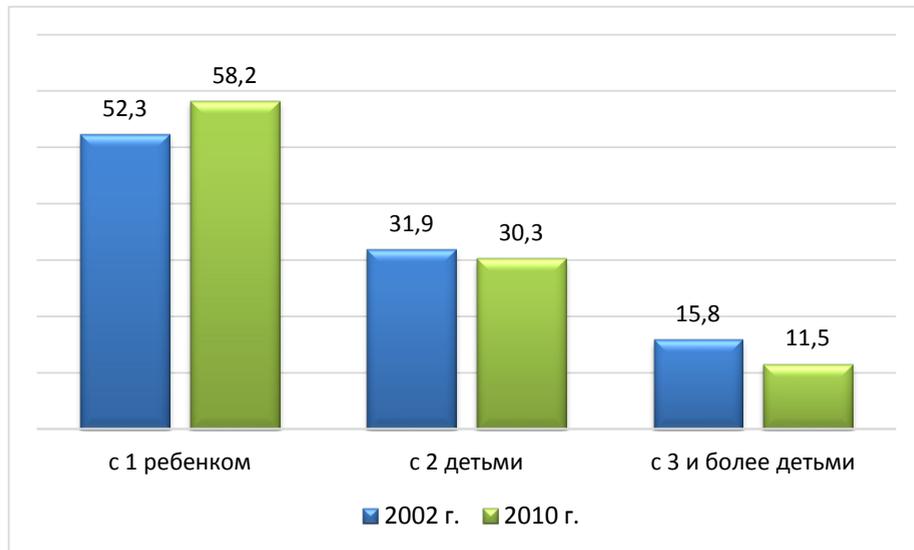

Рис. 6.5. Распределение семей в зависимости от количества детей в 2002 и 2010 гг., в %

¹⁸⁸ Демографические процессы в Республике Саха (Якутия): территориальный аспект. Якутск, 2017. С.72-77.

бенком, т.е. каждый второй ребенок Якутии растет единственным ребенком в семье. Все отмеченные изменения позволяют предположить, что в обозримом будущем процесс распространения 1-2-детной модели семьи продолжится. В результате, в семейной структуре населения Республики Саха преобладающей станет семья современного типа — малая нуклеарная семья, состоящая из супружеской пары с детьми.

Также последовательно уменьшается количество детей, растущих в полных семьях (супружеская пара): с 70,3% в 2002 г. до 66,6% в 2010 г. и, напротив, растет численность детей, растущих в неполной семье: с 29,6% в 2002 г. до 33,3% в 2010 г. (табл. 6.6). Этот устойчивый тренд говорит о том, что реализация основополагающего права каждого ребенка жить и воспитываться в семье, закрепленного в «Конвенции о правах ребенка» и «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 гг.», затрудняется реалиями самой жизни¹⁸⁹.

Таблица 6.6

Распределение по составу семей с детьми моложе 18 лет, %¹⁹⁰

Годы	Семьи, имеющие детей моложе 18 лет	Супружеские пары с детьми	Матери с детьми	Отцы с детьми
2002	100	70,3	26,8	2,8
2010	100	66,6	30,4	2,9

Анализ показателей брачного поведения населения Якутии показывает большие изменения. Согласно статданным, коэффициент брачности характеризовался резким снижением в 1990-2000 гг. (с 10,4 до 6,1‰). Далее происходит рост числа заключенных браков, достигнув пика в 2011 г. (9,4‰), затем снова наблюдается спад коэффициента брачности, в 2017 г. он составил 7,1‰. На таком фоне брачно-семейных отношений коэффициент разводимости супружеских пар варьировался в пределах от 4,2‰ в 2000 г. до 5‰ в 2011 гг.; в 2017 г. он составил 4,1‰. Следовательно, можно говорить о неустойчивости браков: почти половина брачных союзов в Якутии заканчивается разводом.

¹⁸⁹ Федотова Н.Д. Детство в Республике Саха (Якутия): возможности и проблемы // Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия). Вып. 1. Сб. науч. ст. Якутск, 2015. С. 64-81.

¹⁹⁰ Рассчитано по: Сводные итоги ВПН 2010 г. Т.11. Состояние населения в браке, число и состав домохозяйств, рождаемость. Раздел 3. Семейные ячейки, входящие в состав частных домохозяйств, по числу детей моложе 18 лет по субъектам РФ. Таблица 10. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogil612.htm (дата обращения: 13.11.2018).

В процесс распада семей оказываются включенными и дети, т.к. число распавшихся семей с детьми остается устойчиво высоким. Согласно данным демографов, в 1991 г. 40,3% расторгших брак семей имели одного ребенка, каждая пятая распавшаяся пара имела двух детей, 3,7% разведенных супругов была с тремя и более детьми¹⁹¹. В 2011 г. распалось 4764 пары, у которых воспитывалось 2877 детей¹⁹². В 2017 г. из 3994 расторгнувших брак супружеских союзов, 22,1% пар имели одного, а 15,8% пар — двух и более детей. В результате, 1487 детей республики пострадали из-за развода родителей¹⁹³. Таким образом, при тревожной тенденции роста числа неполных семей, положение детей данной группы и их дальнейшее развитие и воспитание представляется все более проблематичным.

Брачное поведение населения Якутии также подвержено влиянию современных тенденций — росту количества неофициальных браков. Если в 2002 г. брачные отношения 13,1% мужчин не носили юридически оформленную форму, то в 2010 г. их число возросло до 17,7%. В то же время в России этот показатель находился в пределах от 9,8% в 2002 г. до 13,3% в 2010 г. Такая ситуация характерна и для женской части населения региона. Данный процесс, по мнению исследователей, характеризует изменение социальных функций современной семьи и института брака¹⁹⁴.

В этой связи симптоматично изменение показателя внебрачной рождаемости: удельный вес числа родившихся вне официального брака в общей численности родившихся в 2002–2010 гг. увеличился на 4%. В 2010 г. доля детей, родившихся у матерей, не состоящих в официальном браке, составила 37,8% в общем числе зарегистрированных рождений. Сравнение статистических данных по типу поселения показывает, что в 1990–2005 гг. число рождений вне зарегистрированного брака у городских женщин было выше, чем у сельских; однако, начиная с 2007 г.

¹⁹¹ Барашкова А.С. Северная семья: демографический и социально-экономический аспекты. Новосибирск, 2009. С. 43.

¹⁹² Об утверждении Стратегии действий в интересах детей Республики Саха (Якутия) на 2012–2017 годы / Указ Президента РС(Я) №1769 от 14 декабря 2012 г. URL: <http://old.sakha.gov.ru/node/150021> (дата обращения: 12.12.2018).

¹⁹³ Естественное движение населения Республики Саха (Якутия) за 2017 г.: стат. сбор. №5/269. Якутск, 2017. Т.2. С. 57.

¹⁹⁴ Барашкова А.С., Сукнева С.А. Конфликтогенные факторы брачного поведения населения Якутии // Регион: экономика и социология. 2011. №4. С. 118.

по настоящее время тенденция рождений вне брака стала характерна и для сельской местности Якутии (рис. 6.6).

Рис. 6.6. Количество родившихся у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, % от общего числа родившихся¹⁹⁵

Таким образом, изменения брачного поведения (распространение неофициальных форм брака — пробных браков, гражданских браков и т.п.), рост числа разводов (каждый второй брак) и внебрачных рождений являются факторами, оказывающими влияние на процессы рождения и воспитания детей, в целом на безопасность детства.

Занятость родителей как фактор стартовой мобильности детей. Гарантия трудовой занятости родителей является одним из существенных показателей, определяющих социальный статус семьи как субъекта воспитания. Отсутствие работы — фактор не только низкого уровня жизни семьи и невозможности удовлетворения потребностей ребенка. Общественное положение безработных определяет низкий статус семьи в ее социальном окружении и формирует низкую самооценку как у родителей, так и у детей. Кроме того, безработица, со своей стороны, стимулирует процесс трудовой миграции¹⁹⁶.

Обратимся к итогам социологического опроса, проведенного в трех городах (Якутск, Мирный, Покровск) и четырех сельских населенных пунктах Верхневилуйского, Горного и Хангалас-

¹⁹⁵ Статистический ежегодник Республика Саха (Якутия): стат. сбор. Якутск, 2017. С. 81.

¹⁹⁶ Социальное пространство российских регионов: монография. М., 2017. С.112.

ского улусов. Социально-демографические характеристики опрошенного населения представлены в приложении 10.

Таблица 6.7

Структура занятости респондентов, %

	Город	Село
Образование, дошкольное воспитание	16,6	28,4
Здравоохранение, социальное обеспечение	15,7	9,5
Промышленность, строительство, транспорт, связь, производство и распределение электроэнергии, газа и воды	13,2	6,8
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство	2,6	14,2
Сфера услуг, бытовое обслуживание, оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; гостиницы и рестораны; предоставление прочих коммунальных, персональных услуг	17,0	10,8
Культура, наука, СМИ, спорт	6,4	10,8
Органы управления, кредитно-финансовая среда (операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг), страхование, пенсионное обеспечение	8,5	10,8
Армия, МВД, ФСБ	14,5	1,4
Другая отрасль	3,8	3,4
Нет ответа	1,7	2,7

Отметим, что распределение респондентов по занятиям соответствует представленным в городских и сельских поселениях Республики Саха видам социально-экономической деятельности (табл. 6.7). Понятно, что наибольшее количество опрошенных сельчан заняты в сельском хозяйстве, охоте, лесном хозяйстве, рыболовстве, рыбоводстве, а также в бюджетной сфере: это образование, дошкольное воспитание, здравоохранение, социальное обеспечение, культура. Структура занятости респондентов-горожан отражает существующее состояние распределения занятого городского населения по отраслям экономики Якутии. На региональном рынке труда они в основном представлены в промышленности, строительстве, транспорте, связи, оптовой и розничной торговле. В сфере коммерческих услуг являются работниками кафе, мини-гостиниц, парикмахерских, автосервиса, ремонта электроники, частных поликлиник, транспортных фирм и др.

На момент опроса к группе не работающих отнесли себя 8,8% опрошенных в сельских поселениях, 2,6% — в городских; находились в декретном отпуске или отпуске по уходу за ребенком

6,1% респондентов-сельчан и 4,3% — горожан; неработающие пенсионеры представлены только в сельской местности (0,7%).

Материальное положение семей. В литературе отмечается, что для достижения полноценной социализации детей одним из основных факторов становятся материальные возможности семьи¹⁹⁷. Согласно данным ТО ФСГС по РС(Я), численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума по республике составляла в 2010 г. 182,1 тыс. чел. или 19% от общей численности населения; в 2016 г. — 189,6 тыс. чел. (19,8%), т.е. прирост составил 4,1%. Уровень бедности в Якутии выше, чем показатель в среднем по России (13,4%)¹⁹⁸.

В Якутии сильнее, чем в других экспортных регионах России, проявляется неадекватность средних показателей денежных доходов населения, так как они скрывают огромное неравенство доходов, которое очевидно при сравнении заработной платы по отдельным отраслям, прежде всего, в промышленности и сельском хозяйстве республики. Относительно низкий уровень бедности (20% населения) вызывает много вопросов, поскольку зарплата в аграрном секторе очень мала, а в сельской местности живет треть населения, имеющая высокую долю детей (в среднем по России — 18%). Одна из причин — пониженный прожиточный минимум, используемый для расчетов, он на 10% меньше, чем на Сахалине, и на 20% — по сравнению с Камчаткой¹⁹⁹.

Сосуществование нескольких республиканских экономик: ресурсно-экспортной с высокими доходами, «бюджетной» и высокодотационной аграрной определяют степень внутрирегионального неравенства. Среди лидеров преобладают крупнейшие города и промышленные районы с преимущественно русским населением. Улусы (районы) с минимальными доходами в основном являются чисто аграрными и почти моноэтничными.

¹⁹⁷ Дементьева И.Ф. Социализация детей в семье в условиях трансформации: тенденции, факторы, детерминанты: дисс... д-р социол. наук. М., 2006. С. 248.

¹⁹⁸ Отчёт исполнительных органов государственной власти Республики Саха (Якутия) об итогах деятельности за 2017 г. URL: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/2856903> (дата обращения: 18.07. 2018); Федотова Н.Д. Семья с детьми в Республике Саха (Якутия): к вопросу о материальном положении // Теория и практика общественного развития. 2018. №8. С. 43-46.

¹⁹⁹ Социальный атлас российских регионов / Портреты регионов. URL: <http://www.socpol.ru/atlas/portraits/yak.shtml> (дата обращения: 01.12.2018)

ми (доля саха близка к 90% или выше). Большая же часть улусов имеют доходы, близкие/ниже среднереспубликанского показателя²⁰⁰.

В 2010 г. малоимущие домашние хозяйства Якутии были распределены следующим образом: в городской местности — 53,3%, сельской — 46,7%. В 2015 г. соотношение малоимущих домохозяйств изменилось в другую сторону: количество проживающих в городах уменьшилось на 7,89% и составило 49,4%, соответственно, на селе увеличилось на 8,35% и составило 50,6%. Если в 2011-2014 гг. можно было наблюдать приток малоимущих домохозяйств в городские поселения Якутии, то вследствие ухудшения экономической ситуации число малоимущих домохозяйств в сельских поселениях возросло²⁰¹.

В условиях рыночной экономики произошел значительный разрыв уровня доходов семей, где наиболее уязвимыми в отношении материального благополучия оказались семьи с несовершеннолетними детьми. Уровень бедности также значительно различается в зависимости от числа детей: в многодетных семьях он существенно выше. Специалисты отмечают, что бедность домохозяйств без детей снижается, а с детьми — растет. Многодетные домохозяйства с большей вероятностью воспроизводят бедность и дольше остаются в этом состоянии²⁰².

Согласно статданным, в 2010 г. в Республике Саха малоимущие домохозяйства без детей составляли 15,6% от всего количества малоимущих домашних хозяйств; семьи с детьми в возрасте до 16 лет — 84,4%, из них семьи с одним-двумя детьми — 63,4%, с тремя и более детьми — 20,9% (табл. 6.8). В 2015 г. число домохозяйств без детей уменьшилось на 27,8% и составило 12,2% в составе всех малоимущих домашних хозяйств. Число семей с детьми в возрасте до 16 лет выросло на 4% и составило 87,8%, из них семьи с одним-двумя детьми — 60,8%, с тремя и более детьми — 27%²⁰³. Таким образом, число малоимущих домохозяйств с детьми увеличилось, при этом наиболее ухуд-

²⁰⁰ Федотова Н.Д. Детство в Республике Саха (Якутия): возможности и проблемы // Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия). Вып. 1. Сб. науч. ст. Якутск, 2015. С. 64-81.

²⁰¹ Федотова Н.Д. Семья с детьми в Республике Саха (Якутия): к вопросу о материальном положении // Теория и практика общественного развития. 2018. №8. С. 43-46.

²⁰² Семья и человеческое развитие в Республике Башкортостан. Уфа, 2012. С.50; Федотова Н.Д. Указ. соч.

²⁰³ Федотова Н.Д. Указ.соч.

шилось материальное положение многодетных домохозяйств с тремя и более детьми. Представляется, что недостаточность социальных ресурсов в этих семьях может препятствовать стремлению детей к «вертикальной мобильности», к жизненным достижениям²⁰⁴.

Таблица 6.8

Малоимущие домашние хозяйства РС(Я) по наличию детей²⁰⁵, %

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Домашние хозяйства без детей	15,6	12,4	14,1	20,1	15,4	12,2
Домашние хозяйства, имеющие детей в возрасте до 16 лет В том числе:	84,4	87,6	85,9	79,9	84,6	87,8
1-2 детей	63,4	62	56,6	50,8	55,5	60,8
3 и более детей	20,9	25,6	29,3	29,1	29,1	27,0

Семьи играют ключевую роль в социальном воспроизводстве, однако у данного процесса есть побочный эффект, заключающийся в воспроизводстве социального неравенства. Так, от финансовых возможностей родителей непосредственно зависит комфортность жилья, уровень услуг в области образования и здравоохранения, разнообразие досуга детей и т.д. Различное качество жизни детей из богатых и бедных семей создает неравенство между ними и зачастую оказывается предпосылкой для дальнейших неравенств. То есть, уже в самом раннем детстве ресурсы родителей задают важные ориентиры для всей дальнейшей биографии, а вместе с тем, и для положения в структуре социального неравенства²⁰⁶.

Успешное функционирование семьи как воспитательного института обусловлено наличием у нее соответствующих ресурсов в денежном и натуральном выражении, позволяющих супругам-родителям поддерживать необходимый жизненный стандарт развития ребенка. Социальный статус родителей, передаваемый детям, в решающей степени определяет самооценку детей и шансы последних на жизненный успех²⁰⁷.

²⁰⁴ Социальное пространство российских регионов: монография. М. 2017. С.110.

²⁰⁵ Распределение малоимущих домашних хозяйств по основным категориям / ТО ФСГС по РС(Я). URL: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/statistics/standards_of_life/ (дата обращения: 15.04.2018).

²⁰⁶ Социальный потенциал молодых семей как фактор развития региона: монография. Хабаровск, 2013. С. 14.

²⁰⁷ Социальное пространство российских регионов: монография. М., 2017.

В этой связи отметим, что располагаемые ресурсы домашних хозяйств с детьми в возрасте до 16 лет ниже (в среднем 25051,8 руб.), чем у бездетных семей (в среднем 35363,3 руб. в месяц на члена домохозяйства). При этом, семьи без детей имеют больший размер долга по кредиту или ссуде — 27,2% всех домохозяйств соответствующей категории, чем домохозяйства с детьми — 16,6%. Этот факт свидетельствует о том, что наличие детей в семье повышает ответственность при наличии финансовых обязательств. Низкий уровень доходов, соответственно, низкое качество жизни и нестабильное положение, приводят к социальному неблагополучию, разрыву внутрисемейных взаимоотношений, домашнему насилию, детской безнадзорности и росту детской смертности от внешних причин²⁰⁸.

Таблица 6.9

Оценка семейного дохода для удовлетворения потребностей семьи, %

	Город	Село	Массив
Денег не хватает даже на продукты питания	3,4	10,8	6,3
На продукты питания денег хватает, но покупка одежды уже вызывает затруднения	19,1	35,8	25,6
Денег хватает на продукты и одежду, однако покупка вещей длительного пользования для нас является проблемой (телевизор, холодильник и т.д.)	43,0	31,8	38,6
Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования, но нам сложно приобрести дорогие вещи (автомобиль, квартира, дача)	32,3	18,2	26,9
Мы можем позволить себе приобретать такие дорогие вещи, как квартира, дача	0,9	2,0	1,3

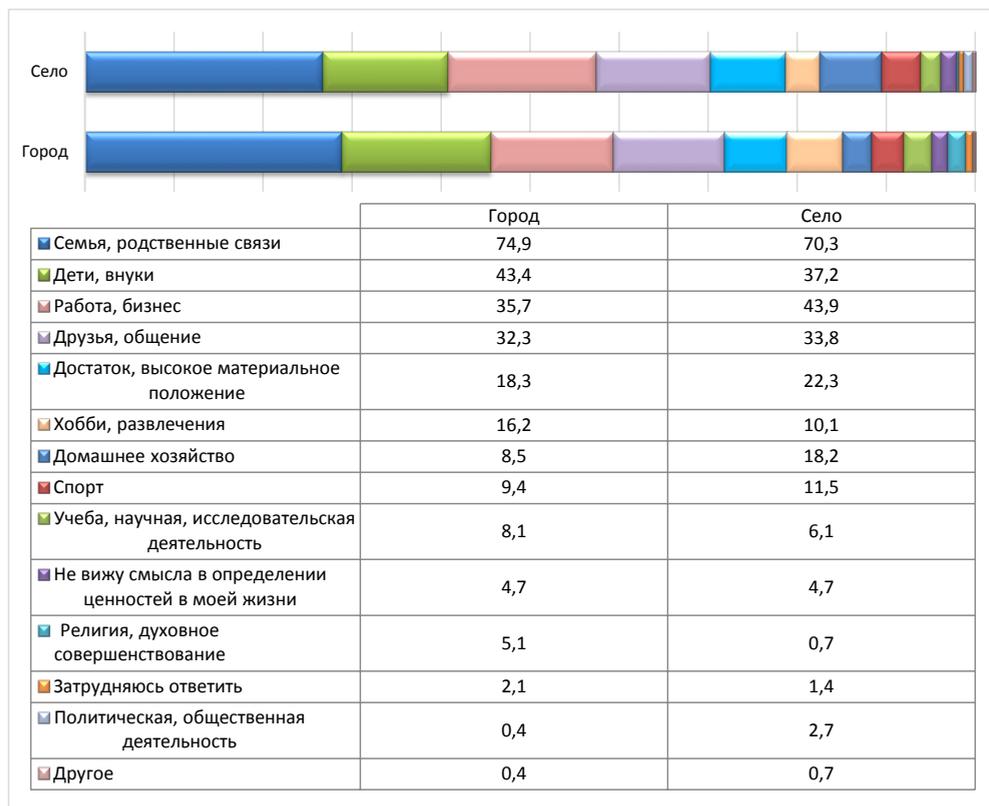
Согласно итогам опроса, 22,5% опрошенных горожан находятся в «зоне бедности», т.е. доходы данной группы не позволяют приобретать товары свыше минимально необходимого набора базовых продуктов питания (табл. 6.9). В «зоне риска» пребывают 43% респондентов, которые вынуждены экономить для приобретения товаров длительного пользования; в «зоне комфорта» — 33,2%, они могут позволить себе покупку товаров длительного пользования.

В сельской местности Якутии материальное благополучие

С. 109-110.

²⁰⁸ Государственная программа РС(Я) «Реализация семейной, демографической и молодежной политики в Республике Саха (Якутия) на 2014-2016 годы». Указ Президента РС(Я) №2511 от 24 февраля 2014 г. URL: <http://old.sakha.gov.ru/sites/default/files/24/files/%D0%A3%D0%BA%D0%B0%D0%B7%202511.pdf> (дата обращения: 31.10.2016).

семей оставляет желать лучшего. Так, 46,6% опрошенных находятся в «зоне бедности», причем 10,8% из них — в зоне «критической бедности» (нищеты), им приходится голодать, доходов семьи недостаточно даже на покупку продуктов питания. В «зоне риска» находятся 31,8% опрошенных-сельчан; 20,2% живут в «зоне комфорта». Таким образом, тяжелое материальное положение сельских семей представляет большую социальную проблему, учитывая, что 31,7% жителей сел республики являются детьми. Такая ситуация способствует формированию у детей поведенческого принципа «понижающего старта», т.е. осозна-

ния ими своих низких стартовых возможностей²⁰⁹.

Рис. 6.7. Ценности респондентов, %

Ценности и ценностные ориентации — сложные психологические феномены, являющиеся составной частью системы отношений личности, а также определяющие общий подход челове-

²⁰⁹ Социальное пространство российских регионов: монография. М., 2017. С. 110.

ка к миру, к себе, придающие смысл и направление личностным позициям, поведению, поступкам. Очевидно, что ценностно-мотивационный потенциал родителей крайне актуален с позиций их трансляции будущим поколениям²¹⁰.

Распределение ответов на вопрос: «Что делает Вашу жизнь полноценной и содержательной?» в поселенческом разрезе высвечивает совпадение в ценностных установках городских и сельских респондентов, а именно в структуре пяти доминирующих ценностей — «семья, родственные связи», «работа, бизнес», «друзья, общение», «дети, внуки», «достаток, высокое материальное положение». То есть, семейные ценности остаются важными социокультурными ориентирами как в урбанизированной, так и сельской среде. Однако их ранжирование показывает, что для горожан второй по значимости ценностью являются «дети и внуки», тогда как для сельских жителей наиболее значима «работа, бизнес» (рис. 6.7). Косвенно, структура ценностных ориентаций большинства сельских респондентов говорит о том, что обеспечивать экономическую безопасность детства на селе становится все труднее.

Анализ обращений граждан к Уполномоченному по правам ребенка в Республике Саха (Якутия) подтверждает существующие проблемы в сфере благополучия детского населения Якутии. В соответствии с количеством и содержанием обращений, наиболее острыми являются:

1) жилищный вопрос, в т.ч. обеспеченность благоустроенным жильем наиболее уязвимых групп — многодетных и молодых семей, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (25% от общего числа обращений в 2015 г.);

2) ухудшающееся материальное положение семей (в 2014 г. число малоимущих домашних хозяйств с детьми до 16 лет составило 84,6%);

3) доступность образования: обеспеченность детей в возрасте от 1 до 6 лет местами в дошкольных образовательных учреждениях в 2014 г. составила: по городской местности — 551,0 мест на 1000 детей, сельской — 660,0; трудности с зачислением в первые классы средних общеобразовательных учреждений, особенно в столичном г. Якутске.

Таким образом, главная проблема в отношении детей, как особой социально-демографической группы населения, заклю-

²¹⁰ Социальный потенциал молодых семей как фактор развития региона: монография. Хабаровск, 2013. С. 70.

чается в социальном неравенстве, дифференциации по социальным критериям, неравенстве условий стартового потенциала, различных жизненных шансах детей на получение социальных и культурных благ²¹¹. Учитывая, что для создания мобильности, перехода и современности существуют гибкие системы людей и материалов, которые обеспечивают особый потенциал мобильности (или «мотильность», т.е. подвижность²¹²), следует признать, что современное якутское село ограничивает жизненные перспективы семей с детьми, семей с малыми доходами.

Дифференциация семей по уровню материального достатка определяет их благосостояние и финансовое положение, социальный статус, что непосредственно сужает возможности для всестороннего развития детей. Основным фактором дифференциации является место проживания респондентов, усугубляемое трудностями в сфере занятости.

²¹¹ Нуруллина Э.Р. Статус детей в современном российском обществе и семье (на примере г. Казани): автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Казань, 2012. С. 17.

²¹² Урри Дж. Мобильности. М., 2012. С. 287.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современное социальное пространство Республики Саха (Якутия) представляет собой тесное взаимовлияние и взаимопроникновение проблем новой индустриализации, модернизации, урбанизации региона и традиционных хозяйств коренных народов, изменений климата, окружающей среды и уязвимых северных территорий, внутренней и внешней миграции. Социологический анализ региональных особенностей территориальной и социальной мобильности разных социальных групп, составляющих население Республики Саха (Якутия), проводился в неразрывном сочетании демографических аспектов и факторов, определяющих социальную мобильность.

В центре проблемы формирования социальной структуры региона, специфики мобильности общества стоит субъективный фактор воспроизводства социальных отношений и формирования общественных групп, индивидуальные и групповые ресурсы мобильности, наличие доступа и ограничений к каналам мобильности. В монографии приведены результаты социологических опросов, интервью с жителями республики, которые выражают свои интересы, решают или не решают свои цели и задачи, это — коренные народы Якутии, ведущие традиционный хозяйственный уклад жизни; члены семей, имеющих детей; внешние и внутренние мигранты, занятые в разных отраслях экономики. Учитывая этническое, культурное, конфессиональное многообразие региона, социальное поле этих людей разнообразно, для некоторых вопросы мобильности усложняют процессы социального воспроизводства, становятся вопросами равенства/неравенства, принимают формы социальной дискриминации/лифта.

Интервью с сельскими мигрантами показали следующие ресурсы мобильности: высокая миграционная подвижность сельских жителей республики, обусловленная, или ограниченная территориальной структурой внутренней миграции — село-город, которая не требует значительных мировоззренческих и финансовых инвестиций самих мигрантов, может характеризоваться положительно в контексте урбанизации и модернизации региона.

Ограничения мобильности сельских мигрантов связаны с низким уровнем капитала подвижности, или сетевого капитала, и могут вызвать элементы социального неравенства и напряжения в правовой и социальной системе города и общества. Выявлены следующие ограничения: в связи с отсутствием официального статуса мигранта или городского жителя: отсутствие прописки, регистрации по месту жительства и пребывания, создающие рынок неформального сектора занятости; институциональные ограничения в городских условиях (так, например, преимущественно социальное обеспечение остается в селе: пособия, компенсации, льготы, некоторые виды социальных и медицинских услуг за счёт средств фонда обязательного медицинского страхования, санаторно-курортное лечение, предоставление предметов первой необходимости (одежда, обувь, продукты питания) малоимущим гражданам и семьям); в связи с жилищными проблемами, дороговизной продаваемого и арендуемого жилья. Кроме этого необходимо отметить низкий уровень притязаний к условиям учебы и работы, предъявляемым работодателями; низкий социальный статус: нехватка материальных средств к существованию, несоответствие профессионально-квалификационного уровня требованиям потенциальных работодателей, сложности с адаптацией и социализацией в городских условиях.

Исследованием выявлено, что мигрантские сообщества в регионе формируются в подавляющем большинстве случаев по сетевой связи — горизонтальной неформальной коммуникации, основанной на персональном знакомстве: кровнородственных связях, связях основанных на формальных/неформальных отношениях, связях, основанных на территориальной легитимности. Если био-родовая память служит детерминантом родства и места, где индивид появляется на свет, то память союзов и слов определяется им самим. Траекторию коммуникации мигрантов и местного сообщества можно «схватывать» с помощью идей множественности Ж. Делеза и Ф. Гваттари, т.е. определяющим может стать память союзов и слов. Безусловно, приобретая много персональных знакомств и связей, мигрант может ими воспользоваться при адаптации в местах прибытия. И в дальнейшем он может неоднократно ими воспользоваться для территориальной мобильности.

В многообразии проявлений социальной мобильности в современных условиях традиционное хозяйство нашего края —

труженики и их хозяйства — испытывает на себе специфику горизонтальной мобильности — процесс адаптации к существующей аграрной системе. На основе традиционного хозяйственного образа жизни коренного населения региона формируются адаптационные стратегии, которые связаны с реализацией функционирования хозяйства как субъекта сельскохозяйственного производства экономики государства и личностного восприятия характера ведения традиционного хозяйства самими тружениками. Противоречивость и сложность реальной картины условий жизнедеятельности изучаемых хозяйств позволяют говорить о необходимости осторожной аграрной политики перед лицом реальной тревоги за постепенно ускользающий, но всеми силами старающийся сохранить свою самоценность, мир традиционного хозяйства коренных народов Якутии.

Проведенное исследование раскрывает стартовые условия социальной мобильности детей. На возможности мобильности городских и сельских детей значительное влияние оказывают: тип поселения; состав и тип семьи; материальное положение семьи. Один из главных факторов неравенства — по типу поселения, обусловлен особенностями исторически сложившейся системы расселения населения Республики Саха (Якутия), различиями в сфере приложения труда (промышленность — сельское хозяйство), уровнем доходов городских и сельских домохозяйств. Дифференциация денежных доходов и материального положения семей по типу поселения определяет возможности их доступа к основным социальным ресурсам: жилью, образованию и здравоохранению. Однако, изменение доступа не будет иметь положительного результата, если только не произойдут кардинальные изменения, развитие систем мобильности.

В данной монографии раскрывается определенный срез вопросов мобильности некоторых групп населения республики. Анализ особенностей социальной мобильности коренных народов Якутии, ведущих традиционный хозяйственный уклад жизни, сельских и городских детей, сельских мигрантов и мигрантских сообществ выявил палитру разнообразия уровней социальной и территориальной мобильности, социального неравенства разных групп населения и дает основание для дальнейшего исследования проблем этносоциального развития региона и разработки практических рекомендаций для органов государственного и муниципального управления, общественных и социальных организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Литература

Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций. Новосибирск: Нонпарель, 2011. 330 с.

Авраамова Е.М. Социальная мобильность в условиях российского кризиса // Общественные науки и современность. 1999. №3. С. 17-25.

Алешковский И.А. Внутренняя миграция в современной России: тенденции, детерминанты, политика. М.: ТЕИС, 2007. 112 с.

Анализ процессов углубления социокультурной модернизации России. Аналитический доклад по результатам плановой темы (2012-2016 гг.). Лапин Н.И. и др. М.: Институт философии РАН: Центр изучения социокультурных изменений, 2016. 125 с.

Антонов А.И. Социология семьи / А. И. Антонов, В. М. Медков. — М.: МГУ; Изд-во Междунар. ун-т бизнеса и упр. Братья Карич, 1996. 231 с.

Аргунов И. А. Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР (история формирования и современные проблемы). Якутск, Кн. изд-во, 1988. 227 с.

Аргунов И.А. Социальное развитие якутского народа (историко-социологическое исследование образа жизни). Новосибирск: Наука, 1985. 320 с.

Атлас демографического развития России /под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева. М.: Экономика, 2009. 186 с.

Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. М.: Весь Мир, 2016. 347 с.

Баишева С.М. Социальные проблемы национальной модернизации в Республике Саха (Якутия) // Этничность, религия и политика. Ялта: Ариал, 2015. С. 20-23.

Барашкова А.С. Северная семья: демографический и социально-экономический аспекты. Новосибирск: Наука, 2009. 159 с.

Барашкова А.С., Сукнева С.А. Конфликтогенные факторы брачного поведения населения Якутии // Регион: экономика и социология. 2011. № 4. С. 116-132.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования/ пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 2004. 790 с.

Беляева Л.А. Внутренние вызовы российской модернизации // Философские науки. 2014. № 11. С. 32-45.

Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. №1. С. 33-42.

Бемянская М.Х. Традиция и современность. Культура выживания северных тунгусов в Северо-Восточной Азии. Историко-этнографический очерк. СПб.: Бельведер, 2004. 122 с.

Бесчасная А.А. Детство: история и современность. СПб.: Нестор-История, 2007. 181 с.

Бородкин Ф.М. Социальные индикаторы — что это такое? // Мир России. 2004. № 4. С. 62-101.

Боякова С.И. Брак и семья в Республике Саха (Якутия) в условиях социально-экономических трансформаций: гендерный аспект // Якутский социологический бюллетень Регионального отделения Российской социологической ассоциации. Выпуск 1. Якутск: Информационный центр при Президенте РС (Я), 2006 г. С. 65-68.

Боякова С.И. Современные демографические процессы в арктической зоне Республики Саха (Якутия) // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX - начале XXI в. /отв. ред. В.А. Ильиных. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2009. С. 239-241.

Боякова С.И. Этносоциальное развитие коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) в начале XXI в. // Научные основы устойчивого развития коренных народов Севера (мат-лы респуб. науч.-практ. конф., посвященной 75-летию со дня рождения В.А. Роббека). Новосибирск: Наука, 2013. С. 103-109.

Боякова С.И., Винокурова Л.И., Игнатьева В.Б., Филиппова В.В. Якутия в условиях глобальных климатических изменений: уязвимость, риски, социальная адаптация //Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2010. №1 (1). С. 22-25.

Бреева Е.Б. Дети в современном обществе. М.: УРСС, 1999. 216 с.

Бреттелл К.Б., Холлифилд Дж.Ф. Теория миграций // Методология и методы изучения миграционных процессов/ под ред.

Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. М.: Адамантъ, 2007. С. 33-70.

Ваньке А.В. и др. Социальная мобильность в России: поколенческий аспект/ ред. В.В. Семенова, М.Ф. Черныш, А.В. Ваньке. М.: Институт социологии РАН, 2017. 384 с.

Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. №5. С. 147-156.

Вербицкая О.М. Сельская семья на этапе социально-экономических трансформаций 1985-2002 гг. М.: ИРИ РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2017. 408 с.

Виноградский В.Г. Крестьянский мир в дискурсе поколенческой печали // Социологические исследования. 2015. №12. С. 82-90.

Винокурова Д.М. Миграция населения при промышленном освоении территории (причины и характер) : дисс... канд. социол. наук. Москва, 2000. 110 с.

Винокурова Д.М. Приезжее/местное сообщество и частотность миграции: форма коммуникации (по материалам социологических исследований в Республике Саха (Якутия)) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015, №1. С. 147-153.

Винокурова Д.М. Территориальная мобильность жителей Республики Саха (Якутия): семейные связи и миграционные намерения // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. №1. С. 82-87.

Винокурова Л.И. Аборигенные этносы РС(Я) в модернизирующемся обществе// Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия). Новосибирск: Наука, 2000. С. 163-187.

Винокурова Л.И. Образ г. Якутска: восприятие мужчинами-мигрантами из села // Культура и интеллигенция в России: инновационные практики, образы города. Юбилейные события. Историческая память горожан / сб. статей. Омск: ОГУ им. Ф.М. Достоевского, 2009. С. 105-107.

Винокурова Л.И., Попова А.Г., Боякова С.И., Мьяриканова Э.Т. Женщина Севера: поиск новой социальной идентичности. Новосибирск: Наука, 2004. 206 с.

Винокурова Л.И., Филиппова В.В. Адаптация мигрантов в постсоветской Якутии // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям: сб. статей. Под ред. В.А. Тишкова, А.П. Деревянко, А.Б. Куделина. М.: Политическая энциклопедия. 2010. С. 305-308.

Винокурова Л.И., Филиппова В.В. Миграционные процессы в Якутии: этносоциальные аспекты // Север Азии в этнокультурных исследованиях: сб. трудов конференции. Новосибирск: Наука, 2008. С. 205-216.

Винокурова Л.И., Филиппова В.В. Социальный портрет мигрантов в постсоветской Якутии // Сб. трудов конференции «V Диковские чтения». Магадан: ООО Кордис, 2008. С. 168-170.

Винокурова У.А. Воспитание и образование детей народов Севера. Якутск: Сахаполиграфиздат, 1997. 102 с.

Винокурова У.А. Воспитание личности в традиционной и современной семьях народов Севера / Семья у народов Северо-Востока СССР // Сб. науч. трудов. Якутск: Институт языка, литературы и истории, 1988. С. 73-80.

Винокурова У.А., Прохоров В.А. Проблемы обеспечения качества жизни населения Республики Саха (Якутия) // Вестник Якутского государственного университета. 2006. Т. 3. № 2. С. 50-55.

Возьмитель А.А. Образ жизни: тенденции и характер изменений в пореформенной России. М.: Институт социологии РАН, 2012. 231 с.

Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003. 528 с.

Голенкова З.Т., Игитхян Е.Д. Средние слои современной России: опыт анализа проблемы // Социологические исследования. 1998. №7. С. 44-53.

Голенкова З.Т. Основные тенденции трансформации социальных неравенств // Eurasian Review, Volume 1, November 2008. С. 69-77.

Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. 270 с.

Гусманов И.У. Аграрная система в структуре общества // Никоновские чтения. 2007. №12. С. 94-96.

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Общее введение в чистую феноменологию. М.: Академический проект, 2009. 489 с.

Гуссерль Э. Идея феноменологии: пять лекций /пер. с нем. Н.А. Артеменко; вступ. ст. и коммент. И.И.Мавринского. СПб.: Гуманитарная Академия, 2008. 224 с.

Гуссерль Э. Картезианские размышления /пер. с нем. Д.В.Скляднева. СПб.: Наука: Ювента, 2006. 315 с.

Данилова З.А. Управление социальными рисками в регионе. // Социальные и этнические процессы в развитии общества /

науч. ред. Д.Ш. Цырендоржиева. — Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2013. Ч. 1. С. 29-30.

Де Серто, Мишель. Изобретение повседневности. Искусство делать. Сер. «Прагматический поворот». Вып. 5 / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: изд-во Европейского университета, 2013. 330 с.

Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.

Дементьева И.Ф. Социализация детей в семье в условиях трансформации: тенденции, факторы, детерминанты: дисс. ... д-ра социол. наук. М., 2006. 273 с.

Демографические процессы в Республике Саха (Якутия): территориальный аспект / С.А. Сукнева и др. Якутск: Сахаада, 2017. 208 с.

Денисенко И.Б., Николаева У.Г. Что происходит с сельским населением на Ближнем Севере России (на материале Костромской области) // Социологические исследования. 2015. №12. С. 70-81.

Детское население Республики Саха (Якутия): проблемы сокращения предотвратимых потерь / Чичахов Д.А., Апросимов Л.А. Якутск: изд.-полигр. комплекс СВФУ, 2011. 150 с.

Донской Ф.С. Интеграционные процессы в жизни северян: проблемы и перспективы // Социологические исследования. 2005. №5. С. 96-100.

Донской Ф.С. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века. Т.1. Якутск: Якутский филиал Изд-ва СО РАН, 2002. 338 с.

Донской Ф.С. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века. Т.2. Якутск: Якутский филиал Изд-ва СО РАН, 2004. 320 с.

Донской Ф.С. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века. Т. 3. Новосибирск: Наука, 2006. 427 с.

Дювель Ф. Пространственная мобильность // Методология и методы изучения миграционных процессов / под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. М.: Адамант, 2007. С. 71-95.

Евдокимова Т.Г. Ценности и ценностные ориентации сельского населения России // Социологические исследования. 2015. №12. С. 91-98.

Ефимова А.Б. Особенности социальной мобильности населения северных регионов в современных условиях: на материалах Республики Саха (Якутия) : автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Улан-Удэ, 2005. 26 с.

Железнова Г.А. Миграция в условиях экономических преобразований на примере Республики Саха // Социологические исследования. 1994. №7. С. 34-38.

Жизненные миры современной российской семьи: монография / Саралиева З.Х., Блонин В.А., Егорова Н.Ю. [и др.]. — Н. Новгород: ННГУ, 2015. 264 с.

Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х - сер. 2010-х гг.). Научное издание / ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социологических исследований, 2016. 367 с.

Зайончковская Ж.А. Миграция и урбанизация, которые изменили Россию // Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. Тезисы докладов. М.: Демоскоп, 2002. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_03.html

Зайончковская Ж.А., Ноздрин Н.Н. Миграционный опыт населения региональных центров России (на примере 10 городов) // Проблемы прогнозирования. 2008. №4. С. 98-112.

Зарубина Н.Н. О теоретических подходах к исследованиям модернизации России в условиях сложного социума // Вестник МГИМО-Университета. 2013. №1. С. 185-189.

Зарубина Н.Н. Социология хозяйственной жизни: проблемный анализ в глобальной перспективе. М.: Университетская книга, Логос, 2006. 392 с.

Заславская Т.Н. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. 568 с.

Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. №3. С. 23-34.

Зиммель Г. Избранное. Т.2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. 607 с.

Зиммель Г. Мост и дверь /пер. с англ. В. Вахштайна // Социология власти. Сообщества и город. 2013. №3. С. 145-150.

Зиммель Г. Общение. Пример чистой, или формальной, социологии // Социологические исследования. 1984. №2. С. 170-178.

Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. Изд. 5-е. М.: Либроком, 2012. 264 с.

Иванов К.П. Проблемы этнической географии. СПб.: изд-во СПбГУ, 1998. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/IKP/ipk141.htm#ipk141text8>.

Иванова Н.И. Языковые установки саха в сфере образования в контексте современных экстралингвистических реалий (по материалам опросов в г. Якутске) // Новые исследования Тувы. 2018, №1. С. 153-167.

Игнатьева В.Б. Индустриальная модернизация как фактор экологических, демографических и социальных рисков в Республике Саха (Якутия) // Проблемы социально-экономической и политической истории Сибири XX — начала XXI веков. Якутск: изд-во СВФУ им. М.К. Аммосова, 2012. С. 67-72.

Игнатьева В.Б. Национальный состав населения Якутии: этно-статистическое исследование. Якутск: изд-во ЯНЦ СО РАН, 1994. 144 с.

Игнатьева В.Б. О сохранении традиционных видов хозяйства в связи с изменениями мирового климата // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 г. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М.: изд-во ИЭА РАН, 2012. С. 547-554.

Игнатьева В.Б. Оценка эффективности деятельности музеев в сфере предоставления услуг населению Якутии // Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия). Сб. науч. статей. Вып. 3. Якутск, 2016. С. 78-97.

Игнатьева В.Б. Сельские сообщества Якутии в условиях изменения мирового климата // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 г. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М.: изд-во ИЭА РАН, 2014. С. 311-315.

Игнатьева В.Б. Трудовые мигранты в Якутии: интеграция versus эксклюзия? Итоги социологического исследования и ожидания принимающего общества // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. №4. С. 86-95.

Ильин В.И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоция, 2006. 256 с.

Интеграция коренных малочисленных народов Сибирского Севера и Дальнего Востока в общероссийскую культуру / Донской Ф.С. и др. Якутск: ЯФ изд-ва СО РАН, 2003. 396 с.

Ионин Л.Г. Социология Георга Зиммеля // История буржуазной социологии XXI - начала XX века / под ред. И.С. Кона. М.: Наука, 1979. С. 180-203.

Калугина З.И., Фадеева О.П. Российская деревня в лабиринте реформ. Социологические зарисовки. Новосибирск: изд-во Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, 2009. 340 с.

Качественные методы. Полевые социологические исследования. Штейнберг И., и др. СПб.: Алетейя, 2009. 352 с.

Келлер Я. Модернизация — гуманизация общества или коррозия бытия? Критические заметки о теории модернизации // Социологические исследования. 2002. №7. С. 48-52.

Керимов Т.Х. Номадология // Современный философский словарь. М., 2015. URL: <http://terme.ru/dictionary/183/word/nomadologija>

Клоков К.Б. Для освоения Арктики нужен компромисс с интересами коренных народов. URL: http://www.gian.ru/arctic_analytics/20100719/256230505.html

Ковлеков С.И. Аграрная реформа в Республике Саха (Якутия) в 1991-1995 гг. // Суверенная Республика Саха (Якутия): проблемы коренных преобразований (1991-1996гг.). Сб. науч. статей. Якутск: ИГИ АН РС(Я), 1999. С. 76-110.

Ковлеков С.И. Сельское хозяйство Якутии (1971-1985 гг.). Якутск: изд-во ЯНЦ СО РАН, 1993. 120 с.

Комплексный анализ деятельности учреждений культуры Республики Саха (Якутия) / Игнатъева В.Б., Томаска А.Г., Маклашова Е.Г., Санникова Я.М., Осипова О.В., Федотова Н.Д. Научный отчет НИР № 22/14 от 12.11.2014 г. по заказу Автономного учреждения Республики Саха (Якутия) «Агентство реализации креативных технологий и инноваций культуры Арктики». 364 с.

Кон И.С. Ребенок и общество. М.: Академия, 2003. 336 с.

Константинова Т.Н. Родовые общины Южной Якутии в условиях промышленного освоения // Арктика и Север. 2011. №4. С. 44-45.

Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989. 272 с.

Кузнецов И.М., Мукомель В.И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М.: Институт социологии, 2005. 50 с.

Кузьмина Р.А. Горохова Т.К. Социальная адаптация населения Республики Саха (Якутия) к рыночным реформам (по материалам мониторинга) // Наука и образование. 2000. №2. С. 27-32.

Кузьмина Р.А. Особенности социальной структуры саха и русских в Республике Саха (Якутия) // Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М.: Academia, 2002. С. 284-299.

Лапин Н.И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.

Лапин Н.И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии // Социологические исследования. 2012. №9. С. 4-23.

Луман Н. Социальные системы. Очерк общей системы /пер. с нем. И.Д. Газиева, под ред. Н.А. Головина. СПб.: Наука, 2007. 643 с.

Майорова-Щеглова С.Н. Детство в начале XXI века: парадоксы развития и функционирования. // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2007. С. 191-201. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/detstvo-v-nachale-hhi-veka-paradoksy-razvitiya-i-funktsionirovaniya-1>

Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е.А. Дети и детство как объекты социологических исследований // Социологические исследования. 2018. №3. С. 62-69.

Малахов В. Интеграция мигрантов: концепции и практики. М.: Мысль, 2015. 272 с.

Малахов В. Понаехали тут: очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 200 с.

Мархинин В.В., Удалова И.В. Этнос в ситуации выбора будущего. По материалам социологического исследования образа жизни хантов, ненцев, манси Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа. Новосибирск: Наука, 1993. 206 с.

Мацковский М.С. Социология семьи. М.: Наука, 1989. 116 с.

Мид М. Культура и мир детства / Сост. и предисл. И.С. Кона. М.: Наука, 1988. 134 с.

Модернизация социальной структуры российского общества / отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Институт социологии РАН, 2008. 287 с.

Мостахова Т.С. Миграционная составляющая демографической безопасности северного региона // Сб. мат-лов конференций ГНИИ «Нацразвитие». СПб., 2018. С. 104-109.

Мурашко О.А. Коренные народы Арктики и «народы Севера»: история, традиции, современные проблемы // Арктика: экология и экономика. 2001. №3. С. 90-105.

Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М.: РГБ, 2004. 176 с.

Никитина Г.А. Сельское сообщество Удмуртии в условиях реформ рубежа XX-XXI веков. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2015. 320 с.

Носкова А.В. Социальные аспекты решения демографической проблемы низкой рождаемости // Социологические исследования. 2012. №8. С. 60-71.

Нуруллина Э.Р. Статус детей в современном российском обществе и семье (на примере г. Казани): автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Казань, 2012. 24 с.

Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010) / пер. с англ. под общей ред. Н.И. Лапина. Предисл. Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. М.: Весь Мир, 2011. 256 с.

Осинский И.И. Демографический потенциал современной России (региональный аспект) // Социальные и этнические процессы в развитии общества / науч. ред. Д.Ш. Цырендоржиева. Улан-Удэ: изд-во Бурятского госуниверситета, 2013. Ч.1. С. 3-5.

Охлопков В.Е. Институциональные основы трансформации социальной структуры населения региона: монография. М.: изд-во РАГС, 2004. 218 с.

Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / пер. Н.Л. Поляковой) // Thesis. 1993. Вып.3. С. 94-122.

Подойницына И.И. Общество открытых классов: очерки о моделях социальной структуры. Новосибирск: Наука, 1999. 176 с.

Попов Б.Н. Семейная культура народов Северо-Востока России: традиции и инновации. Новосибирск: Наука, 1993. 263 с.

Попова А.Г. Демографическая ситуация и вопросы развития родовых общин Республики Саха (Якутия) // Проблемы Крайнего Севера Якутии: состояние и пути решения. Сб. науч. трудов. Якутск: Северовед. 2001. С. 44-49.

Проблемы Крайнего Севера Якутии: состояние и пути решения. Якутск: Северовед, 2001. 176 с.

Региональные особенности уровня и качества жизни: монография / коллект. монография / науч. ред. Н.М. Римашевская. М.: ИСЭПН РАН, ООО «М-Студио», 2012. 392 с.

Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований крестьянской России /под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН, РОССПЭН, 2002. 592 с.

Римашевская Н.М. Детство как потенциал социально-демографического развития России // Народонаселение. М.: ИСЭПН РАН. 2011. № 2. С. 4-11.

Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; М.: Независимый институт социальной политики, 2007. 640 с.

Рязанцев С.В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. Ставрополь: Кн. изд-во, 2001. 542 с.

Рязанцев С.В. Современная демографическая политика в России // Общество и социология в современной России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Общество и социология в современной России» (13-15 ноября 2014 г.): в 3-х т. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. Т.1. 228 с.

Санникова Я.М. Динамика развития традиционного хозяйства Севера Якутии в контексте аграрной политики 1990-х гг. // Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия). Сб. научных статей. Вып.1. Якутск: ЦНТИ ИГИИИПМНС СО РАН, 2015. С. 104-127.

Санникова Я.М., Игнатьева В.Б. Традиционное хозяйство Севера Якутии: к вопросам выявления показателей адаптации в современной аграрной системе // Московский экономический журнал. 2018. №5 (2). С. 171-176.

Санникова Я.М. К изучению критериев адаптации традиционного северного хозяйства в современной аграрной системе: оленекский опыт (на примере полевых исследований в Якутии) // Интерактивная наука. 2018. №12 (34). С. 11-18.

Санникова Я.М. Традиционное хозяйство коренного населения Якутии в динамике показателей аграрного развития региона // Norwegian Journal of development of the International Science. 2017. №9. Vol. 2. Pp. 55-60.

Санникова Я.М. Динамика современного развития сельского хозяйства в национальных республиках Сибири // Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития: сб. науч. статей по итогам Всерос. научно-практ. семинара (10-11 июня 2018 г.). Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 2018. С. 248-265.

Семенова С.С. Качественные методы в социологии // Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 2001. С. 387-449.

Семья и человеческое развитие в Республике Башкортостан / под ред. Ф.Б. Бурхановой, Р.М. Валиахметова, Г.Ф. Хилажевой. Уфа: Восточная печать, 2012. 151 с.

Слепцов П.А. Традиционная семья и обрядность у якутов: XIX- начало XX вв. / Якутск: Кн. изд-во, 1989. 162 с.

Современная Арктика: опыт изучения и проблемы. Якутск: изд-во СО РАН, Якут.фил., 2005. 200 с.

Соловьева А.Н. Детерриторизация социальных практик в контексте этнокультурных ландшафтов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. №5. С. 126-129.

Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность// Человек. Цивилизация. Общество. Сер. «Мыслители XX века». М.: Политиздат, 1992. 543 с.

Социальная мобильность в России: поколенческий аспект: монография / А.В. Ваньке и др.; отв. ред. В.В. Семенова, М.Ф. Черныш, А.В. Ваньке. М.: Институт социологии РАН, 2017. 384 с.

Социальная структура и мобильность в российском обществе: монография / А.А. Шабунова, Т.С. Соловьева, М.А. Ласочкина; под науч. рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 172 с.

Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность/ авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Academia, 2002. 480 с.

Социальное пространство российских регионов: монография [З.Т. Голенкова и др.]. М.: ИС РАН, 2017. 193 с.

Социальное расслоение и социальная мобильность / под ред. З.Т.Голенковой. М.: Наука, 1999. 192 с.

Социальный атлас российских регионов / Портреты регионов. URL: <http://www.socpol.ru/atlas/portraits/yak.shtml>

Социальный потенциал молодых семей как фактор развития региона: монография / под ред. Н.М. Байкова, Ю.В. Березутского. Хабаровск: ДВИУ-филиал РАНХиГС, 2013. 129 с.

Страусс Ан., Корбин Дж. Основы качественного исследования. Обоснованная теория. Процедуры и техники /пер. с англ. Т.С. Васильевой. М.: КомКнига, 2007. 256 с.

Сукнева С.А. Основные закономерности изменения рождаемости в Республике Саха (Якутия) // Наука и образование. 2007. №3. С. 108-113.

Сукнева С.А., Трубина А.В. Миграционная типология Республики Саха (Якутия) // Региональная экономика: теория и практика. 2011. №15 (198). С. 21-26.

Тихонова Н.Е. Российский средний класс: особенности мировоззрения и факторы социальной мобильности // Социологические исследования. 2000. №3. С. 13-23.

Толстокорова А.В. Пространственная эмансипация украинских женщин как способ освоения публичного пространства // Культура и искусство. 2012, №5. С. 46-58.

Томаска А.Г. Внутренняя миграция Республики Саха (Якутия) и социальный портрет сельского мигранта в городских поселениях // Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия). Сб. научных статей. Вып.1. Якутск: ЦНТИ ИГИ-ИИПМНС СО РАН, 2015. С. 23-43.

Томаска А.Г. Мигранты Республики Саха (Якутия): вопросы интеграции детей сельских мигрантов // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2017. №1. С. 58-64.

Томаска А.Г. Особенности территориальной мобильности мужского населения коренных малочисленных народов Севера Якутии // Теория и практика общественного развития. 2018. №7. С. 50-54.

Томаска А.Г. Удовлетворение досуговых потребностей сельских мигрантов Якутии в городских поселениях // Общество: социология, педагогика, психология. 2016. №6. С. 21-24.

Традиционное хозяйство в системе культуры этноса // Материалы Девярых Санкт-Петербургских этнографических чтений. / Под. Ред. В.М. Грусман, А.В. Коновалов. СПб.: изд-во ИПЦ СПГУТД, 2010. 329 с.

Трубина А.В. Основные тенденции миграционных процессов в арктических районах Республики Саха (Якутия) // Экономика Востока России. 2014. №1. С. 29-33.

Урри Дж. Мобильности /пер. А.В. Лазарева, вступ. статья Н.А. Харламова. М.: Праксис, 2012. 576 с.

Урри Дж. Мобильность и близость // Социологические исследования. 2013. №2. С. 3-15.

Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия /пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.

Федотова Н.Д. Демографический потенциал детства в Республике Саха (Якутия) // Интерактивная наука. 2018. №12 (34). С. 66-68.

Федотова Н.Д. Детство в Республике Саха (Якутия): возможности и проблемы // Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия). Вып. 1. Сб. науч. статей. Якутск: ЦНТИ ИГИиИПМНС СО РАН, 2015. С. 64-81.

Федотова Н.Д. Оценка творческой деятельности театрально-зрелищных учреждений: основные параметры // Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия). Сб. науч. статей. Вып.3. Якутск: ЦНТИ ИГИиИПМНС СО РАН, 2016. С. 55-77.

Федотова Н.Д. Семья с детьми в Республике Саха (Якутия): к вопросу о материальном положении // Теория и практика общественного развития. 2018. №8. С. 43-46.

Фельдштейн Д. И. Социальное развитие в пространстве-времени детства. — М.: Московский психолого-социальный институт, Флинта, 1997. 378 с.

Филипова А.Г. Детство в фокусе отечественных социологических исследований // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2016. № 1(41). С. 80-87

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 576 с.

Хэ Чуаньци. Введение // Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010) / Гл. ред. Хэ Чуаньци. Пер. с англ. под ред. Н.И. Лапина. М.: Весь мир, 2011. С. 18-20.

Цырендоржиева Д.Ш., Ванчикова А.В. Проблемы социального неравенства в современном российском обществе // Социальные и этнические процессы в развитии общества. Улан-Удэ: изд-во Бурятского госуниверситета, 2013. Ч.1. С. 102-105.

Шеллер М. Новая парадигма мобильностей в современной социологии // Социологические исследования. 2016. №7. С. 3-11.

Шибанова Н.М. Теоретико-методологические подходы к исследованию проблем современного детства. URL: <http://lib.znate.ru/docs/index-143055.html>

Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ.; под ред. В.А.Ядова. М.: Аспект-Пресс, 1996. 416 с.

Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 1056 с.

Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; науч. ред. перевода

Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.

Щеглова С.Н. Детство как социальный феномен (концепция социального конструирования детства): дисс. ... д-ра социол. наук. М., 1999. 326 с.

Щеглова С.Н. Как изучать детство? Социологические методы исследования современных детей и современного детства / С.Н. Щеглова. М.: ЮНПРЕСС, 2000. 72 с.

Щеглова С.Н. Социология детства. М.: Институт молодежи, 1996. 128 с.

Щеглова С.Н. Социология прав детей в России: новый век, новые проблемы, новые перспективы. М.: Социум, 2001. 85 с.

Щеглова С.Н. Трансформация детства в современном российском обществе и императивы развития государственной политики в интересах детей // Журнал исследований социальной политики. 2004. №2 (2). С. 175-188.

Щукина К.Е. Исследование социальной дистанции и межэтнической толерантности к мигрантам у представителей различных этнических групп // Вестник СВФУ им. М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2016. №3. С. 45-52.

Щукина К.Е. Толерантность мигрантов как фактор адаптации в Республике Саха (Якутия) // Современные наукоемкие технологии. 2013. №7. С.167-168.

Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) / С.М. Баишева, Р.И. Донской, Т.Н. Константинова и др. Новосибирск: Наука, 2012. 363 с.

Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия): потенциал, тенденции, перспективы / В.Б. Игнатьева, С.В. Абрамова, А.А. Павлов и др. Новосибирск: Наука, 2000. 277 с.

Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия): сб. науч. статей. Вып. 1. Отв. ред. Игнатьева В.Б. Якутск: ЦНТИ ИГИиПМНС СО РАН, 2015. 139 с.

Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия): сб. науч. статей. Вып.2. Отв. ред. Охлопков В.Е. Якутск: ЦНТИ ИГИиПМНС СО РАН, 2016. 120 с.

Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия): сб. науч. статей. Вып.3. Отв. ред. Игнатьева В.Б. Якутск: ЦНТИ ИГИиПМНС СО РАН, 2016. 136 с.

Юдина Т.Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. 2002. №10. С. 102-109.

Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Дობросвет, 2001. 596 с.

Ямсков А.Н. Традиционное природопользование: проблемы определения и правового регулирования // Юридическая антропология. Закон и жизнь /ред. Новикова Н.И., Тишков В.А. М.: Стратегия, 2000. С. 172-185.

Яницкий О.Н. Модернизация в России и вокруг: конспект // Социологические исследования. 2011. №5. С. 136-145.

Arctic Social Indicators/ ASI II: Implementation – Nordic Council of Ministers, 2014. Denmark: TemaNord, 301 p.

Global Warming and the Human-Nature Dimension in Northern Eurasia. Singapore: Springer, 2018. 224 p.

Lee Everett S. A Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3. №1. Pp. 49-53.

Sheller M., Urry J. The new mobilities paradigm // Environment and Planning A 2006, volume 38, pp. 207-226 / DOI:10.1068/a37268

Sibertin-Blanc, Guillaume. Cartographie et territoires. La spatialité géographique comme analyseur des formes de subjectivité selon Gilles Deleuze // L'Espace géographique. 2010. №3 (Т.39). Pp. 225-238.

Takakura H. Arctic Pastoralist Sakha. Ethnography of Evolution and Microadaptation in Siberia. Trans Pacific Press, 2015. 254 p.

Vinokurova D.M. Migration in the cities of Sakha Republic (Yakutia): temporal-social aspects: (based on sociological research data) // Anthropology & Archeology of Eurasia 2017, №3-4. Т. 56. Pp. 256-274.

Источники

Государственная программа Республики Саха (Якутия) «Реализация семейной, демографической и молодежной политики в Республике Саха (Якутия) на 2014-2016 годы» / Указ Президента РС(Я) № 2511 от 24 февраля 2014 г. URL: <http://old.sakha.gov.ru/sites/default/files/24/files/%D0%A3%D0%BA%D0%B0%D0%B7%202511.pdf>

Государственная программа Республики Саха (Якутия) «Создание условий для духовно-культурного развития народов Якутии на 2012-2016 гг.», утверждена Указом Президента РС(Я) от 12 октября 2011 № 956. URL: <https://minkult.sakha.gov.ru>.

Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия): стат. сборник. Якутск: Саха (Якутия) стат, 2016. 261 с.

Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в Республике Саха (Якутия) в 2016 г. Стат. бюлл. №140/263. Якутск: ТО ФСГС по РС(Я), 2017. 76 с.

Ежегодные доклады / Уполномоченный по правам ребенка в Республике Саха (Якутия). URL: [https:// deti.sakha.gov.ru/ezhegodnye-doklady](https://deti.sakha.gov.ru/ezhegodnye-doklady).

Естественное движение населения Республики Саха (Якутия) за 2017 г.: стат. сбор. №5/269. Якутск: ТО ФСГС по РС(Я), 2018. Т. 1. 119 с.

Естественное движение населения Республики Саха (Якутия) за 2017 г.: стат. сбор. №5/269. Якутск: ТО ФСГС по РС(Я), 2018. Т. 2. 92 с.

Закон РС(Я) «Об административно-территориальном устройстве Республики Саха (Якутия)» 3 №77-І от 06.07.1995 г. (с изм. от 07.05.2001 г.). Принят постановлением ПП ГС (Ил Тумэн) РС(Я) 3№78-І от 06.07.1995 г. Из информационного банка «Республика Саха (Якутия)». URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW249&n=757#006498397690211966>

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. //Официальный сайт Территориального органа ФСГС по РС(Я). URL: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т.2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. Таблица 2. Население по возрастным группам и полу по субъектам РФ. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

Итоги учета скота, птицы, оленей и зверей по РС(Я) на 1 января 2015 г. Статсборник №3/266 дсп. Якутск: ТО ФСГС по РС(Я), 2015. 226 с.

Конвенция о правах ребенка. Одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г. (вступила в силу в СССР 15.09.1990 г.) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/

Методические рекомендации по разработке региональных программ демографического развития. М.: изд-во, 2012. 51 с.

Миграция населения Республики Саха (Якутия): стат. сборник: в 2-х т. Т.1. Якутск: Саха (Якутия) стат, 2016. 50 с.

Миграция населения Республики Саха (Якутия): стат. сборник: в 2-х т. Т.2. Якутск: Саха (Якутия) стат, 2016. 68 с.

Миграция населения Республики Саха (Якутия): стат. сборник: в 2-х т. Т.1. — Якутск: Саха (Якутия) стат, 2018. 50 с.

Миграция населения Республики Саха (Якутия): стат. сборник: в 2-х т. Т.2. Якутск: Саха (Якутия) стат, 2018. 68 с.

Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 г. по Республике Саха (Якутия). Якутск: ФСГС ТОФСГС по РС(Я), 2012. 25 с.

Об утверждении Стратегии действий в интересах детей Республики Саха (Якутия) на 2012-2017 годы/ Указ Президента РС(Я) №1769 от 14 декабря 2012 г. URL: <http://old.sakha.gov.ru/node/150021>.

О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 гг. /Указ Президента РФ №761 от 1 июня 2012 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130516/.

Отчет главы МО «Среднеколымский улус» за 2017 г. //Текущий архив администрации Среднеколымского улуса РС(Я).

Отчет исполнительных органов государственной власти Республики Саха (Якутия) об итогах деятельности за 2013 год. Якутск, 2014.

Отчет исполнительных органов государственной власти Республики Саха (Якутия) об итогах деятельности за 2017 г. URL: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/2856903>

Отчет о деятельности Министерства связи и информационных технологий РС(Я) по итогам 2017 г. URL: <http://minsvyaz.sakha.gov.ru/Otcheti-v-Pravitelystvo-RS-->

Отчёт исполнительных органов государственной власти Республики Саха (Якутия) об итогах деятельности за 2017 г. URL: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/2856903>.

Отчет ОБЭС, 2015 г.

Отчет ОБЭС, 2016 г.

Официальные данные производства на убой Оленекского управления сельского хозяйства от 01.01.2016 г.// Текущий архив Оленекского управления сельского хозяйства.

Паспорт социально-экономического развития Оленекского эвенкийского национального района за 2015 г.// Текущий архив администрации Оленекского района РС(Я).

Паспорт социально-экономического развития с.Сватай 2-го Мятисского наслега Среднеколымского улуса за 2015 г. // Текущий архив администрации с.Сватай 2-го Мятисского наслега Среднеколымского улуса РС(Я).

Паспорт социально-экономического развития с. Сватай 2-го Мятисского наслега Среднеколымского улуса за 2016 г.// Текущий архив администрации с.Сватай 2-го Мятисского наслега Среднеколымского улуса РС(Я).

Паспорт социально-экономического развития с. Сватай 2-го Мятисского наслега Среднеколымского улуса за 2017 г. // Текущий архив администрации с.Сватай 2-го Мятисского наслега Среднеколымского улуса РС(Я).

Паспорт социально-экономического развития с. Сватай 2-го Мятисского наслега Среднеколымского улуса за 2018 г.// Текущий архив администрации с.Сватай 2-го Мятисского наслега Среднеколымского улуса РС(Я).

Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. по субъектам Российской Федерации. Т.2 //Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г.: в 2-х т. М.: ИИЦ «Статистика России», 2017. 1110 с.

Распределение малоимущих домашних хозяйств по основным категориям / Территориальный орган ФСГС по РС(Я). URL: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/statistics/standards_of_life/

Распределение населения по возрастным группам в Республике Саха (Якутия). Якутск: ТО ФСГС по РС(Я), 2015. 154 с.

Рост численности скота по состоянию на 01.01.2016 г. Оленекского эвенкийского национального района РС(Я) // Текущий архив Оленекского Управления сельского хозяйства.

Сведения о физической культуре и спорте Республики Саха (Якутия) за 2017 год. URL: <http://minsport.sakha.gov.ru/cvedenija-o-fizicheskoy-kulture-i-sporte>

Сельское хозяйство в Республике Саха (Якутия) за 2010-2015 гг. Стат. сборник №17/492. Якутск: Саха (Якутия) стат, 2016. 170 с.

Сводные итоги ВПН-2010. Т.11. Состояние населения в браке, число и состав домохозяйств, рождаемость. Раздел 3. Семейные ячейки, входящие в состав частных домохозяйств, по числу детей моложе 18 лет по субъектам РФ. Таблица 10. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

Сводные итоги социально-демографического обследования (микрперепись населения) 2015 г. по Республике Саха (Якутия): стат. бюллетень. Якутск: Саха (Якутия) стат, 2017. 239 с.

Социально-экономическое положение мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности ко-

ренных малочисленных народов. Стат. сб. Уч. №01-31-399-дсп. Якутск: ТО ФСГС по РС(Я), 2015 г. 215 с.

Статистический ежегодник Республика Саха (Якутия): стат. сборник. Якутск: ТО ФСГС по РС(Я), 2016. 709 с.

Статистический ежегодник Республика Саха (Якутия): стат. сборник. Якутск: ТО ФСГС по РС(Я), 2017. 704 с.

Труд и занятость в Республике Саха (Якутия): стат. сборник. Якутск: ТО ФСГС по РС(Я), 2016. 273 с.

ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». URL: <http://ATLAS.SOCPOL.RU/PORTRAITS/YAK.SHTML>

ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» №49-ФЗ от 7 мая 2001 г.// Система «ГАРАНТ» URL: <http://base.garant.ru/12122856/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/>

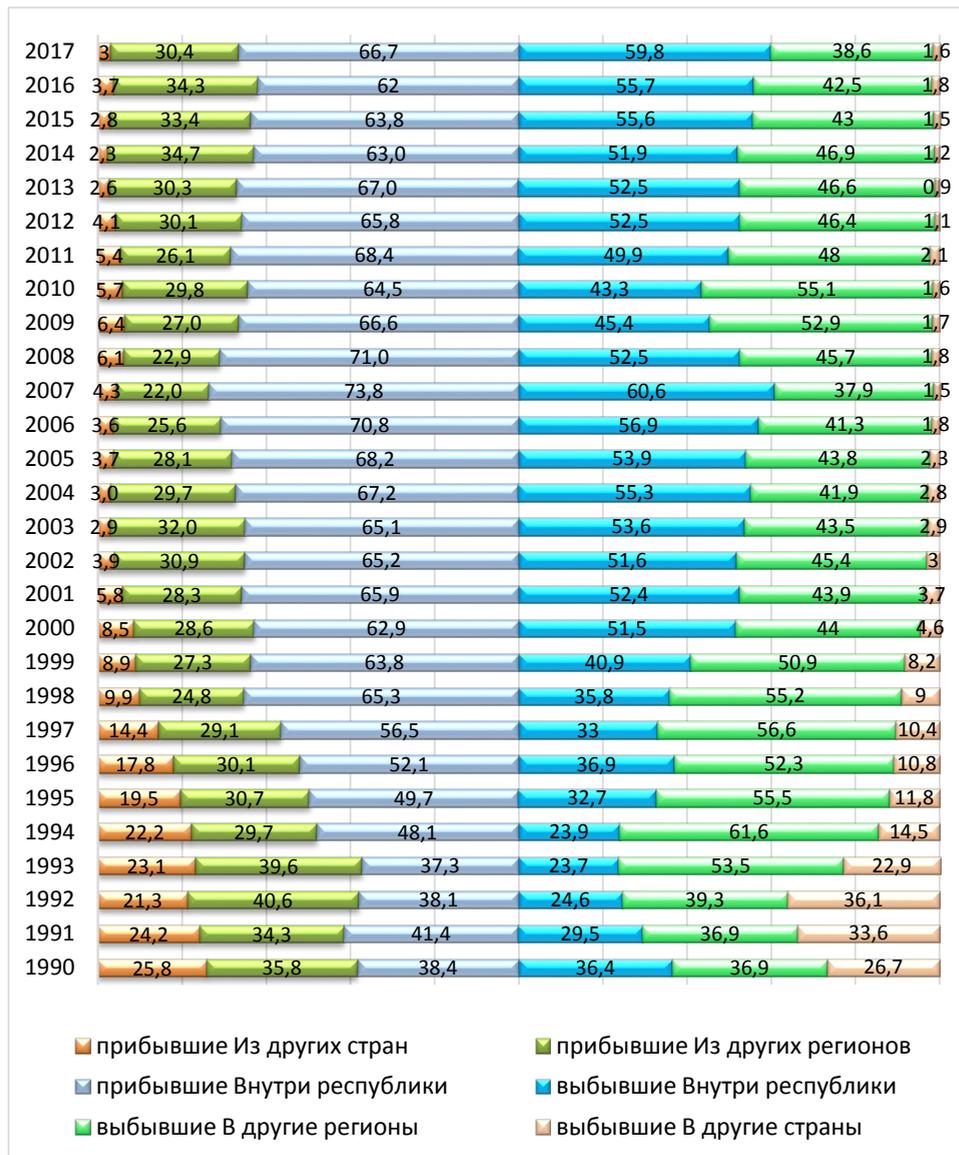
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика
ВПН — Всероссийская перепись населения
ВСХП — Всероссийская сельскохозяйственная перепись
ГСМ — горюче-смазочные материалы
ДВФО — Дальневосточный федеральный округ
ИГИ АН РС(Я) — Институт гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия)
ИГИиПМНС СО РАН — Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук
ИП — индивидуальный предприниматель
ИПМНС СО РАН — Институт проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук
КМНС — коренные малочисленные народы Севера
КРО — кочевая родовая община
КРОМНС — кочевая родовая община малочисленных народов Севера
КРС — крупный рогатый скот
ЛПХ — личное подсобное хозяйство
МКУ — муниципальное казенное учреждение
МУП — муниципальное унитарное предприятие
КФХ — крестьянские фермерские хозяйства
ОВЭС — отчет по оценке воздействия на этнологическую среду мест проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера
ООПТ — особо охраняемые природные территории
РС(Я) — Республика Саха (Якутия)
РФ — Российская Федерация
СНГ — Содружество Независимых Государств
СХППК — сельскохозяйственный потребительский перерабатывающий кооператив
ТЗУ — театральные-зрелищные учреждения
ТОГС — территориальный орган государственной статистики
ТО ФСГС — Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики
УОП — угодья общедоступного пользования
УСХ — Управление сельского хозяйства
ФАПК — финансово-агропромышленный концерн

ПРИЛОЖЕНИЯ

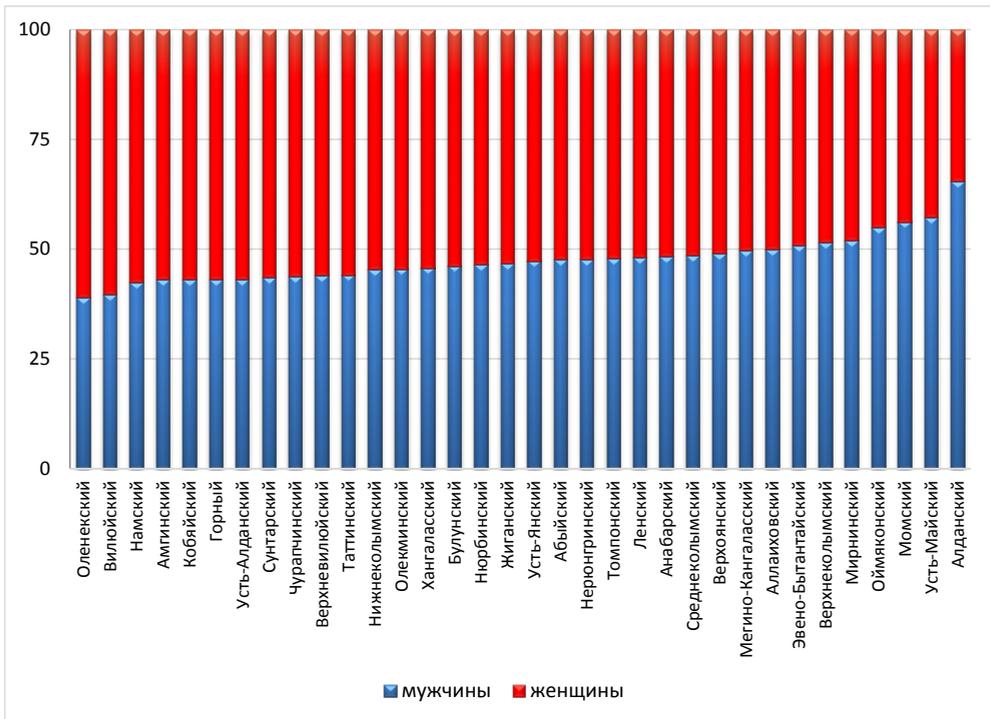
Приложение 1

Миграционный оборот Республики Саха (Якутия) в 1990-2017 гг., в %

Составлено по: Общерегиональные итоги миграции населения, человек. http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/statistics/population/ (дата обращения: 9.06.2018)

Половая структура мигрантов по районам РС(Я) в 2017 г., в %

Составлено по: Миграция населения Республики Саха (Якутия): стат. сборник. Т. 2. Якутск, 2018. С. 37-56

Социально-демографические характеристики выборки полужурналистов интервью среди сельских мигрантов 2013 г.

n=10 (г. Якутск)

п/п	Пол	Возраст	Образование	Семейное положение	Кол-во детей	Район выезда	Занятость	Стаж проживания
1	Ж.	71	Ср. проф.	вдова	3	Кангаласский	Пенсионер	5
2	Ж.	61	Ср. проф.	замужем	3	Мегино-Кангаласский	Пенсионер	1,5
3	Ж.	48	Среднее общее	замужем	1	Нюрбинский	Ип	15
4	Ж.	40	Ср. проф.	разведена, вдова,	3	Амгинский	Поликлиника	15
5	Ж.	31	Высшее образование	замужем	нет	Амгинский	СОШ	9
6	М.	57	Нач. проф.	разведен	нет	Намский	По найму в коммерческой и бюджетной сфере, часто меняет	10
7	М.	51	Ср. проф.	Разведен, сожительница	3	Кобяйский	По найму в ООО	10
8	М.	43	Среднее общее	разведен	3	Кобяйский	работает по договору таксистом	4
9	М.	22	Среднее общее	никогда не состоял в браке	нет	Нерюнринский, Иенгра	сезонная работа и случайные заработки	4
10	М.	22	Среднее общее	никогда не состоял в браке	нет	Среднеколымский	сезонная работа и случайные заработки	3

2014 г. n=10 (г. Якутск)

п/п	Пол	Возраст	Образование	Семейное положение	Кол-во детей	Район выезда	Занятость	Стаж проживания
1	Ж.	42	Среднее спец.	разведена	3	Оймяконский	По найму в бюджетной сфере (медсестра)	6
2	Ж.	37	Нач. проф.	разведена	2	Таттинский	По найму (повар-кондитер)	17
3	Ж.	32	Сред. спец., заочно высшее	разведена	1	Нюрбинский	Продавец	15
4	Ж.	31	Высшее	замужем	3	Сунтарский	По найму в бюджетной сфере (преподаватель СВФУ)	9
5	Ж.	30	Среднее общее, неоконч. Высшее	замужем	3	Верхне-Вилуйский	Продавец	12

6	Ж.	29	Высшее	замужем	3	Нюрбинский	Коммерческий банк	9
7	Ж.	29	Высшее	замужем	1	Таттинский	Продавец	11
8	Ж.	22	Высшее	Не замужем	нет	Момский	Медсестра	1
9	М.	30	Общее среднее	Женат	нет	Мегино-Кангаласский	Ип	10
10	М.	26	Высшее	Холост	нет	Нюрбинский	По найму (АО ИТЭЦ)	14

2015 г. n=10 (г. Якутск)

п/п	Пол	Возраст	Образование	Семейное положение	Кол-во детей	Район выезда	Занятость	Стаж проживания
1	Ж.	59	Высшее	Замужем	3	Оленекский	Органы управления	19
2	Ж.	42	Высшее	Замужем	2	Мегино-Кангаласский	в коммерч. сфере. (своя парикмахерская)	12
3	Ж.	36	Высшее	Замужем	2	Алданский	Нет	16
4	Ж.	24	Ср. проф.	Замужем	2	Среднеколымский	по найму в коммерческой сфере	3
5	М.	56	Нач. проф.	Женат (2-й)	1	Усть-Алданский	Ип	17
6	М.	56	Высшее	Женат	3	Оленекский	Ип	19
7	М.	51	Высшее	Женат (2-й)	4	Намский	Ип	9
8	М.	36	Среднее общее	Женат	1	Верхневилуйский	Ип	7
9	М.	29	Среднее общее	(разведен) сожительница	нет	Вилуйский	Такси	7
10	М.	20	Среднее общее	Женат	2 детей	Жиганский	по найму в коммерческой сфере	2

2016 г. n = 7 (г. Мирный)

п/п	Пол	Возраст	Образование	Семейное положение	Кол-во детей	Район выезда	Занятость	Стаж проживания
1	Ж.	37	Среднее общее	Вдова, сожитель	1	Нюрбинский	Где придется	8
2	Ж.	25	Среднее общее	сожитель	1	Сунтарский	Что получится	4
3	Ж.	24	Высшее	замужем	нет	Сунтарский	В бюджетной сфере	2
4	Ж.	24	Высшее	Не замужем	нет	Мирнинский	В бюджетной сфере	2
5	М.	42	Среднее общее	Сожительница	нет	Ленский	ЖКХ (дворник)	8
6	М.	28	Среднее общее	Никогда не состоял	1	Мирнинский	ЖКХ (сантехник)	6
7	М.	26	Высшее	Женат	нет	Намский	В АПРОСА	4

**Социально-демографические характеристики выборки КСИ
«Этнические мигрантские и старожильческие сообщества:
процессы инклюзии и социальные сети» (n=892)**

Распределение по возрасту: 18-19-лет – 9,8%; 20-24 – 10,9%; 25-29 – 12,7%; 30-34 – 12,3%; 35-39 – 10,7%; 40-44 – 10,4%; 45-49 – 10,5%; 50-54 – 8,6%; 55-59 – 6,3%; 60-64 – 4,1%; 65 лет и старше – 3,7%;

Распределение по национальному составу: русских – 54,6%; якутов – 31,8%; представителей коренных малочисленных народов Севера – 1%; иных национальностей – 12,6%;

Уровень образования: нет ответа – 0,3%; без образования – 0,3%; начальное, менее 8 классов – 1,8%; неполное среднее – 2,6%; общее среднее – 18,6%; среднее специальное (ПТУ, техникум) – 30,6%; незаконченное высшее (4 курса и выше) – 7,5%; высшее – 36,8%; два и более высших образований – 1,1%; научная степень (аспирантура) – 0,3%.

**Социально-демографические характеристики выборки КСИ
«Анализ ситуации в области уровня и качества жизни населения,
социального обслуживания, социальной защиты населения,
соответствия целевых установок государственных программ РС(Я)
проблемам в данных областях» (n=1670)**

Распределение по полу: мужчин – 48,4%, женщин – 51,6%;

Распределение по возрасту: 15-19-лет – 8%; 20-24 – 8,1%; 25-29 – 11,5%; 30-34 – 11,7%; 35-39 – 9,9%; 40-44 – 10,2%; 45-49 – 8,2%; 50-54 – 8,7%; 55-59 – 8,3%; 60-64 – 6,4%; 65-69 – 4,4%; 70 лет и старше – 4,6%;

Распределение по сферам занятости: промышленность, энергетика – 16,2%; строительство – 4,2%; транспорт, связь – 5,4%; ЖКХ – 4,5%; финансы, кредит, страхование, инвестиции – 1,6%; органы государственного и муниципального управления – 6,2%; образование, наука – 16,5%; здравоохранение – 6,9%; культура, СМИ, спорт – 1,3%; информационно-вычислительное обслуживание, IT-технологии – 0,4%; правоохранительные органы, МЧС, военная служба – 3,2%; торговля, сфера услуг, бытовое обслуживание – 6,9%; сельское и лесное хозяйство, экология – 2,6%; животноводство, оленеводство – 0,2%; традиционные промыслы (рыболовство, охота) – 0,4%; другое – 2,4%; неработающие (учащийся, студент, пенсионер, безработный, домохозяйка и т.д.) – 19,2%; нет ответа – 1,7%.

**Социально-демографические характеристики выборки КСИ
«Разработка стратегии социально-экономического развития городского
округа «Жатай» Республики Саха (Якутия) на период до 2030 года»
(n=365)**

Распределение по полу: мужчин – 47,4%, женщин – 52,6%;
Распределение по возрасту: 18-19 лет – 1,9%; 20-29 – 17,8%;
30-39 – 21,9%; 40-49 – 22,7%; 50-59 – 18%; 60-69 – 12,6%; 70 лет
и старше – 5,1%;

Распределение по национальности: саха – 32,3%; русские –
58,9%; малочисленные народы Севера – 1,6%; представители
других национальностей – 7,1%;

Распределение по образованию: высшее и н/высшее – 33,2%;
среднее специальное и начальное профессиональное – 42,7%;
среднее общее и незаконченное среднее – 24,1%.

Приложение 5

**Структура сельскохозяйственных угодий по категориям хозяйств
(по данным ВСХП-2016, в %)**

	С/х организации	В том числе			КФХ и ИП	ЛПХ
		С/х организации	Малые предприятия	Подсобные хозяйства несельхоз. предприятий		
РФ	63,4	31,4	30,6	1,3	27,8	8,8
ДВФО	59,1	26,4	29,7	3,0	31,2	9,7
РС(Я)	39,6	12,7	23,5	3,4	20,1	40,1

Приложение 6

**Структура поголовья по категориям хозяйств
(на начало года, в процентах) [ТОГС по РС(Я)]**

Поголовье	Сельскохозяйственные организации (в т.ч. родовые общины, подсобные хозяйства несельхоз. предприятий)		Крестьянские (фермерские) хозяйства и ИП		Личные хозяйства населения	
	2012	2016	2012	2016	2012	2016
КРС, в т.ч.:	21,6	18,7	27,2	28,3	51,3	53,0
Коровы	25,5	21,4	29,7	29,9	44,8	48,7
Лошади	38,6	27,5	34,3	39,8	27,1	32,7
Олени	89,5	93,2	0,1	0,2	10,4	6,6

Приложение 7

Численность работников сельскохозяйственных организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей (по данным ВСХП-2016)

	Численность работников сельхозпредприятий, чел.		Численность работников КФХ и ИП, чел.	
	Всего	Из них занятых в с/х производстве	Всего	Из них занятых в с/х производстве
РФ	1386567	1232827	377947	367160
ДВФО	34046	30258	18533	17919
РС(Я)	6404	5634	7449	7063

Приложение 8

Производство основных продуктов животноводства (в хозяйствах всех категорий, на конец года) [ТОГС по РС(Я)]

Годы	2012	2013	2014	2015	2016
Скот и птица на убой (в живом весе), тыс. тонн	40,1	39,3	35,5	35,5	35,1
Молоко, тыс. тонн	177,6	170,4	168,4	164,6	164,6

Приложение 9

Структура производства основных продуктов животноводства (в % от общего объема производства) [ТОГС по РС(Я)]

Поголовье	Сельскохозяйственные организации (в т. ч. родовые общины, подсобные хозяйства несельхоз. предприятий)		Крестьянские (фермерские) хозяйства и ИП		Личные хозяйства населения	
	2012	2016	2012	2016	2012	2016
Скот и птица на убой (в убойном весе)	32,0	24,2	26,1	28,3	41,7	47,5
Молоко	21,9	21,2	29,6	29,4	48,5	49,4

**Социально-демографические характеристики выборки КСИ
«Качество жизни детей в Республике Саха» (n=383)**

Распределение по месту жительства: город – 61,4%, село – 38,6%

Распределение по количеству детей: с одним ребенком – 51,2%; с двумя детьми – 33,4%; с тремя и более детьми – 15,4%.

Распределение по сферам занятости: Образование, дошкольное воспитание – 21,1%; Здравоохранение, социальное обеспечение – 13,3%; Промышленность, строительство, транспорт, связь, производство и распределение электроэнергии, газа и воды – 10,7%; Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство – 7,0%; Сфера услуг, бытовое обслуживание, оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; гостиницы и рестораны; предоставление прочих коммунальных, персональных услуг – 14,6%; Культура, наука, СМИ, спорт – 8,1%; Органы управления, кредитно-финансовая среда (операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг), страхование, пенсионное обеспечение – 9,4%; Армия, МВД, ФСБ – 9,4%; Другая отрасль – 4,2%; Нет ответа – 2,1%.

Научное издание

**РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ):
ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ
И СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ**

Коллективная монография

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера

Сибирского отделения Российской академии наук

Адрес: 677027, Якутск, ул. Петровского, 1

Тел: +7 (411) 236-14-49

Официальный портал: www.igi.ysn.ru